

реальность фантастики

12 2008

Проза:

Наталья Колесова
«Дом»

Олег Гаврилин
«Дирижер Апокалипсиса»

Олег Силин
«Девушка целевой мечты»

Эльдар Сафин
«Пожиратели книг»

Критика:

Людмила и Александр
Белаш
«Русская Океания. Первооткрыватели»

Лев Гурский
«Люди и нелюди из золота и железа»

Подпишись на журнал **hi-Tech PRO** с июня по декабрь 2009 года и выиграй приз!

**Главный приз —
компьютер**

Партнер акции — компания АБВУ Украина
www.ABBYY.ua, store.ABBYY.ua

Призы —
электронные словари **ABBYY Lingvo**
и система распознавания **ABBYY FineReader**

Я оформляю подписку на **hi-Tech PRO** с DVD
с июня по декабрь 2009 года

— 196 гривен*

Для того чтобы ежемесячно получать журнал, необходимо:

- перечислить на счет ООО «СофтПресс» 196 гривен. Выполнить перевод можно в отделении любого банка.**
Р/с 26006000001001 АО «Индексбанк» г. Киева МФО 300614, ЗКПО 22909834
- выслать по адресу: 03005, а/я 5, Киев, ООО «СофтПресс» копию квитанции об оплате и заполненный купон.

Адрес

Ф.И.О. или организация

e-mail

Телефон

* — без НДС согл. п. 5.1.2

** — за перечисление денег банк возьмет небольшую плату

СОДЕРЖАНИЕ

№ 12 (64) 2008

Проза

2. Наталья Колесова / ДОМ
 «Гасси, Гасси...» 4
3. Олег Гаврилин / ДИРИЖЕР АПОКАЛИПСИСА
 «*Чушь несусветная! — Натан Тинкер отбросил...*» 49
4. Яна Говорова / ЛИВЕРПУЛЬ И ЗЕТ ДОЛГ РОДИНЕ
 «*Страшно хотелось сморкнуться. Вот просто не...*» 73
5. ельдар Сафин / ПОЖИРАТЕЛИ КНИГ
 «*В открывшийся люк было видно серую полосу...*» 92
6. Ника Ракитина,
 Михаил Бобров / ПОЧТИ ЕГО ДОМ
 «*Во, опять жмура повезли, — рука Милы дрогнула...*» 106
7. Олег Силин / ДЕВУШКА ЦЕЛЕВОЙ МЕТЧЫ
 «*Мы видим потребителями нашей продукции...*» 120
8. Евгений Макухин / СТАРАЯ МОНЕТА СЧАСТЬЯ
 «*Сергей! Я кому сказала, иди сюда! Не приставай к...*» 133
9. Ника Батхен / ПРИЯТНОГО АППЕТИТА
 «*Нетрезвый и невеселый писатель Н. возвращался...*» 140
10. Татьяна Минасян / ОЛЬГА I, ПАВЕЛ II...
 «*Император Николай I в крайнем раздражении...*» 153
11. Сергей Лукиянов / ХРАНИТЕЛИ
 «*Ворота храма Томонодзи заперли с заходом...*» 157
12. Сергей Лукиянов / ПРАЗДНИК ПРЕДКОВ
 «*В городке Такета, что в провинции Оита, стояла...*» 162

НФ-очерк

20. Людмила и Александр
 Белаш / РУССКАЯ ОКЕАНИЯ. ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ 165

Кинопортал

24. Лев Гурский / ЛЮДИ И НЕЛЮДИ ИЗ ЗОЛОТА И ЖЕЛЕЗА 175

НАТАЛЬЯ КОЛЕСОВА

ДОМ

АССИ, ГАССИ...

Маленькие пальчики дергали за простыню, тянули за волосы, щипали...

— Гасси! Гасси!

Она со стоном перевернулась на спину.

— Ну, Гасси я, Гасси... Что вам от меня надо?

Мохначи возбужденно прыгали по постели и по полу, хватали за руки, пытались стащить ее с кровати. Бормоча невнятные ругательства, Гасси села и с ненавистью уставилась в темноту.

— Если там еще один щенок, клянусь, утоплю его собственными руками!

Растрепанная, всклокоченная, босая, в одной ночной рубашке, она дошагала до кухни и рывком распахнула дверь.

Щенка не было. Вместо него на крыльце дома лежал человек. Когда дверь открылась, голова его тупо стукнула о порог — можно было понять это и как вежливое пожелание войти...

Гасси посмотрела направо, налево. Стояла глубокая ночь, город давно спал, стих даже шум близкой стройки. Гасси посмотрела вверх. Наверху было сито звезд, полная луна и сидящий на козырьке крыши филин.

— Ну-ну, — сказала Гасси. — Если это твои шуточки, ушастый, я тебе шею сверну!

— Угу, — принял к сведению филин и, распахнув крылья, взмыл в небо, на мгновение заслонив луну. Гасси включила тусклый наддверный фонарь, присела рядом с лежащим, осторожно толкнула его в плечо. Человек послушно перевернулся на спину — и она его узнала.

Все оказалось еще хуже, чем казалось. Гасси села на пятки и с тихой яростью оглядела темный двор.

— Ну, только узнаю, кто!..

Оставалась еще надежда, что она не сумеет затащить такого крупного мужчину в дом. Мохначи лишили ее и этой надежды — вцепились в рубашку и брюки лежащего, волоча его так целеустремленно и стремительно, что ей оставалось только поддерживать ему голову. Они даже втянули его на кушетку и принялись деловито подтаскивать подушки и пледы, пока Гасси, сморщившись, не замахала руками, разгоняя их, как надоедливых мух.

— Все-все, хватит, спасибо! Спасибо всем, кто помог вырыть для меня глубокую могилу!

Гасси, выпрямившись, уперлась руками в бока и уставилась на Стивена Уокена. Даже сейчас, в далеко не лучшем своем виде — пыльный, бледный, с запекшейся кровью на левом виске — он выглядел как воплощение грез любой юной девы...

И не очень юной.

Чтоб он сдох.

Что, он, кстати, пока она на него таращилась, вполне мог успеть сделать. Гасси дотронулась до влажной кожи и, к своему сожалению, почувствовала слабо пульсирующую жилку. Повернулась к рассеявшимся кругом, как в цирке, мохначам:

— Ну да, он здесь, в моем доме! И что я, по-вашему, должна с ним делать? Добить, чтобы все мы были счастливы?

Мохначи загомонили наперебой, но, отмахнувшись от них, Гасси схватилась за телефон.

— Доктор дома? Разбудите, пожалуйста, это очень срочно! А, это ты! Будь другом, возьми чемоданчик со своими причиндалами и приезжай ко мне... Нет, не со мной. С подкидышем.

Стивен Уокен остановился, положив руки на низкую калитку. К дому вела извилистая, выложенная цветным кирпичом дорожка. На широком крыльце веранды сидела женщина. Он не сомневался, что это именно та, которая ему нужна. Просторная светлая старая рубашка, легкие полотняные короткие брюки, широкополая шляпа из соломки. В руках женщины были садовые ножницы. Ему говорили, она любит возиться в саду...

— Добрый день! — сказал он, слегка повысив голос. — Можно войти?

Она вскинула голову, взглядываясь в него из-под полёй шляпы. Положила ножницы на крыльцо рядом, вытерла о рубашку руки.

— Здравствуйте. Заходите, конечно.

Мужчина шел по дорожке между розами — она с любопытством разглядывала его. Наверняка один из этих рабочих, что целыми днями трудятся по соседству. Сейчас попросит пить или позвонить по телефону. Большой частью они были дружелюбны, да и она не старалась наживать себе лишних врагов. Она сняла шляпу, положив ее на перила, распустила хвостик. Мужчина остановился у крыльца и некоторое время смотрел на нее сквозь стекла темных очков. Она вопросительно подняла брови.

...Черт, они говорили — «упрямая старая дева» — и он представил себе иссохшее злобное существо, безвкусно одетое, ненавидящее весь белый свет, и мужчин — в особенности. Женщина оказалась ненамного его старше, и, хотя внешности вполне заурядной, вовсе не была замшелым страшилищем...

— Мне нужна хозяйка дома, — сказал он на всякий случай.

— Это я, — она слегка склонила голову набок, улыбаясь ему снизу зелеными глазами. Это у нее здорово получилось, он и сам не прочь перенять такой прием.

Так как он молчал, Гасси решила ему помочь.

— Хотите пить?

— Пить? — он рассеянно огляделся. — Да, неплохо бы. Эта чертова жара...

— Я принесу, — она легко встала, повернулась и исчезла в полумраке двери. Стив опустился на крыльцо, разглядывая роскошные, тяжелые, ухожен-

ные розы. Сад был небольшим, но создавал странное впечатление уединенности, отгороженности от остального мира. Даже звуки близкой стройки были приглушенными, будто дом и сад накрыло прозрачным куполом — жужжание пчел, шелест листьев, журчание ручья... Ручья? Он наклонил голову, прислушиваясь, даже привстал, собираясь увидеть этот самый ручей...

— Вот лимонад — хотите?

Он с благодарностью принял запотевший стакан. Действительно, было очень жарко. Хозяйка уже вернулась, а он так и не придумал, с чего начать разговор. В этом месте совершенно не хотелось думать. Хотелось смотреть, вдыхать аромат роз, наслаждаться освежающей прохладой лимонада...

Оставалось полагаться на интуицию и везенье. Они его редко подводили.

— Здорово, — искренне сказал он, кивнув на цветы. Хозяйка со спокойным удовольствием оглядела сад.

— Да. Но капризны, как дьяволы! Вон на те, видите, бордовые, я потратила три года...

Он снизу взглянул в ее лицо. Прислонившись плечом к столбу веранды, непринужденно скрестив ноги, женщина отпивала из своего бокала маленькими глотками. Лицо у нее было незагорелым, такая светлая кожа вряд ли хорошо выносит солнце. Поэтому она и надевает шляпу...

Он обругал себя — скажите, какой глубокомысленный вывод! Какого черта он приперся сюда? Все можно было решить в кабинете у мэра, в присутствии юристов...

— Мы здорово вам мешаем, а? — теперь он мотнул головой в сторону шумящей стройки.

— Конечно, теперь здесь не так тихо, — согласилась она, скрестив на груди руки. Светлая ткань рубашки натянулась, стало заметно, что на хозяйке нет лифчика. Не то, чтобы он был против, смотреть очень даже приятно, но опять отвлекало от дела. — Знаете, раньше здесь была очень тихая улочка. Всего тринадцать домов, деревья, тень... все друг друга знают...

Он задумчиво разглядывал стакан с лимонадом. Ему ли не знать: он скупал эти дома один за другим. И сносил.

— Хуже всего ночью — звуки далеко разносятся по реке. Я теперь закрываю окна, но все равно...

— И вам не скучно теперь здесь... одной?

Она сделала глоток. Сказала спокойно:

— Пожалуй. Я привыкла к соседям.

Это было слабо сказано. Она могла притворяться перед другими, но не перед собой. Она знала их с самого рождения — люди на Зеленой улице почти не менялись, и каждый знал привычки, слабости и чудачества остальных. И мирился с ними. Здесь шла иная — тихая, издавна установившаяся жизнь, далекая от современного ритма, дразг, страстей. Жизнь, к которой она стремилась в суе больших городов. Жизнь, к которой она вернулась. И теперь эта жизнь кончилась, разбилась, оставив после себя лишь два осколка — дом и она в нем.

Она взглянула на сидящего перед ней широкоплечего мужчину — нельзя объяснить это никому, потому что ни объяснить ни понять невозможно. Многие из соседей плакали перед отъездом, но все же уезжали, бросая свои дома, как состарившихся животных-любимцев. Она рассеянно погладила вытертые до блеска перила, сказав беззвучно: «Уж я-то тебя не оставлю».

Стив задумчиво шурился. Он не мог ошибиться — она и вправду чувствовала себя одинокой. Без поддержки единомышленников... Может, она уже колеблется? Может, надо только осторожно подтолкнуть?

Но хозяйка мигом развеяла его надежды, сказав:

— Я родилась, жила и буду жить здесь.

Она, конечно, не знала — кто он — но не могла адресовать свои слова точнее.

— Стив! — Оба вздрогнули. Тойво, его помощник, стоял у калитки, озабоченно взмахивая рукой. — Уокен! Вот ты где! Давай скорее, там тебя ищут!

Мысленно чертыхнувшись, он поставил стакан на широкие перила и поднялся. Женщина пристально смотрела на него. Из глаз ее ушла улыбка.

— Вам пора, мистер Уокен, — сказала она низким голосом.

— Спасибо за лимонад, мисс Хилл, — сказала он ей в тон. — Я ваш должник.

— Забудьте, — она сузила глаза. — И проваливайте.

Улыбнувшись, Стивен чуть приподнял шляпу. Хорошо, что он не представился сразу, а то бы она наверняка подмешала ему в лимонад крысиного яда.

Он вразвалку побрел между роз. У калитки резко обернулся — но Хилл была настолько упряма, что даже не пожелала смотреть ему вслед и теперь закрывала за собой дверь. Он заметил шевельнувшуюся занавеску на втором этаже дома. Кто там у нее? Тайный любовник?

— Пошли, Тойво, — сказал он. — А ты, вообще-то, в курсе, что на свете существуют мобильные телефоны?

Она осторожно пробиралась по краю разбитой самосвалами дороги — ночью прошла гроза и рытвины превратились в угрожающе глубокие озера. Оставалось всего-ничего до того, чтобы свернуть на Липовую аллею, как мимо пронесся джип, обдав ее веером брызг и грязи. Касси запоздало прикрылась сумкой, но безупречно чистый летний костюм и чулки покрылись мошкаррой брызг. Взгляд на часы — возвращаться переодеваться некогда, сегодня ее очередь открывать библиотеку. Ладно, с помощью щетки она сумеет привести себя в приличный вид.

Она ни секунды не сомневалась, что за рулем громадного блестящего джипа сидел сам Уокен или кто-то из его подручных. Местный бы немедленно остановился и бросился к ней с извинениями. Касси сдвинула брови. Ладно, пусть у него колеса отвалятся, но дня он ей не испортит!

Однако эта мелкая пакость все же настолько выбила ее из колеи, что она добралась до работы с головной болью, копившейся в затылке. Пока приводела себя в порядок, у стойки скопилось уже трое посетителей, и самая первая — о, боже, она совсем забыла, что сегодня среда! — вечно раздраженная Мей Карсон. Касси напряженно улыбнулась, извинилась, и повела миссис

Карсон к нужным полкам. Долго искала заказанный журнал, выслушивая сетования на нынешнюю молодежь, на потерянное время, на небрежность и невежливость некоторых работников библиотек... Потом посетительница без передышки переключилась на соседей, чья собака беспрерывно лает, не давая ей спать, на продавщицу в магазине, которая ее без конца обвешивает, на... Список претензий миссис Карсон к миру был поистине бесконечен. От Касси не требовалось ничего кроме приличествующих случаю фраз типа «вот как — неужели — как жаль»...

Когда, так ничего и не выбрав, умиротворенная миссис Карсон отправилась к двери, она почувствовала, что вся взмокла. Джоан, успевшая за это время обслужить троих, кивнула ей с сочувствием.

— Иди попей кофейку, Касси! Эта старая стерва тебя совсем вымотала!

— Разжевала и выплюнула! — простонала Касси. — Скажи, ты не знаешь, зачем она сюда ходит? Она ведь у нас почти ничего не берет! Каждый раз после нее чувствую себя помойным ведром!

— Она приходит подзаряжаться! — авторитетно объявила Джоан. — У тебя ведь, как у настоящей ведьмы, такая сильная энергетика!

— Энергетика! — фыркнула Касси и вытянула средний и указательный пальцы. — Покажите мне, где здесь розетка, а то мой аккумулятор совсем сдох! Его высосала миссис Карсон... Господи, Джоан, неужели я тоже стану такой в старости?

— Ну, говорят, она и в молодости была не чище. Но ты с ней хорошо справляешься.

— Ну да, хорошо! Чувствую себя так, словно меня бульдозер переехал.

— Кстати, — осторожно начала Джоан. — Насчет одинокой старости. Знаешь, у меня есть знакомый симпатичный приятель...

— Боже упаси, Джоан! — перебила Касси. — У меня и без того хлопот полон рот!

— Нет, ты безнадежна! — привычно вздохнула Джоан. С ее двумя замужествами и кучей «симпатичных приятелей», она и представить себе не могла, как можно обходиться без мужчины. Правда, если учесть наследственность Касси... Нет, она ничего плохого не имеет в виду, но, в принципе, этим многое можно объяснить — и цепляние за старый дом и отказ от блестящей, по всеобщему мнению, карьеры в мегаполисе... да и нежелание связывать свою судьбу с кем-либо из мужского населения города...

Тишину библиотеки взорвали звонкие детские голоса. Касси со вздохом отставила чашку.

К вечеру ей уже действительно казалось, будто ее переехала машина. Причем туда-сюда-обратно — и не раз. С усталой обреченностью услышала возбужденный голос Джоан:

— Касси, к тебе гости!

До закрытия оставалось еще пятнадцать минут. Вздохнув, она потеряла виски:

— У тебя есть что-нибудь от головы? Да, подойдет, спасибо...

Морщась от резкого вкуса химии, запила таблетки водой. Кивнула Джоан, чтобы та привела запоздалого читателя.

— Здравствуйте.

Она подняла глаза и ощутила что-то вроде нокдауна. Стивен Уокен смотрел на нее с улыбкой, по-хозяйски положив загорелые крупные руки на деревянную стойку. Он был, как и вчера, в клетчатой рубашке и джинсах, только снял темные очки, что лишь прибавило обаяния его энергичному мужественному лицу. Лицу, которому хотелось доверить не только свою судьбу, но и судьбу своего дома. И Джоан маячила за его спиной, делая большие глаза и безмолвные восхищенные жесты.

— Чем обязана? — нелюбезно поинтересовалась Касси.

— Заехал посмотреть, где вы работаете. Уютное местечко.

— Извините, мы закрываемся.

Уокен лишь основательней навалился на стойку.

— А могу я записаться к вам в библиотеку?

— Пожалуйста, внесите залог и заполните карту, — сказала Касси, не подымая глаз. — Джоан, помоги мистеру Уокену.

— Прости, Касси, но я уже ушла! — отозвалась подруга из-за полок. Так, ясно, ее предали. Она покосилась на часы и подавила вздох — еще десять законных минут. Уокен добросовестно заполнял карту. Глядя в его затылок, где под каштановыми волосами не было и намека на грядущую лысину — и позлорадствовать-то нечему! — она повторила нетерпеливо:

— Поторопитесь, библиотека закрывается.

Тот взглянул исподлобья. Зоркие насмешливые голубые глаза.

— Ну так предложите что-нибудь по своему вкусу.

— Наши вкусы не совпадают, — отрезала она, щелкая замочком сумочки.

— Вы так в этом уверены?

— На все сто!

— Только потому что меня не прикалывают старые дома?

— У вас осталось две минуты, — предупредила она. Уокен оглянулся, сделал большой шаг и, достав с полки толстую книгу, продемонстрировал ее библиотекарю.

— Саймак, — вслух прочитала та и невольно взглянула на него. Уокен вздернул темные брови.

— А что, я не имею права любить старика Саймака?

Касси промолчала, быстро заполняя формуляр. Он ведь понятия не имеет, что это ее любимый писатель.

— Срок возврата через месяц. Если не сможете вернуть вовремя, предупредите по этому телефону.

— Это ваш домашний? — невинно поинтересовался Уокен.

— Мистер Уокен, ДО СВИДАНИЯ.

Она потянула время, проверяя сигнализацию, все окна и двери, но, выйдя из библиотеки, увидела, что он поджидает на другой стороне улицы.

— Разрешите вас проводить? — спросил Уокен, мгновенно оказываясь рядом. Она взглянула мельком.

— Если не разрешу, это что-то изменит?

Уокен ухмыльнулся.

— Нет.

Пошел рядом, приноравливаясь к ее широкому стремительному шагу. Не прикрито разглядывал ее профиль. Чем-то она напоминала лисицу — острый нос, подбородок, узкое лицо, быстрые, приподнятые к вискам глаза. Можно, конечно, найти в ее внешности что-то пикантное... Если очень постараться.

— А что с вашей машиной? — внезапно спросила она, не глядя на него.

— С машиной?

— Ну да, с этой здоровенной черной зверюгой.

— Тойво сегодня с утра попал в небольшую аварию... что-то с колесами... — ему не понравилась ее улыбка. — А что?

Она не ответила.

— Эй-эй, — сказал он, сворачивая следом. — Вы что, не к себе домой?

— А разве вас кто-нибудь куда-нибудь приглашал, мистер Уокен?

Он побрел за ней к последнему из купленных домов. Женщина легко взбежала по ступеням и повернула ключ. Между прочим, это его собственность, напомнил Стивен. Про себя. Даже если б он это сделал вслух, она бы все равно не услышала. Они постоянно находились на разных радиочастотах.

Чета Бейкеров принесла ей ключ три дня назад. Они прятали глаза и говорили, что дом слишком велик для них, а дети и внуки не хотят сюда возвращаться. Не будет ли она так добра присмотреть за ним, пока... Они так и не сумели вымолвить пока — что? Она не сказала им ни слова. Просто не было сил обвинять или ободрять их.

Гасси повернула ключ и вошла туда, где они пытались запереть свое прошлое, свои воспоминания. Не за чем было присматривать в этом доме — Бейкеры забрали с собой все.

Кроме...

Она вздохнула, увидев стоящий на полу горшок с чуть повядшей геранью. Конечно, зачем он был нужен им там, в комфортабельном доме престарелых? А что он комфортабельный, она нисколько не сомневалась — Уокен умел быть убедительным не только в словах, но и в средствах.

Гасси наклонилась и подняла цветок, пробормотав:

— Домовой-домовой, пойдем со мной...

Погладила глиняный бок горшка, огляделась и добавила со вздохом:

— Пойдем, бедолага. Может, мы найдем тебе новый дом.

Уокен, привалившийся к столбу веранды, поднял выразительные брови:

— Горшочек с золотом?

Не говоря ни слова, она прошла мимо него к своему дому. Возле калитки развернулась к Уокену, следовавшему за ней подобно молчаливому преданному псу:

— Я не думаю, что...

Он вскинул руки, словно сдаваясь:

— Я хочу только поговорить, мисс Хилл. Этот разговор вас ни к чему не обязывает.

Женщина наклонила голову, раздумывая. Но смотрела не на него, а так... отвлеченно, будто к чему-то прислушивалась. Неожиданно кивнула.

— Идите на задний двор. Я сейчас.

Он проходил мимо крыльца, когда она открыла дверь — и снова из дома повеяло прохладой. И еще — там было очень темно. Конечно, после такого-то солнца...

Стив и дуб смотрели друг на друга. Стивену дуб понравился. Он был таким... основательным. Будто рос здесь всегда. Уокен обернулся и посмотрел на дом. Он даже затруднялся сказать, что было раньше — дуб или дом. Может, однажды один из Хиллов ехал по берегу реки, увидел дуб, спешился с лошади и решил, что построит здесь дом. С тех пор немало поколений маленьких Хиллов выросло, карабкаясь на эти раскидистые ветки, точно специально подставляющие свои мощные ладони. Или качаясь на подвешенных качелях. Стив машинально толкнул облезшие качели. Они были рассчитаны на двоих. Интересно, как прореагирует мисс Хилл, если он предложит покататься вместе? Он оглядел зеленую лужайку. А вот и ручей! Ручей тек по самодельному руслу из плоских каменных плиток, собираясь в крохотный пруд — Стив назвал бы его просто лужей. По вечерам тут наверняка дает концерты лягушачий хор. Деревья, густой кустарник вместо изгороди, деревянная садовая мебель. Он сел на скрипнувшее кресло, посмотрел на дом. Что ж, дом ему нравился. Он сам построит или купит себе такой. Попозже. Лет эдак через сорок.

Хозяйка вышла через заднюю дверь, и Стив невольно хмыкнул, заметив, что она прижимает к груди кувшин с лимонадом. Так как там насчет яда? Она вылезла из своего костюма заштатной учительницы и переделалась в веселенькое летнее платье. Строго уложенные волосы теперь были забраны в хвостик, из-за чего женщина вновь напомнила ему лису. Жаль, что это преобразование вовсе не сделало ее проще и ближе. Не спрашивая, налила ему бокал лимонада, взяла в руки второй и опустилась в кресло-качалку. Он сделал глоток и посмотрел на нее. Мисс Хилл сидела, закрыв глаза. Он и сам был мастер по части пауз, но она, похоже, попросту о нем позабыла. Или вообще задремала. Он критически рассматривал хозяйку. Она могла упрямыться сколько ее душе угодно, но он не сомневался в успехе. Не таких обламывал.

— Мисс Хилл, — начал он, ставя на стол бокал. — Я прекрасно понимаю...

— Тшш, — сказала она, не раскрывая глаз. — Помолчите немного. Послушайте.

— Что?

— Тишину.

Он вздохнул и — кретин кретином — действительно прислушался. Пели птицы. Бормотал ручей. Шелестела листва над головой. Мерно поскрипывало кресло-качалка. Чуть позвякивал лед в бокале в ее руках.

Нет, он слышал звук стройки и шум изредка проезжавших машин — но все равно здесь царил тишина. Тишина, которую не разрушил бы и грохот стартующей за домом ракеты... Омывающая все вокруг тишина, настолько далекая от него самого и ритма его жизни, что он вдруг растерялся. Или расслабился. Или... просто попался.

Потому что представил вдруг, что сидит здесь вечером, покачиваясь в уютном кресле, потягивая из своего бокала, и наблюдает, как закат устраивает для него роскошное цветное представление — каждый раз новое, неповторимое. И над лужайкой уже загорается фонарь, вокруг которого вьется мошकारа, а за спиной звучат негромкие голоса и смех, светится теплыми огнями дом.

Дом, который его любит и ждет...

Он сжал губы и посмотрел на женщину. Продолжая раскачиваться в своем кресле, она еле заметно улыбалась с закрытыми глазами. Как она это делает? Или — ЧТО это она делает?

— Мисс Хилл, — позвал он и голос его рассек тишину, как бритва. — Мы можем поговорить?

Она раскрыла глаза и как будто удивилась, увидев, что он еще здесь.

— Мы? О чем?

Он почувствовал себя круглым идиотом, а этого редко кому удавалось добиться.

— О деле.

Она пожала гладкими открытыми плечами, едва тронутыми легким загаром.

— Не о чем говорить. Я не передумую.

— Тогда зачем вы пригласили меня сюда? — спросил он, совершенно забыв, что сам настоял на встрече. Она серьезно задумалась.

— Я не приглашала. Меня попросили.

— Кто попросил?

— Он, — сказала она, как само собой разумеется, и махнула рукой. Стив оглянулся, смутно ожидая увидеть еще какого-нибудь соратника негибавшей мисс Хилл. И вдруг понял, что она имеет в виду дом.

Кассандра Огаста Хилл ворвалась к нему спозаранку — как раз заканчивалось совещание. Народ уже поднимался, собирая бумаги, когда дверь широко распахнулась и в вагончик влетел маленький тайфун — бумаги взлетели к потолку, мужчин отнесло в стороны (и слава богу, целее будут!). Хилл ухватила обеими руками за стол — Стивену показалось, тот затрещал — и выпалила ему в лицо:

— Думаешь, это сойдет тебе с рук?!

Он прижмурился на мгновение, ослепленный яростью, плавившейся в зелени глаз мисс Хилл, и ровно сказал:

— Свободны. Все.

Его работники выходили нехотя, оглядываясь, тормозя в дверях. Тойво из солидарности остался, прижав чертежи к груди — точно щит.

— Итак, мисс Хилл? — Стив откинулся на вертящемся стуле, постукивая карандашом по столешнице. — Продолжайте. Я вас очень внимательно слушаю.

Мисс Хилл одним махом смахнула все со стола. Стивен поднял брови.

— Впечатляет.

— Впечатляет? — она перегнулась через стол. — Я тебя еще не так впечатлю, вандал гребаный!

Он крутнулся на стуле.

— Неплохой лексикон для библиотекаря. Но я до сих пор не понимаю, что вас так огорчило?

— Огорчило?! Скотина! Ты их уничтожил!

— ИХ?

— Нечего строить такую невинную рожу! Ты понимаешь, что я могу подать на тебя в суд? Думаешь, если разорил мой сад, это заставит меня сдвинуться с места? Черта с два!

Начиная понимать, он поднял руку с карандашом.

— Минуточку, мисс Хилл...

— Да ни секунды! Я тебе рассказала, сколько труда в них вложила, и потому ты, сволочь...

— Воздержитесь от оскорблений, пожалуйста. Вы говорите, кто-то уничтожил ваш сад?

— Не КТО-ТО, а ты! Или кто-то по твоему указанию! Но твои методы годятся только для беззащитных стариков, а на меня они не действуют!

Действуют, еще как действуют. Стивен помолчал.

— Мисс Хилл, вы, конечно, можете обратиться в полицию, но мою причастность или причастность моих рабочих к этому... инциденту еще следует доказать. Я могу подать на вас в суд за клевету. Так что ваша жалоба отклоняется.

— Жалоба?! — она чуть не взвилась до потолка. — Жалоба! Я пришла сказать, что знаю, кто это сделал, кретин ты этакий! И скоро ты приползешь ко мне на коленях прощения вымаливать.

Сгребла со стола телефон и, поколебавшись секунду, выбрала компромиссный вариант — швырнула в стену над ухом Уокена. Стивен моргнул, коснулся щеки, в которую полетели пластмассовые осколки несчастного аппарата, но не успел и рта раскрыть — ведьма вылетела из вагончика. Не на помеле, хоть и с той же скоростью.

Тойво перевел дух. Сказал благоговейно:

— Господи ты боже мой! Вот это баба! Ты цел?

Стив оглядел следы посещения мисс Хилл. Отбросил карандаш и гаркнул:

— Ну, и кто?!

— ...это можно квалифицировать как похищение. У тебя могут быть неприятности.

— Да ты что? — женщина неприятно засмеялась, и он сморщился от нахлынувшей боли. — Он сам — ходячая неприятность! Ну ладно, сейчас лежачая...

Стив осторожно выдохнул — получилось, видимо, громко, потому что говорившие сразу смолкли.

— Где... где я? — спросил он. — Кто тут? Почему так темно?

— Темно? При такой-то куче свечей?.. — голос женщины смолк. Он почувствовал движение воздуха над своим лицом — перед его глазами провели рукой.

— Ну, здорово! Еще чего не хватало! — раздраженно сказала женщина. — Дан, он ничего не видит!

Он нащупал повязку, провел пальцами по лбу, по виску и дернулся:

— Вот черт!

— Неплохо приложились? — прозвучал справа знакомый голос. Он повернул голову и задержал дыхание, пережидая приступ тошноты.

— Эй! Как вас там! Мисс Хилл, это вы? Я все еще у вас дома?

— А вы угадайте! — предложили ему.

— Что со мной случилось?

— Вы уже спрашивали у доктора. Упали и ударились головой.

— Я не падал, — твердо сказал он.

— А кто падал? Я, что ли?

— Я не падал, — повторил он. — Кто-то ударил меня по голове.

В сторону:

— О, дьявол!

Ему:

— Вы это точно помните?

— Еще как точно!

— Ну, как бы там ни было, у вас сотрясение мозга и док велел вам оставаться в постели. Чего вы там копошитесь?

Даже от небольшого усилия — сесть — он взмок и был вынужден откинуться на спинку кушетки.

— Я хочу в туалет. Где тут у вас туалет?

— Налево от вас.

Он автоматически повернул голову и вздохнул:

— Вы меня не проводите?

— О, господи, — недовольно пробормотала хозяйка. Чем-то зашелестела и подошла к кушетке. Рука ее была теплой и сильной. Хилл помогла ему встать, повела, сжав локоть, — он неуверенно ступал следом.

— Вот, — сказала она. Повернувшись, он со всего размаху ударился бедром обо что-то твердое.

— Это был стол, — уведомили его любезно.

— Я понял, — он нашарил дверь, потом ручку двери.

— Справитесь с шириной? — поинтересовалась она вслед.

— Да уж получше вас, — пробормотал он.

— Давайте там поскорее! Мне пора на работу, — крикнула она сквозь закрывшуюся дверь. Он вышел и остановился на пороге — успел и умыться,

повязка слегка намокла — ожидая, когда его поведут обратно. Эта его надменная уверенность, что все непременно будут счастливы оказать ему всяческую помощь и содействие, безмерно ее раздражала.

Он крикнул, когда кушетка неожиданно ударила под колени, и он с размаху шлепнулся на нее.

— Учите дорогу, — посоветовала мисс Хилл. — У меня нет никакой охоты служить поводырем, когда вам приспичит.

— И слава богу, — пробормотал он. — Целее буду.

— Ну так, — она ходила по комнате, очевидно, собираясь, и он водил головой вслед за ней. — Док сказал лежать. Еда и питье на столике слева. Приемник на полке над головой. Телевизор вам пока, как я понимаю, ни к чему...

— Где телефон? — перебил Стивен.

— Зачем?

— Что значит зачем? Мне нужно сделать несколько звонков. В офис. Своему доктору. Хочу, чтобы за мной прислали машину. Дайте телефон!

— Черта с два!

— Послушайте, мисс Хилл, вы что, не понимаете? Мне нужен телефон!

— Все, что тебе нужно, парень, я предоставила. Остальное получишь, когда выйдешь из моего дома.

— В таком случае я уйду сейчас!

Он услышал, как женщина хмыкнула.

— Да? Ну что ж, попробуй!

Быстрые шаги. Хлопнула дверь. Ключ повернулся в замке. Она думает, это его остановит? Просто он сейчас немного отдохнет... где, она говорила, эта еда?

Перекусив сухим печеньем и отпив исторического лимонада мисс Хилл, он вновь откинулся на кушетку. Тихо. У нее что, звукозащитные окна? Он поднапряг память, вспоминая дом. Вряд ли. Тишина начала угнетать. Он прилег и нащупал кнопки приемника. Музыка спустилась на него, наполнила дом слабым эхом. Что тут за пространства? Да ладно, плевать! Он только немного отдохнет... Тут он ощутил легкий толчок кушетки и прикосновение к своему лицу чего-то пушистого и теплого. Громкое бурчание уведомило, что его посетил один из обитателей дома — наконец-то благожелательно настроенный обитатель. Кошка немного потопталась по его груди и свернулась на нем уютным тяжелым клубком. Ее убаюкивающая песня слилась с льющей из приемника музыкой, превращаясь в удивительную колыбельную. Стив погладил кошку и закрыл глаза. Отдохнет, но недолго...

Стук двери разбудил его, и опять он не понял спросонья, отчего вокруг так темно. Услышал быстрые шаги и голос мисс Хилл.

— Как там подкидыш? — спросила она дом. — Случаем, не помер?

В ее голосе прозвучало столько надежды, что разочаровывать ее было жаль. Стив отозвался сипло:

— К вашему сожалению, нет.

— А, — прокомментировала она. Судя по звукам, поставила на стол тяжелую сумку и начала ее разгружать.

— Что ж вы не ушли? — поинтересовалась через паузу, заполненную шелестом разворачиваемых пакетов, шлепаньем дверцы холодильника и журчанием воды из-под крана.

— Я уснул, — объяснил он и подумал, что это похоже на оправдание. — Да тут еще ваша кошка...

— У меня нет кошки, — твердо сообщила она.

— ...она приходила и спела мне колыбельную.

— Говорю вам, у меня нет кошки! — повторила она, и Стив услышал мягкий стук, словно кто-то спрыгнул с небольшого возвышения. Пауза. Хозяйка произнесла задумчиво:

— Хотя, похоже, уже есть. Хочешь перекусить, чернушка?

— Вы даже не знаете, кто обитает в вашем доме? — поддел ее Стив. Хилл отозвалась с полной серьезностью:

— Откуда? Здесь же столько комнат!

Он представил, как она пожимает плечами. Откинулся на спинку кушетки и скрестил на груди руки:

— Мисс Хилл! Поговорим, наконец, серьезно?

— Говорите, — отозвалась она.

— Каким образом я оказался в вашем доме?

— Я уже сказала, — она отошла к раковине — зашумела вода. Стив сомкнул веки, точно невидящие глаза мешали ему, и представил, как она передвигается по своей большой кухне. Вот она взяла доску и, деловито стуча ножом, рубит какую-то зелень. — Я нашла вас на крыльце. Вы были без сознания. И с хорошей дулей за ухом.

— Кто доставил меня к вашему крыльцу?

Нож застучал громче.

— Уж явно не я!

— Кто-то из ваших друзей, быть может, оказал вам эту услугу? — предположил он.

— Если и так, то он подложил мне ба-альшую свинью!

Он почувствовал, что губы его, против воли, растягиваются в усмешке. Ну да. Этакого кабанчика весом с центнер. Оглушенного и только что не осежеванного.

— Они что, думали, я с вами сделаю? — продолжала размышлять женщина вслух. — Запру и буду пытаться, пока вы не откажетесь от своих намерений? Он уселся поудобнее.

— Но ведь именно это вы и делаете!

— Пытаю?!

— Это детали. Не выпускаете меня из дома.

Нож вновь застучал по доске — так яростно, что он пожалел бедную зелень — ее наверняка уже превратили в фарш.

— Не даете мне телефон, не оповещаете моих сотрудников, — продолжал он гнуть свое. — В конце концов, даже не показываете, где у вас выход. Это очень напоминает похищение, мисс Хилл.

— Похищение! — воскликнула она и бросила зелень на зашипевшую сковородку. Запахло так вкусно, что он невольно потянул носом. — Да будь моя воля, вы бы никогда не переступили порога этого дома... ладно, в вашем случае, — не переползли...

У него опять дернулся рот. Отчего ему все время хочется смеяться в разговоре с ней? Ведь в этой дерьмовой ситуации совершенно нет ничего смешного.

— Так докажите это, — настаивал он. — Дайте мне телефон. Вызовите мою машину. Мисс Хилл. Все очень серьезно. В конце концов, речь идет о моем здоровье. О моем зрении.

Тишина. Она задумалась, остановившись посреди кухни.

— Дан... док сказал, что вам ничего не грозит. Сегодня-завтра все восстановится.

Он уцепился за еще одну возможность.

— А ваш приятель-доктор не боится потерять практику? Ведь это под судное дело — удерживать больного вдалеке от больницы, без оказания квалифицированной медицинской помощи...

Но если у нее и были колебания, они уже исчезли.

— Никто вас не удерживает! — безапелляционно заявила Хилл. — Во всяком случае, не мы с доком. И вы врете, что вам не была оказана медицинская помощь. Пощупайте повязку на голове. Выпейте микстуру. Она на полке слева от вас. Если док говорит, что вам не грозят никакие осложнения, это так и есть.

— Я привык доверять своим докторам...

— Ну а я — своим! — отрезала она. — И все, что я говорю — чистая правда. Я не знаю, кто дал вам по голове... хотя на его месте я бы приложила вас куда сильнее... и клянусь, ему не поздоровится, когда я узнаю — кто это. И я не удерживаю вас силой. Ищите дверь — и уходите хоть сейчас.

Он напрягся. Он почему-то ни секунды не сомневался, что она говорит правду, но в разрешении был подвох — что, так просто уйдет, и она не попытается его остановить? Странное выражение — ищите дверь. Он попробовал встать — и осел на кушетке. Спросил жалобно:

— А что это вы такое вкусное готовите?

— Жаркое.

— А вы угостите меня?

Она фыркнула:

— Неужели вы решитесь съесть что-то в моем доме? А вдруг я вас отравлю?

— Ну ладно, — примирительно заговорил он. — Простите, мисс Хилл, если я неправильно оценил ситуацию. Но вы же обещали — никаких пыток! А у меня уже слюнки бегут от этих запахов...

Она фыркнула, помешивая содержимое сковородки:

— Ладно. А то потом будете обвинять меня, что я морила вас голодом!

Ужин, к удивлению враждебных сторон, прошел вполне приятно. Они сидели за длинным деревянным столом, предназначенным для большой

семьи, ели вкусное жаркое, пили легкий эль. Сделав очередной глоток, он вспомнил Саймака:

— Кто его для вас варит? Гоблины?

— Ну, сейчас еще лето, — в тон ему отозвалась Хилл. — Настоящий сентябрьский эль еще не созрел.

— Угостите, когда будет готов?

— Наверяд ли вы настолько у меня задержитесь.

Он провел ладонью по столу, наслаждаясь теплотой и гладкостью дерева. Хотя его слепоте было всего сутки отроду, казалось, все остальные чувства обострились, как это бывает у слепых и слабовидящих. Он остро чувствовал локтем прикосновение ее упругой груди, когда она вела его к столу — удовольствие скорее для озабоченного подростка, но и любой взрослый мужик от него не откажется. Обнаружил, что хозяйка обладает своим собственным запахом, напомнившим аромат нагретой солнцем кожи. Что щеку ему греет тепло от зажженного подсвечника — три свечи, сказала она, я люблю ужинать при свечах... Что ему приятен запах старого дерева и мастики для мебели. Что ему любопытно, как выглядит этот дом изнутри...

— Так я не понял, что такое там с вашим именем? — поинтересовался он, удовлетворенно откидываясь на высокую спинку стула и вытягивая ноги. — То вы Касси, то вы Гасси...

— Мое первое имя — Кассандра, — сказала она. — Та, что предсказывала всем несчастья, а ей никто не верил. Отец увлекался всеми этими греческими мифами. Мне оно не нравится, потому что это иногда сбывается. Близкие друзья зовут меня Гасси. Это мое второе имя.

— Огаста? Тоже распространенным не назовешь. А вы, случаем, не страдаете раздвоением личности?

— Конечно, — невозмутимо отозвалась она. — Особенно в полнолуние.

— А что значит — «иногда сбывается»? Вы действительно предсказываете неприятности?

— Я их желаю, — сказала она просто. — И они случаются.

— Вроде, — он помахал рукой возле своего лица, — того, что случилось со мной?

Она встала и принесла еще добавки.

— Я этого не желала. Что толку желать слепоты человеку, который и без того слеп?

Ради превосходного ужина он великодушно простил ей этот выпад.

— Ну, так скажите, что мне еще такого неприятного предстоит? — забавляясь, выложил на стол руку. — Как вы это делаете? Насылаете порчу? Втыкаете иголки в восковые фигурки? Вы знаете, что в городе вас называют ведьмой?

— Самая главная ваша неприятность, — отчеканила мисс Хилл, — то, что вы не получите этот дом. Никогда. И на кофейной гуще гадать не надо.

— Я догадывалась, что так все и будет, — сказала она, и Стив уловил в ее голосе нечто вроде жалости. Искреннего огорчения.

— Что? Что так и будет? — выкрикнул он, подымая незрячее лицо вверх, к лестнице, где она стояла.

— Дом не хочет тебя выпускать.

Он рассмеялся.

— Черт побери! Да брось ты эти свои... штучки! Дом! Ты рехнулась, потому что живешь одна в этой старой развалюхе! Рехнулась! Сдвинулась! Крыша поехала! Сбрендила! Я понятно выражаюсь?

— Разумеется, мистер Уокен, — ледяным голосом отозвалась она. — Вы изъясняетесь вполне ясно. Спокойной ночи.

Он чуть не задохнулся.

— А ну, стойте! Спокойной ночи? Да я этот чертов дом на дощечки разнесу! Камня на камне не оставлю! Слышишь, ты, ведьма?

Он широко повел рукой и ухватился за спинку стула. Тот оказался довольно тяжелым, но Стивен все равно поднял и угрожающе занес его.

— Ну?!

— Постойте, — поспешно сказала она. Он услышал, как она сбегает с лестницы, почувствовал движение воздуха, но не успел ее схватить. Припустил стул, поворачивая голову, чтобы понять, что она еще задумала. Стук, снова быстрые шаги — удаляющиеся. Она вновь заговорила с лестницы.

— Ну вот, — сказала с удовлетворением. — Я убрала вазу. Она очень старая и красивая, будет жаль, если вы ее разобьете. И еще переставила сковородку, чтобы вы не обожглись. Приступайте.

— Что...

— Громите дом, — благожелательно посоветовала она. — А я, с вашего позволения, пойду спать.

Он полулежал на кушетке. Гасси остановилась, оглядывая окрестности. Да уж, повеселился Уокен ночью на славу: перевернутая мебель, разбитая посуда, разбросанные продукты. Мохначи под ее хмурым взглядом усердно наводили порядок.

— Еда на столе, — сказала Гасси негромко, зная, что он не спит. Уокен даже не пошевелился. Она попереминалась на месте — ей было неудобно и неприятно: вряд ли кто-то или что-то может заставить свернуть Стивена Уокена с избранного им пути.

— До вечера, — сказала она.

Он услышал, как щелкнул замок. Кулаки его сжались. Она заплатит. Богом клянусь, еще как заплатит!

Он уже знал, что бесполезно искать выход из этого дома-ловушки, но все же зафиксировал направления звука. А потом поднялся и пошел в ту сторону. Наткнулся на стены, на мебель, руки ощущали все те же стены и ту же мебель — и ничего, хоть отдаленно напоминавшее дверь или окно. Стив едва не разрыдался — усталость, слепота и бессилие довели его до полного изнеможения.

Приглушенный стук, легкий топоток...

Он насторожился. Позвал неуверенно:

— Кис-кис?

Снова топоток — и мягкие удаляющиеся прыжки. Да ведь где-то здесь лестница на второй этаж! Странно, что он вчера на нее не наткнулся. Там наверняка найдется какое-нибудь окно — ведь дом не бункер, в конце концов! Или, хотя бы, он сможет разгромить ее стародевичью спальню!

То и дело поскальзываясь, запинаясь на россыпи, покрывающей пол, он пробирался вперед — пока протянутые руки не ухватились победно за гладкую поверхность перил. Он осторожно присел на ступени — отдышаться.

И услышал вопросительное:

— Мяу?

Осторожно повел рукой — в ладонь ему ткнулась ушастая бархатная голова.

— Чернушка? — пробормотал он. — Только ты, похоже, меня в этом доме и любишь.

Погладил рокочущие гладкие бока. Кошка гибко вывернулась и, приглашающе мурлыкнув, — так она зовет своих котят — унеслась вверх по лестнице. Он тяжело потащился следом. Лестница оказалась выше и круче, чем он ожидал. Ему даже пришлось пару раз передохнуть — и каждый раз он слышал сверху вопросительное: «Мурр?».

— Иду-иду, — сумасшествие хозяйки заразно — он уже начал вести диалог с кошкой...

Забравшись, наконец, на второй этаж, приостановился, соображая, куда ему податься. Четвероногий проводник разрешил его сомнения, потершись о его ногу и направившись вправо. Ладонь коснулась стены — на втором этаже они были обиты тканью — шероховатой, но все равно приятной на ощупь. Он шел медленно, то и дело натываясь на кошку, неспешно идущую чуть впереди — так этот знающий себе цену зверек ведет нерадивого хозяина к холодильнику на кухне...

Стив зажмурился и вновь широко распахнул глаза. В темноте перед нимплыли желтые пятна. Слепота начала проходить. Он видел! Господи, или кто ты там есть, спасибо! Вскоре он уже ясно различал четкую светящуюся прямую линию. Через мгновение Стив понял, что это приоткрытая дверь, из которой в темный коридор падает свет. Задрвав хвост, кошка поддела дверь лапой и скользнула в расширившуюся щель. Стив, не раздумывая, распахнул дверь, шагнул следом...

И застыл на пороге.

Книги-книги-книги, бесконечные книжные полки, достигавшие потолка и тающие в полумраке комнаты. За массивным старинным столом, на котором стоял подсвечник с семью свечами — канделябр? — сидел старик. Седой, с длинной белой бородой. В балахоне, подозрительно напоминавшем что-то средневековое. Писавший в толстом, огромном, распахнутом посередине томе. Писал он пером, обмакивая его в массивную чернильницу. Черная кошка, сидя перед ним на столе, сосредоточенно умывалась. Не переставая писать, старик рассеянно поглаживал ее по переливающейся бархатной спинке.

Видимо, онемевший Стивен вздохнул или шевельнулся — старик вскинул глаза. Глаза оказались неожиданно молодыми и ясными.

— Добрый день, — осторожно произнес Уокен.

— Добрый... о, здравствуйте, здравствуйте, молодой человек!

Казалось, он только сейчас заметил и кошку — та довольно жмурилась под его ладонью.

— Вижу, у Гасси появились новые постояльцы! Добро пожаловать!

Старик поднялся, но стал лишь ненамного выше за своим огромным столом. Его щуплость не скрывал даже широкий бархатный фиолетовый балахон... мантия?

— Проходите, молодой человек!

Стив переступил с ноги на ногу и не двинулся с места.

— А что это все... Что это?

— Это? — старик оперся о стол. Руки у него были в чернильных пятнах. — Библиотека, конечно.

— Библиотека?

— Какая тема вас интересует?

— Пока... э-э-э... А что вы здесь делаете?

Старик склонил голову набок.

— Переписываю книги. А так же работаю библиотекарем. Гасси великодушно дала мне приют в своем доме.

Он вспомнил шевельнувшуюся занавеску. Так вот, кто это был! А он-то еще подумал о тайном любовнике мисс Хилл! Хотя...

— Здесь есть еще жильцы?

— Разумеется, — приветливо отозвался старик. — К сожалению, я не всех знаю... Мне, видите ли, почти всегда некогда — книги так быстро старятся. Но я уверен, что соседи придутся вам по душе. Все постояльцы Гасси — очень милые и приятные люди.

Губы Стивена скривились. Интересно, а каким путем эти самые постояльцы попадают в дом? С пробитыми черепами? С переломанными ногами?

— А почему вы, — он ткнул пальцем в сторону канделябра, — электричеством не пользуетесь?

— Да-да, Гасси мне говорила, — согласился старик. — Но у меня так болят глаза от этого новомодного изобретения...

Скорее, он ослепнет от этих своих свечей. Ну, не его дело спорить с выжившим из ума старикашкой...

— А где дверь?

Старик моргнул.

— Дверь?

Стивен нетерпеливо забарабанил пальцами по косяку.

— Да, дверь, выход, окно, наконец! Выходите же вы иногда на улицу!

Старик припустил морщинистые веки, словно задумался.

— Нет, не выхожу. Да и зачем? У меня есть все, что мне нужно, — он развел руками, показывая это «все». — Приют, пища, книги, свечи, чернила, приятные собеседники... Нет, молодой человек.

Он с жадностью посмотрел на раскрытую книгу.

— Книги ждут... Буду рад поговорить с вами, когда вы будете не столь торопливы. А сейчас — прошу извинить меня.

Он величаво сел, поддернул рукава и вновь заскрипел пером. Стивен осмотрел его покрытую белым пушком макушку. Здесь что? Филиал сумасшедшего дома?

Повернулся — гибкая черная тень метнулась со стола и исчезла во мраке коридора. Выходя, Стивен бросил взгляд назад.

Старик скрипел пером.

Он сразу же погрузился в темноту — слава богу, не слепоты, а отсутствия света. Сделал несколько шагов и налетел на следующую дверь. Осторожно тронул ее ладонью — дверь подалась с замогильным скрежетом — и перед ним открылось огромное пространство, заполненное людьми, свечами и музыкой. Низкие сводчатые потолки, темные тяжелые шуршащие одежды, блеск и звон оружия. И музыка, музыка...

И вдруг все разом повернулись к двери. Музыка резко смолкла — зал наполнился шелестом голосов, делавшимся все громче. Стивен подался назад под устремленными на него взглядами, сдавленно пробормотал «извините» и торопливо потянул на себя дверь.

Сделал шаг, обернулся — свет исчез. Дверь, впрочем, тоже. Постояв, он настороженно двинулся вперед. Пять шагов были вполне благополучны. На шестой он едва не вылетел в пропасть из звезд. Судорожно шатнулся назад и заморгал, когда невидимая дверь захлопнула ему выход в космос. Может, он все еще лежит на кушетке и бред продолжается? Или эта ведьма его чем-то опоила?

Ага, услужливо и ехидно подсказала память, настойкой из мухоморов... Тут он вспомнил о своем четвероногом проводнике. Позвал неуверенно:

— Кис-кис?

— Мр-рр? — тут же отозвались рядом.

— Хочу вниз, — жалобно сказал Стивен. — На кушетку. Не хочу больше никаких дверей. Никуда. Понимаешь?

— Мрр-мяу!

Теплое тельце прижалось к его ноге, обвивая гибким упругим хвостом. Стив сделал неуверенный шаг — животное шло рядом, чуть ли не подталкивая и направляя. Вскоре он увидел светлый провал лестницы. Ухватился за перила обеими руками, постоял и сел на первой ступеньке площадки.

То, что он увидел, ему понравилось. Длинный деревянный стол. Массивный подсвечник. Белое блюдо с яркими фруктами. Стулья с высокими спинками. Справа, у окна — деревянные хозяйственные шкафчики, современная плита, мойка. Слева — холл с множеством кресел, подушек, диванов, и — камин, облицованный темным кирпичом. Здесь могла уютно устроиться большая компания. Есть ли у Гасси сестры-братья? Он хмыкнул, вспомнив свою мысль, как ей должно быть одиноко. Да тут хоть комиссию по нарушению правил проживания и регистрации граждан натравливай! Как она смогла разместить всех этих людей? Чем они там занимаются?

Устраивают костюмированный бал? Проводят съемки исторического фильма? Что-то не заметил он ни камер, ни софитов... А эти... звезды?

Он машинально погладил усевшуюся рядом кошку — та лениво щурила на него желтые глаза.

— Ты-то бы мне все рассказала, правда, Чернушка? — сказал он, уже не заботясь о разумности беседы с тварью бессловесной. — Вот беда, говорить не умеешь.

Раскрытая дверь манила золотым светом. Он дошел до нее осторожно, остановился в проеме, повел головой, осматриваясь. Снаружи были сосны и теплый свет послеполуденного солнца. Стивен сделал осторожный шаг. Под ногами пружинили опавшие хвоя и мелкие тонкие ветки. Пахло соснами, смолой, ранней осенью. Кругом был лес — ровный, стройный, янтарно-золотистый лес. И ничего кроме. Где-то далеко куковала кукушка.

Он медленно двинулся по еле заметной тропинке. Чуть отойдя, оглянулся. Дома не было. Вернее, был, но совершенно иной — бревенчатая лесная хижина, мечта горожан, утомленных цивилизацией. Стивену вдруг подумалось — а если обойти его, не окажется ли фасад прежним, словно кем-то задуманная декорация к спектаклю...

Впереди, между сосен показался просвет, и он остановился на склоне: сначала полого, потом более круто, тот спускался далеко вниз к узкому извилистому озеру, похожему на сине-зеленую ящерицу. Высокие холмы вокруг, поросшие лесом, уже щедро украшены золотом и багрянцем. По озеру кто-то плыл на длинной лодке.

Все это он охватил одним длинным взглядом и уставился на женщину. Она сидела спиной к нему чуть ниже по склону на нагретых солнцем ступенях, высеченных в песчанике. Ветер лениво играл ее распущенными светлыми волосами. Рядом с ней дремал желтый ретривер. Он поднял голову, вскочил и, негромко гавкнув (лай отозвался в холмах вокруг и отразился от озера), приветственно замотал выдриным хвостом. Женщина обернулась.

— Добрый день, мисс Хилл.

Она молча кивнула и слегка подвинулась на своей ступеньке. Это можно было считать за приглашение. Он и счел.

Гасси сидела, положив руки на согнутые колени, прикрытые подолом длинного платья, подставляя солнцу лицо с закрытыми глазами. Ее щеки и голые руки слегка порозовели. Ретривер положил тяжелую голову на колено Стива и вздохнул, когда тот погладил его по выпуклому лбу.

— Как его зовут?

Она открыла глаза, и, казалось, слегка удивилась.

— Кого? Пса? Пес. Просто Пес. Правда, Пес?

Собака вильнула хвостом и переместила голову на ее колено. Пальцы Гасси скользнули в складки его загривка, сомкнулись, легонько потрясли. Пес довольно зажмурился.

— Где это мы сейчас? — как можно небрежнее поинтересовался Стив. Она вновь подставила лицо солнцу.

— В сосняке.

— А сосняк у нас?..

Она лениво пожала плечами.

— А какая разница?

Высоко вскинула руку и помахала кому-то. Стив увидел, что из плывущей по озеру лодки тоже им машут. Кажется, платком.

— Кто это там?

Она вновь пожала плечами.

— Не знаю. Но он всегда здоровается со мной, а я с ним.

— И вы никогда не спускались, чтобы познакомиться, поговорить?

— Зачем? Мне и так хорошо.

Она помолчала и добавила:

— Я прихожу сюда отдохнуть.

То есть, когда ее достанут. Иногда он и сам бы не отказался иметь такую укромную хижину в лесу, куда можно сбежать на пару деньков — от дел, телефона, женщин и даже друзей... Это что — старость?

— Сколько не прихожу, здесь всегда или поздняя весна или ранняя осень. Самые мои любимые времена года.

Он как-то никогда не задумывался о временах года — люби-не люби — все равно сменяются, разве что осенью пакостно мокро; но сейчас, оглядевшись, согласился, что ранняя осень очень хороша. Глаз отдыхает, греет солнце, преданно сопит собака без имени, и мимолетное прикосновение нагретого солнцем плеча женщины тоже приятно.

— Вам нравится, что здесь никого нет?

— Да.

— То есть, мне пора убираться?

Гасси открывает глаза и смотрит на него. Задумчиво. Ресницы не накрашены, но линия четкая. Красивая.

— Нет.

Ого! Он так удивился, что даже не нашел, как применить это к своей пользе. Хотя бы крохотной.

— Там, в доме, — она мотнула головой назад, — есть книги и старые календари. Очень забавные. Иногда я остаюсь здесь на ночь и развожу огонь в камине. Ночью идет дождь. Трещат дрова, пахнет хвоей, шумит дождь... Пес лежит возле огня. Я готовлю глинтвейн и мясо. И долго лежу, слушаю лес и дождь. Это просто...

Стивен не сводил с нее глаз. На лице женщины светилась слабая улыбка, взгляд рассеян и мягок.

— ...волшебнo, — закончила она.

— Как вы это делаете? — спросил он.

Он хотел сказать — несколькими словами, а то и вообще без слов, заставляете видеть то, что он никогда не видел. Тогда, на лужайке за домом. Сейчас...

— Делаю что?

— Находите нужную дверь.

Она взглянула слегка удивленно.

— Я вовсе не ищу ее. Дом сам открывает мне ту, которая мне в данный момент нужна.

— И что, никогда не ошибается?

Ее взгляд сделался пристальным.

— Если вы о себе... Думаю, да, он ошибся. Вы безнадежны.

Его вдруг раздосадовало ее замечание.

— А когда это вы успели изучить всю мою подноготную, мисс Хилл? И что это во мне такого безнадежного? Да, я строю дороги. И буду продолжать строить, когда выберусь из вашей чертовой ловушки. Людям нужны дороги. Цепляние за старую рухлядь, за прошлое — вот где безнадега! Вот, где вы сами застряли!

Пес поднял голову, прислушиваясь к его повышенному голосу. Вопросительно посмотрел на Гасси.

— Мистер Уокен — все. Можете идти. Я хочу побыть одна, — произнесла та ровно.

Он подскочил, как ужаленный.

— Я и не собирался сидеть здесь с вами, точно воробей на жердочке!

Он пошел вверх. Пес тихонько заскулил ему вслед. Уокен обернулся и крикнул со склона:

— Только ведь он и мне открыл эту дверь! Подумайте-ка над этим, мисс Хилл!

Только об этом она и думала — о том, почему его оставили в доме. О том, что она должна делать, чтобы поскорее избавиться от его присутствия — убедить отказаться от строительства. Одновременно она твердо решила ничего не делать — пусть все идет само собой, а она просто постарается с ним пореже сталкиваться... Интересно только, как это у нее получится?

Стив остановился на лестничной площадке. Люди сидели возле камина, негромко переговаривались. Вот кто-то поднял голову, увидел его и помахал рукой.

— О, новый сосед! Спускайтесь, будем знакомиться.

Он начал спускаться, опасаясь, что едва шагнет на последнюю ступеньку, глаза вновь откажут ему. Но ничего не случилось. Он поглядел на двери. Просторные окна. Несколько шагов — и он на свободе...

— Ну что же вы? Идите к огоньку. Тут теплее.

Улыбавшийся мужчина поднялся ему навстречу из глубокого кресла. Стивен еще раз покосился на дверь — и пожал протянутую руку.

— Я Алекс.

— Стив. Стивен Уокен. Как поживаете?

— Хорошо поживаем. Вот свободное кресло.

Ведет себя, как радушный хозяин. Стив пригляделся — может, это и есть гипотетический любовник мисс Хилл? Его ровесник, сухощавый, невысокий,

подвижный. Темные длинные, немодные сейчас баки. Одет в какую-то свободную блузу и старые брюки. Художник? Очередной пригретый сумасшедший?

По-прежнему не спуская бдительного взгляда с двери, Стив обошел массивное кресло и опустился в его мягкую глубину.

— Здравствуйте, — тихо прошепстели с соседнего кресла. Он кивнул, присматриваясь.

— Добрый вечер.

Худенькая женщина, сжав руками колени, глядела на него настороженно. Наклонилась, заглядывая куда-то за кресло.

— Выходи, Ники. Это не папа.

Стив моргнул. Из-за спинки кресла появилось круглое лицо пацаненка — с такими же настороженными, как у матери, глазами. Стивен умел ладить с детьми — то короткое время, когда следовало добиться расположения домохозяек или потенциальных заказчиков. Он широко улыбнулся и протянул мальчику руку:

— Здравствуй, Ники. Будем знакомиться? Меня зовут Стив.

Ники опасливо посмотрел на его большую ладонь и уткнулся лицом в плечо матери. Она погладила его по спине, шепча что-то успокаивающее. Уокен опустил руку и поглядел на Алекса. Тот пожал плечами, словно извиняясь:

— Это Таня. Что будете пить?

— А что у вас?..

— Сейчас посмотрим, — привстав, он заглянул в графинчики и бутылочки на маленьком столике перед камином — содержимое переливалось мягким светом. — Шерри, красное вино, бренди...

— А пива нет?

Алекс еще раз серьезно осмотрел столик, как бы удостоверившись, что за это время ничего нового не появилось.

— Пока нет. Бренди?

— Бренди.

Стивен поднес к губам пузатенький бокал. В кресле у самого камина дремал человек — пламя подсвечивало фиолетовый бархат одеяния. Мантии. Алекс проследил его взгляд.

— Ну, с нашим библиотекарем вы уже знакомы. Старикан совершенно сумасшедший, но милый. Он нам про вас и рассказал.

Интересно только — что?

— Попкорн готов! — весело объявили за спиной Стива. Он едва не поперхнулся. Мимо с большой чашкой в руках прошла мисс Хилл. Наклонилась, ставя ее на стол. На фоне пламени камина ткань ее платья просвечивала. Хорошее ...м-да... зрелище. Стив покосился на соседа — судя по заблистевшим глазам, тот тоже ничего не пропустил.

— Гасси, садись сюда.

— Ох, спасибо, — хозяйка уютно устроилась на освобожденном Алексом кресле — и только тут заметила, кто у нее в соседях. Выпрямилась, словно

ожидая, что он в любой момент набросится на нее. Не хватало еще, чтобы она, как Ники, спряталась от него за спинку кресла.

— Добрый вечер, — буркнул он.

— Добрый.

Оба дружно отвели глаза и уставились на Алекса, который что-то говорил Тане. Женщина глядела на него снизу и робко улыбалась. Ники сидел у нее на коленях, крепко вцепившись в руку матери.

— Стеснительный паренек, а? — сказал Стив, чтобы хоть что-то сказать.

— Нет, — принужденно ответила Гасси. — Просто очень напуганный.

— Как это?

— Так. Его отец бил мать.

Стив покрутил в руке пустой бокал.

— А полиция?

— Вас часто били? — неожиданно спросила Гасси.

— Ну... я не давал.

Она невольно окинула его взглядом. Да уж, не каждый рискнет нарваться.

— Тогда вы не поймете, что это такое, когда тебя избивают — изо дня в день, изо дня в день — и никто не приходит тебе на помощь... А потом ты постепенно начинаешь думать, что только этого ты и достойна...

— Он что... пьяница? Псих? Наркоман?

Гасси криво усмехнулась.

— Ну что вы. Нормальный человек. Прямо, как мы с вами. Просто ему нравится это делать — как вам нравится сносить дома.

Пустив эту последнюю ядовитую стрелу, мисс Хилл встала и отошла к библиотекарю. Тот мгновенно проснулся и заговорил с ней. Костлявые руки прямо-таки летали в воздухе, как у глухонемого. Через полминуты Гасси уже смеялась. Она не дала ему ответить. Она посмела сравнить его с психом, избивающим жену и ребенка. И он не только сносит дома! Он еще и СТРОИТ!

— Ну, не обижайтесь на нее, — тихо сказали за спиной. Стив круто обернулся. Пожилая полная женщина стояла рядом с ним, кутаясь в черную кружевную шаль. Темные волосы собраны в тяжелый узел на затылке. Глаза под стеклами круглых очков внимательны и зорки.

— У нашей Гасси пылкий язык, но доброе сердце. Думаете, легко быть хозяйкой ТАКОГО дома?

Какого — такого? Дома тысячи комнат? Дома, из которого нет выхода? Пока Стив соображал, как сформулировать свой вопрос, женщина присела в соседнее кресло. Все тот же учительский взгляд. В руках — здоровенный зачитанный том. Наверное, из домашней библиотеки.

— Как ваше самочувствие? — взгляд женщины участливо остановился на на его лице. Стив потрогал пластырь. Да уж, видок у него наверняка еще тот... Наверное, они решат, что его тоже кто-то регулярно избивает и потому Гасси приютила его в своем доме.

— Но с этим надо что-то делать! — он кивнул подбородком на Таню с сыном. — Не может же она отсиживаться здесь вечно?

— Борец, — мечтательно сказала женщина. — Такой же борец, как наша Гасси. А мы, остальные, просто слабые, испуганные миром люди. Мы находим здесь пристанище и временную передышку...

Стив хмурился, пытаясь сообразить.

— Так это что... и правда, какой-то приют?

Женщина тихо рассмеялась. Перегнувшись через подлокотник, похлопала его по руке мягкой теплой ладонью.

— Это Дом. Дом, который нужен всем. Сюда не попадают просто так, Стивен. Подумайте об этом, — женщина встала и присоединилась к беседе у кружки у камина. Он, к своему удивлению, почувствовал себя лишним. Но ведь ему не нужен ни дом, ни приют, ни убежище — как бы они его там не называли. И в обществе этих... «испуганных миром» он уж точно не нуждается. Стив оглянулся на тающую в полумраке дверь. Осторожно поставил на устланный ковром пол бокал, осторожно поднялся и направился к выходу. Он успел сделать несколько шагов — и запнулся за метнувшуюся наперерез кошку.

— И ты тоже! — сказал Стив, грохаясь с высоты своего роста...

Открыл глаза во мраке: черт, неужели опять слепота? Рука в панике метнулась к лицу, и он увидел слабо освещенные пальцы. Приподнялся, морщась от тупой боли в голове. Он лежал на кушетке: подушка, одеяло. За спиной слабо дотлевал камин, жильцы, надо думать, разбрелись уже по своим комнатам. Похоже, он опять здорово приложился головой, потому что совершенно не помнил ни как его укладывали, ни как его раздевали. Хмыкнул, представив, как мисс Хилл морщит свой остренький нос, расстегивая его джинсы... Жаль, что он пропустил эту волнующую сцену. Он попытался отыскать взглядом дверь, опять не нашел и со стоном рухнул на подушку — понятно, лишился доверия...

— Ну что тебе надо от меня, а? — угрюмо спросил у дома. Дом вздыхал, скрипел досками пола и потолка, шуршал — то ли жучками-древоточцами, то ли затаившимися домовыми. Пытался ответить — по-своему. Только Стивен его совершенно не понимал.

— Ну ладно, — сказал, закрывая глаза. — Разберемся.

— Мррм...

— Иди сюда, предательница, — Стивен взял кошку и сердито уложил себе под бок — та тут же свернулась уютным клубком, урча благодарно. — И с тобой разберемся. Завтра.

Назавтра он проснулся от песенки, которую напевали приятным тихим голосом:

— ...в день,
когда мы отыщем дом,
дом на склоне холма.

Стивен прослушал песню до конца (ему понравилось), и только потом заявил хрипло:

— Между прочим, у всех ваших жильцов есть отдельные комнаты, а я должен спать здесь и слушать по утрам... ваши соловьиные трели!

— Не нравится — заткните уши! — отозвался бодрый голос мисс Хилл. Стивен сел на кровати, потирая глаза. Гасси (для него — Касси?) снова ла по кухне при полном параде. Что-то пекла.

— Вы что, готовите на всю эту ораву?

— Ну нет! Только себе, — подумала и поправилась с явным сожалением. — Еще и вам теперь. Булочки и пирог с яблоками. Хотите?

Еще бы не хотеть. Он, сопя, натянул джинсы, наскоро умылся и уселся за стол, приглаживая смоченные волосы. Гасси кинула на него взгляд. Синяк и ссадины на виске и скуле, левый глаз припух, на щеках — щетина. Надо бы купить ему бритву... и смену белья, наверное. Она вдруг представила, что спрашивает в магазине «боксеры» — как выяснилось, он носит такие — и вдруг рассердилась. Почему она должна еще и о нем заботиться? Она его сюда не пригласила! Выставила противень с пирогом с излишним стуком. Уокен понял ее настроение, потому что не стал доставать своими вопросами, ел молча. Умяв полпротивня, откинулся на стуле, сыто поглаживая живот. Огляделся.

— На улице солнышко?

— Да.

— Как там моя стройка?

Не глядя на него, она размешивала сахар в чашке.

— Работает, как ни странно.

— А вы, конечно, надеялись на другое?

— Последний раз говорю вам! — мисс Хилл со звоном бросила ложечку. — Это не я организовала ваше... появление в моем доме!

— Так выведите меня отсюда, — тут же сказал он.

— Не могу.

— Почему?

— Это долго объяснять.

Он сложил на груди руки.

— Мне, похоже, торопиться некуда.

— Зато мне — есть куда.

Только тут он обратил внимание, что она не в своем обычном костюме интеллигентной библиотекарши: легкая летняя юбка с запахом, красная блузка. Тонкая золотая цепочка, посверкивая, убежала в слишком откровенный, на его взгляд, вырез.

— Куда это вы так вырядились?

Теперь она скрестила на груди руки. Отчеканила:

— Это не ваше дело! Вообще-то, сегодня воскресенье!

— Идете в церковь? — не поверил он.

Гасси фыркнула. Мысль о том, что кто-либо из ведьм... невесть какого поколения семьи Хилл ни с того ни с сего вдруг появится на воскрес-

ной службе, была абсурдной не только для нее самой, но и для любого жителя города.

— Вот еще! У меня есть и более интересные занятия!

Свидание. Вот что. У нее свидание. Вот, куда она так расфуфырилась. Стивен наскоро прикинул знакомых мужчин городка: кто из них тянет на приятеля мисс Хилл. А, может, кто-то приезжий? Или вообще с соседнего города, и потому они видятся только по воскресеньям...

— А я что должен делать?

Гасси пожала плечами.

— Можете помыть посуду.

Стив громко фыркнул. Гасси, подкрашивая губы, взглянула на него поверх зеркала.

— Можете снова попытаться бежать. А когда наскучит, кликните кого-нибудь сверху — поговорить. Все. Я ушла.

Он подобрался, провожая ее хищным взглядом. Мисс Хилл беззаботно простучала каблуками по кухне, распахнула дверь — и обернулась, медля на пороге. Стив заставил себя расслабиться — да эта чертова ведьма его провоцирует!

Дверь закрылась. Он мгновенно оказался рядом, но заветного выхода как ни бывало — дом, точно пластилин, моментально заращивал все щели. Стивен ударил кулаком в глухую стенку. Ну погодите! Вы у меня еще попляшете! Все!

Он обернулся — и перевел дыхание. На середине лестницы босиком, в одной пижамке стоял Ники и встревожено смотрел на него. Стивен глубоко вздохнул, опустил напряженные плечи. Попытался улыбнуться.

— Доброе утро, малыш. Как спалось?

Мальчик переступил с ноги на ногу и покосился наверх. Сейчас сбежит.

— Хочешь пирожка? — Стив кивнул на стол. — Тетя Гасси много напекла. Всех угощает. А еще есть булочки.

Ники, вытянув шею, оглядывал стол. Стивен сделал еще попытку.

— Я уже поел и отхожу. Видишь? Я ушел и сел на кушетку. Оттуда я тебя не достану. Я так объелся, — он погладил живот, нарочно выпятив его, — что сегодня никого больше не ем. Даже маленьких мальчиков вроде тебя.

Ники осторожно хмыкнул. Потоптался на месте и сделал робкий шагок вниз. Стивен откинулся на кушетке, всем своим видом изображая обжорство и добродушие. Сквозь ресницы наблюдал за настороженным мальчишкой. Шагок-остановка. Шагок-остановка. Бдительный взгляд в его сторону.

— Ох, я уже совсем заснул, — вздохнул Стивен. Ники схватил булку и отбежал обратно к лестнице. Откусил, напряженно таращась на мужчину. У того засосало под ложечкой — эк его...

— Можешь сесть за стол и поесть нормально, — сказал негромко. — Сумеешь налить себе какао? Оно там, на печке. Видишь?

Ники кивнул. Взгромоздился на стул в торце стола — поближе к лестнице — ноги не доставали до пола. Косясь на Стивена, съел еще пару булок. И кусок пирога. Несмотря ни на что, аппетит у него был нормальный.

— И возьми еще маме, — негромко предложил Стив. — Она проснется, а ты ей — пирожок. Она обрадуется, а?

Мальчишка кивнул и зажав обеими руками внушительный кусок пирога, отступил к лестнице. Тут помедлил, глядя в пол, сказал еле слышно: «спасибо» — и опрометью взлетел наверх. Стивен перевел дух: он, оказывается, и дышал-то с осторожностью.

Он потянул носом. Пахло чем-то свежо-цветочным. Даже солнцем, пожалуй.

— Что это такое вы варите?

Гасси толкла траву в старой металлической ступке, щепотку за щепоткой кидая в кипящую кастрюльку. Сказала, как само собой разумеется:

— Зелье.

— Зелье? Какое зелье? — Стивен наклонился над кастрюлькой. Гасси легонько стукнула его длинной деревянной ложкой в лоб.

— Приворотное, разумеется, — сказала приветливо. — Какое еще может готовить ведьма? Вы ведь в курсе, что я ведьма?

Он глядел на нее во все глаза, не зная: верить или нет. Гасси нравилось его озадачивать. Нравилось, когда с его лица сползает эта вечная покровительственная улыбочка, а из взгляда исчезает уверенное выражение покорителя жизни. Тогда он походит на просто симпатичного парня, с которым Гасси бы охотно поболтала, да чего там — и покочетничала тоже.

Стивен смерил взглядом кастрюльку:

— Тут хватит на полгорода. У вас что, налажено промышленное производство?

— А, никогда не знаешь, вдруг попадется очень трудный клиент! — беззаботно отозвалась Гасси. — Да и к весенне-летнему периоду количество заказов резко возрастает: тепло, солнышко, природа оживает! Нет, не надо это нюхать, пары тоже воздействуют, понимаете?

Стив резко отшатнулся. Гасси загадочно улыбнулась ему поверх кастрюльки.

— Не пугайтесь! На вас еще заказов не поступало, мистер Уокен!

— Знаешь, если ты действительно ведьма...

— Что значит — *действительно*? — оскорбилась Гасси. — Настоящая чистокровная, чистопородная местная ведьма! Ты знаешь, какие фортели выкидывала моя прабабушка? Весь город на ушах стоял. Пару раз приходили с факелами — поджигать дом и Хиллов в нем.

— И что? — с интересом спросил он.

Гасси пожала плечами.

— Дом до сих пор цел, как видишь.

— Пока.

— И останется целым, — с ослиным упрямством заверила Гасси. Он почувствовал раздражение.

— Знаешь, что, ведьма! Ты могла бы применить какие-нибудь более действенные меры защиты своего дома, а не просто... сидеть в осаде!

Она заинтересовалась:

— Ну, например?

— Например, зачаровала бы своего мэра, чтоб он не давал разрешения на снос домов... Ну знаешь, повтыкала бы иголки в его куклу...

— Мы не приносим вреда людям! — высокомерно заявила Гасси. Ну конечно, он-то к роду человеческому не относится...

— Хорошо, придумай другой, цивилизованный способ. Сколько лет твоему дому?

Гасси прикинула:

— Около двухсот. С него, считай, и начался наш город...

— Вот! Давно бы добились признания его историческим памятником. Раз уж вы так им дорожите.

Гасси подумала. Скептически выпятила губы.

— Кажется, припоминаю я о сносе Черного Камня. Тот тоже был памятником и охранялся государством...

— Черт! Но надо же что-то делать, что-то предпринимать, Гасси! Ты не можешь вечно сидеть здесь и просто надеяться на лучшее!

Женщина хмыкнула:

— Ну а ты для чего здесь, Уокен? Ты — одна из наших попыток.

— Неудачная попытка, — сообщил он, остывая. Чего он так завелся? Ему-то вообще, какое до них дело?

— Посмотрим.

— Ух ты! — сказала Гасси. — Пес, а ты как...

— Здравствуйте, — сказала мужчина, комкая в руках светлую летнюю шляпу. Он отдувался, протирал платком обильную лысину и смотрел на Гасси круглыми растерянными глазами.

— Здравствуйте, — сказала та, протягивая руку. — А вы... я вас знаю?

Он смущенно засмеялся.

— В некотором роде!

Уокен положил руку ему на плечо.

— Вы видели друг друга, но уж очень издалека. Это тот вечный рыбак на лодке с озера — Сэм. А это хозяйка нашего дома Кассандра. Для друзей — Гасси.

Сэм восторженно улыбался.

— Несколько лет назад я увидел девушку на склоне холма. Волосы ее развевались, как флаг. Она помахала мне рукой. Я тоже. С тех пор я всегда ждал, что вы появитесь — снова и снова. Я был так рад, что есть кому скрасить мое одиночество... Но мне и в голову не приходило просто подняться на холм и постучать в дверь. Спасибо Стиву.

Ей тоже не приходило... Спасибо Стиву. Гасси вышла из столбняка и засмеялась:

— Проходите! У нас сейчас как раз ужин.

Чернушка на правах хозяйки деловито обнюхивала ретривера. Тот, склонив голову, аккуратно помахивал ей хвостом. Гасси потрепала собаку по холке.

— А я ведь ни разу не задумывалась, чей это пес, что он делает, пока меня нет, что ест. Мне почему-то всегда казалось, что и он, и лодка, и лес появляются, только когда я открываю эту дверь.

— Ты вообще о многом не задумываешься, — сказал Стив.

Он помедлил на пороге: в лицо плеснуло холодным ветром и сыростью. Высунул голову, оглядываясь. Ничего страшного — если только считать безопасной ведьмочку Хилл... Она стояла на деревянной террасе, спиной к нему, обхватив себя за плечи, и смотрела в поливаемый ледяным дождем облетевший сад. Доски скрипели и подавались у него под ногами. Гасси даже не оглянулась.

— Ты, вроде бы, любишь раннюю осень?

— Да. Но иногда попадаю вот сюда...

Стивен оглянулся. Дверь, из которой он вышел, была покосившейся и поскрипывала на ветру. Разбитые стекла скалились мутными осколками. Да и сам дом — Стив осторожно прошел по веранде — оказался заброшенным, старым и каким-то... съезжившимся. Дождь, казалось, лил бесконечно, и земля уже перестала впитывать воду — в заросшем саду стояли громадные лужи. Из рта шел пар: видно, и снег недалече. Стив потер озябшие руки.

— До чего приятное местечко!

Гасси ежилась. Поверх майки на ней была только кружевная Мариина шаль. Он подумал и снял с себя толстовку. Накинул женщине на плечи. Гасси покосилась, покорно шмыгнула покрасневшим носом — сколько она уже здесь стоит?

Он похлопал влажные почерневшие перила.

— А тебе никогда не хотелось открыть дверь... ну там, на какие-нибудь Гавайи? Чтоб пальмы, море, песок, солнце — и никакого дождя?

— Я уже открывала. В юности.

— И что, так не понравилось?

— Обгорела до полусмерти, — она вытянула руки. — Видишь, какая белая кожа? Веснушки... С тех пор дверь туда и не открывалась.

Ему не нравилась эта Гасси — притихшая, печальная, погруженная в какие-то старые грустные воспоминания или страхи.

— Знаешь, — сказал Уокен. — Я ведь действительно не уничтожил твои цветы. И приказа такого не давал. Это, как выяснилось, инициатива одного из моих рабочих. Решил ускорить стройку, помочь мне... кретин. Я его уволил. Мне, правда, жаль.

Гасси молча кивнула. Они постояли еще, глядя в осень. Стив осторожно взял ее запястье, потянул за собой.

— Пошли-ка домой. Там Мария готовит глинтвейн. Самое то после такой погодки. И, знаете что, мисс Хилл? В следующий раз берите с собой на Гавайи меня. Я помогу вам намазаться солнцезащитным кремом.

— Я побеседовал кое с кем из жильцов.

— Да ну? Большой прогресс! Неужели вы снизошли до общения с нами, грешными?

Он уже не обращал внимания на ее язвительный тон.

— Тут Ники рассказывал...

Рука, сыпавшая специи в сковороду, замерла.

— Ты добрался и до Ники?

— А что? Да, мы с Ники становимся приятелями. Тебя это задевает?

— Скорее — удивляет.

— Он рассказывал, как они удирали от его психа-отца. Конечно, у мальчишки мало поймешь... но, знаешь, что?

Женщина сосредоточенно кромсала зелень.

— Он сказал — мы с мамой приехали в аэропорт, чтобы улететь к бабушке. Но денег на билеты не хватило и мы пошли на улицу. Шел дождь, мы шли, шли, я совсем замерз и даже не мог плакать... Заплакала мама. А потом в темноте открылась дверь и мы зашли в дом.

— Спасибо за информацию, — отозвалась Гасси, — но я помню, как они здесь появились.

— Но он говорил про аэропорт!

— Да, ты уже сказал это.

— Здесь ведь на тысячи миль нет никакого аэропорта!

Гасси глянула из-за плеча, издевательски подняв темные брови.

— Правда? Ты открываешь мне глаза!

— Хватит! — сорвавшись с места, он схватил ее за плечо. Встряхнуть не успел — острый кончик ножа уперся ему в грудь. Гасси сказала свистящим шепотом:

— Мистер Уокен! Будьте так любезны...

Он отступил, подняв руки:

— Ладно-ладно, извини, я погорячился...

— В следующий раз горячность тебе дорого обойдется, — буркнула она и смахнула ножом зелень в сковородку.

— Гасси...Извини, Кассандра! Что это все значит?

Она захлопнула крышку. Смахнула с разгоряченного лица прилипшие волосы.

— А что это значит — по-твоему?

Он сморщился. Сказал трудно:

— Если я не рехнулся... и если не рехнулись все эти твои жилыцы...и если это не какой-то идиотский розыгрыш...

— Многовато «если», — заметила Гасси.

— ...то дом занимается... хм, телепортацией? Черт, зачем я увлеклся научной фантастикой?

Гасси подумала.

— Ну что ж, можно и так назвать. Понимаешь, Стив, это Дом.

— Да, я уже...

— Нет, ты не понял! Это ДОМ! Дом всех домов. Представь себе дерево, — она выразительно жестикулировала. — Огромное дерево. Оно пустило корни, многочисленные корни по всему миру. Понимаешь? Он пронизывает все пространство и открывает двери тому, кто в нем нуждается. Везде.

— Пространство. Все пространство? — он сощурился. Хороший образ. Но было что-то еще... Библиотекарь. Бал. Звезды. — Гасси, — только пространство?

Гасси смотрела на него широкими глазами.

— Да, и время.

У него закружилась голова. Стивен попятился и сел на подвернувшийся вовремя стул.

— А ты что... привратница всех этих дверей?

Гасси улыбнулась.

— Ну что ты. Я просто хозяйка.

— Ну, и что тут у нас?

Подняв голову, он оглянулся на подошедшую Гасси. Женщина прислонилась плечом к косяку, обозревая пейзаж. Черные треугольные скалы, обведенные белым абрисом лунного света. Ровная поверхность воды, в которой отражается неподвижное ночное небо с крупными звездами, гигантская луна, и вторая, поменьше — оранжевая, склонившаяся низко над озером (морем?). Две дрожащие лунные дорожки подбегали к самому порогу. Стивен сидел, свесив ноги наружу, и не испытывал ни малейшего желания выйти.

— Красиво, — оценила Гасси. — Ты сам открыл эту дверь?

Он поморщился.

— Я пытаюсь понять, как дом работает. Представлял твой двор, потом стройку, потом... свою квартиру. Бесполезно. Потом — ради шутки — подумал, что давно не был на море. И... вот. У твоего дома, похоже, есть чувство юмора.

— Аналитик! — серьезно сказала Гасси. — Сразу видно инженерную жилку. Но судя по тому, что ты не выходишь, выбор неудачный?

— Н-не знаю... — с заминкой сказал Стив. — Сижу, как дурак, битый час. Смотрю. Знаешь, что мне в голову пришло? А вдруг я выйду, а твой дом захлопнет за мной дверь, а?

— Ну что ты, — Гасси присела рядом, он потеснился, хотя особо было некуда. — Он никогда так не сделает.

— Никогда не говори «никогда»! — процитировал Стив. — А раньше он захватывал людей в заложники, а? То-то!

Гасси молчала. Свет обеих лун странно расцветивал ее лицо. Точно делил его на две половинки. Правая, обращенная к нему, — теплая, живая. Ле-

вая (она чуть повернулась) посеребренная, в провале глазницы белым огнем светится глаз...

— Смотри, — сказала она возбужденно. — Звездопад!

Звезды чиркали небо — то там, то сям — точно художник небрежно взмывал кистью.

— Желание! — толкнула его локтем Гасси. — Ты загадал желание?

— Да тут хоть целым списком загадывай! — проворчал он. — Интересно, они все опадут, или что-то останется?

Женщина возбужденно схватила его за руку:

— Смотри!

Между двух лунных дорожек появилась третья: флуоресцирующая синим неровная линия стремительно приближалась к ним. Остановилась. И — оба синхронно отшатнулись — из воды вырвался целый фонтан жидкого синего пламени, гладкое, весело застрекотавшее тело, тут же рухнувшее в воду. Светящиеся искры-брызги окатили их.

— О, черт!

— Дельфин! — Гасси засмеялась, дергая его за руку. — Дельфин, ты видел?

— Трудно не заметить, — Стив отряхивал мокрую майку. К дельфину присоединился товарищ, и они продолжили свое «показательное выступление» для зрителей. Зрители были счастливы. Зрители аплодировали, свистели, кричали... или замирали в неподвижности в ожидании следующего прыжка. Стивен уже и не знал, куда ему смотреть — на дельфинов или на свою соседку. Он ни секунды не сомневался, что все это — и звездопад и шоу — устроено исключительно для нее. Она — любимейшее детище дома. Без нее все бы так и осталось неизменным — ночь, вода, луны...

Или дом лишь открывает для нас двери, открывает миры, а изменяем их мы? Тогда кто это сейчас сделал — Гасси? он? оба?

МЫ меняем мир... Ну до чего глубокая мысль!

Он очнулся, когда Гасси шагнула за порог. Гладко вытесанные в черном камне ступени вели к темной, еле дышащей воде.

— Ты куда?

— Купаться.

— Погоди...

— Солнца сейчас нет, так что я не сгорю, спасибо, — скороговоркой сообщила Гасси. Она уже трогала ногой воду. — Как парное молоко.

— Гасси! — дурацкая затея. Темная вода, незнакомое место, камни, течения, странные звери... Он видел, как на горизонте продолжают резвиться дельфины.

— Присоединяйся! — женщина скинула юбку, майку, блеснуло белое тело, узкие трусики — и спиной назад рухнула в воду. Взметнулись брызги. — Ух, как здорово! Смотри! — она подняла светящуюся руку. — Поплыли! — и двинулась вперед неплохим кролем.

Чертова сумасшедшая! Он торопливо, путаясь в штанинах и рукавах, стянул одежду. Вода была очень теплой, очень соленой, Стив будто скользил по глад-

кой поверхности. Догнал он ее быстро, впрочем, Гасси сама его поджидала. В едином молчании они поплыли вперед — туда, куда садилась оранжевая луна...

Скала была не гладко-твердой, а словно бы бархатистой. Лежать на ней было тепло, удобно. Он искоса поглядел на Гасси. Та вытянулась поодаль, глядя в небо. Белая луна стояла над ними высоко, блики от воды скользили по гладкой коже женщины. Она вздохнула, заложила руки за голову, взгляд Стивена остановился на ее груди. Если это не приглашение, то уж... Гасси, не отрывая взгляда от неба, предупредила:

— Даже не вздумай!

Попытка не пытка. Не очень-то и хотелось. Он снова распластался на камне. На самом деле это место навевало скорее умиротворение, спокойствие, растворенность во всем — в небе, в море, в звездах... чем все остальное. Он снова искоса скользнул взглядом по телу женщины. Самовнушение не очень ему удавалось. Стив вздохнул и сел.

— Домой?

Обратный путь был куда короче, чем он опасался. Или дом просто передвинулся им навстречу?

В коридоре, за закрывшейся дверью, Гасси придержала его пальцами за локоть. Капли падали с ее намокших волос, одежда облепляла тело. Сказала — почти смущенно:

— Знаешь, твой мир — он прекрасен. Спасибо.

И ушла торопливо, точно боясь, что он ей что-нибудь ответит.

— Да всегда пожалуйста... — с запозданием пробормотал Стив. Поглядел на дверь и осторожно потянул за ручку. Заперто.

То есть — всем спокойной ночи...

Он делал вид, что спит. Сидел в своем любимом кресле — кстати, места всем хватало, сколько бы человек не спускалось пообщаться вечером — из-под ресниц наблюдая и слушая. Ники играл на ковре перед камином с Псом — ретривер, шутливо рыча, прикусывал ему пальцы, валялся, задрав кверху лапы. Пацан был в восторге.

— Хочу поблагодарить тебя...

Он медленно повернул голову. Таня и Гасси сидели на широком подоконнике. Туда почти не доставал свет пламени камина, зато за стеклом виднелась луна — огромная, белая, яркая. Почти как в его мире.

— Собираешься уходить? — спросила Гасси.

— Да, кажется, я готова, — Таня смущенно засмеялась. — Ты знаешь, мы с Алексом...

— О, я рада! — с удовольствием сказала Гасси. — Он тебя поддержит. Вы друг друга поддержите.

— Да. И твой Стивен...

— Мой — кто? Он-то здесь при чем?

— Он все допытывался, откуда мы пришли. Я, в конце концов, сказала, и он посоветовал обратиться к его тамошнему приятелю-юристу. Дал адрес и

телефон. Сказал, чтобы я ни в коем случае не возвращалась домой, а сразу шла туда. Мне там помогут и защитят.

Стивен с удовольствием слушал паузу. Она длилась и длилась. Голос Хилл прозвучал яснее — видимо, она повернулась взглянуть на него, и он поплотнее сжал веки:

— О! Очень мило.

— Да, не правда ли? С одной стороны, я чувствую себя сильнее и решительнее, и у меня теперь есть Алекс, а с другой — я так боюсь опять... испугаться.

— Нет. Это тебе не грозит. Знаешь, почему? Потому что теперь тебе всегда есть, куда вернуться. Что бы тебе такое подарить на память?

— На память? С ума сошла, как я могу тебя позабыть... тебя, и этот дом...

— Ну, не плачь, — мягко сказала Гасси. — Смотри.

Стивен приоткрыл глаза — а потом и вовсе их вытаращил. Гасси протянула руку и выдернула из полотна лунного света светящуюся нить. И еще одну. И еще. Начала сплетать их, приговаривая:

— Дарю тебе радость, веселые дни, спокойные ночи, родные огни, отсутствие страха, удачи в пути, и чтобы мой дом ты смогла бы найти. Носи не снимая.

Таня подняла запястье, перехваченное узким светящимся браслетом, засмеялась тихо:

— Чудеса!

Гасси отвернулась к окну. Чудеса? Какие чудеса? Что она могла сделать? Приютить на время, дать кров, пищу, передышку, подарить такую безделицу, как браслет из лунного света... Разве она могла им дать новую жизнь? Разве могла помочь ее наладить?

А вот он... Уокен... сразу начал что-то делать. Позвал Сэма, с которым они столько времени лишь обменивались приветствиями — и который оказался очень славным, симпатичным... и очень одиноким человеком. Уговорил библиотекаря сменить свечи на одну двухсотваттную лампочку — старик с таким восторгом рассказывает это, как будто Уокен сам изобрел электричество. И вот... посоветовал конкретные шаги к освобождению Тани и Ники. Так кто же из них полезнее?

Она посмотрела на Уокена. Тот вовсе не спал, как ей показалось. В тени под бровями тает пристальный взгляд, крупные руки свободно лежат на подлокотниках. Как вообще можно запереть это сильное энергичное существо, помешать ему действовать?

— Слушай, но если все действительно так, как ты говоришь, твой дом просто должен быть переполнен! Что, мало в мире несчастий? Войны, революции, катастрофы...

Гасси пожала плечами.

— Не знаю, по какому принципу он отбирает постояльцев... Кроме того, наверно, существуют и другие Дома. Да и сколько комнат в моем, я тоже не

знаю. Не все же спускаются посидеть у камина. Некоторым нужно уединение. И потом они уходят...

— Куда?

— Не знаю. Обратно. Когда перестают нуждаться в доме. Они получают передышку — чтобы продолжать жить дальше. Редко кто возвращается или остается надолго. Разве что наш библиотекарь, — она покачала головой, вспоминая. — Сколько их тут перебивало... В детстве я не понимала. У нас всегда толклось много народа, и я воспринимала их как родственников или друзей родителей.

— То есть... твои родители тоже были Хозяевами?

— Мама. — Гасси засмеялась. — Отцу просто некуда было деваться. Он ведь не местный. Ученый-филолог. Приехал изучать какую-то легенду, увидел маму — и остался здесь навсегда. Все мужчины в нашем роду приезжие — вряд ли кто из местных польстится взять в жены одну из ведьм Хилл...

Так вот почему Гасси до сих пор одна...

— То есть, все женщины в вашей семье обречены жить в этом городке?

— Обречены? — она снова засмеялась. — Ты так это сказал... Почему? Я уезжала, жила в разных местах. Но меня всегда сюда тянуло. И вот я возвратилась, — она оглянулась с удовольствием. — И — знаешь? — не жалею. Когда умерла мама, отец очень грустил — вместе с домом. Но прожил еще десять лет. Писал мне смешные письма, сочинял сказки, записывал истории, которые рассказывали ему жильцы. Он решил вести своего рода летопись дома. У меня вот все до этого руки не доходят...

— А если ты не выйдешь замуж, и у тебя не будет детей, ну понимаешь, наследников?

Гасси хмыкнула.

— Замужество для деторождения вовсе не обязательно, если ты до сих пор не в курсе. Конечно, у меня будут дети. Девочка, как минимум.

Почему-то ему очень не понравилось это замечание — вернее, он вдруг вспомнил, что с деторождением зато связаны кое-какие действия, которыми Гасси будет заниматься с каким-нибудь кретином ...

— И все же? — не отставал он.

Гасси пожала плечами.

— Я знаю, на свете еще имеются Хиллы, наследство перейдет им. Что ты так обеспокоился?

— Я не обеспокоился, — буркнул он. — Просто интересно.

Сладкий, густой, летний запах тянулся по всему первому этажу. Гасси по второму кругу варила свое зелье: «Оно должно выстояться и выпариться, понимаешь?». Стояла у плиты, наблюдая за кастрюлей. Волосы у нее были заколоты учительским узлом на темени и открывали белую линию шеи и беззащитный затылок.

Он поглядел-поглядел, подошел и уткнулся лицом, губами в этот затылок. Гасси не вздрогнула, не напряглась, не отстранилась, не прильнула к нему. Стояла, как стояла. Сказала, не поворачивая головы:

— Что это вы, Уокен?

— Да откуда я знаю? — отозвался Стив с большим раздражением, отпустил ее плечи и отошел. Гасси оглянулась. Находясь на более-менее охлаждающем расстоянии, он спросил — через всю комнату:

— Вы, случаем, не напоили меня своим приворотным зельем?

— Что? — она засмеялась. Смех затих, когда она поняла, что Уокен вовсе не шутит. Гасси зачерпнула зелье ложкой, темная жидкость полилась густо. — Ты об этом? Ты что, действительно поверил? Это средство для снятия суставной боли... Я варю его, когда меня соседи попросят.

Он в который раз почувствовал себя идиотом. Буркнул:

— А почему я не должен верить? Если уж поверил всему остальному? И вообще — с чего вдруг меня к тебе потянуло? Ты ведь мне даже не нравилась!

Сказано в прошедшем времени, машинально заметила Гасси. Со стуком бросила ложку, воинственно уставилась на него.

— А почему это я должна объяснять? Может, просто от безделья... Мужчины обычно не утруждают себя поисками этих «зачем и почему»: захотелось — и все тут!

Уокен хмуро почесал щеку и отвернулся. Действительно, что он на нее набросился? Она его не провоцировала — ни болтовней, ни улыбочками, ни взглядами. Она с самого начала дала понять, что его присутствие в доме ей неприятно. Может, как раз это все и заводило его? Очень непривычно...

Он поднял руки и обезоруживающе засмеялся:

— Ладно. Извини! Это нервы. У меня уже начинается клаустрофобия.

Гасси с видимым недовольством, но приняла его слова. Отвернулась, вновь принялась помешивать «зелье». Сказала себе под нос — через долгую паузу:

— Я знаю, чего ты добиваешься. Не бывать этому. Таково мое слово.

Стивен не стал уточнять — о чем это она.

Потому что эти слова были адресованы не ему.

— Гасси, — позвал он осторожно, стараясь не шевелиться.

— А?

— Иди-ка сюда.

— Зачем? — она все-таки подошла, остановилась перед его креслом. Он скосил глаз, показал пальцем.

— Скажи, я, и правда, что-то вижу, или у меня очередные глюки?

— Не было у тебя никаких глюков! — недовольно заявила она, посмотрела влево и улыбнулась. — И нет. Это домовые.

— Кто?!

— Домовые. Ну, знаешь, домовые эльфы, брауни, ночные хозяева. Ты их видишь? Ну ничего себе!

Ничего себе. Он не понимал, чему она радуется. Он видит домовых. Следующими, наверное, будут зеленые человечки...

— А почему их так много? — спросил он, стараясь боковым зрением все-таки разглядеть получше. Тоненькие ручки-ножки, пушистые и шустрые. — Должен же быть один?

Гасси спросила сварливо:

— А куда, по-твоему, должны были деться те, чьи дома вы собираетесь сносить? Хозяева забрали только пятерых, так что всех остальных приютили мы. Неспоконное соседство, и мой домовой не очень доволен, но тут уж ничего не поделаешь... Ты открываешь двери! Ты видишь мохначей! Ну надо же! Этак скоро ты станешь одним из наших!

И ушла, напевая, к своей плите.

Стивен насторожился. Что это значит — одним из наших? Одним из тех, кем повелевает этот дом? Он что — меняется? Или кто-то его меняет?

Наверное, глупо спрашивать — кто? Начнем, наконец, рассуждать разумно?

Анализ ситуации: Дом постепенно его изменяет. Приучает к невероятному. Приучает *видеть* невероятное: все эти двери, домовые, браслет из лунного света... Манит неведомыми возможностями и невиданными вселенными. Внушает, что если Стив разрушит его, то тем самым разрушит связь миров и — одновременно — лишит крова многих людей настоящего, прошлого — и, возможно, будущего. И даже — если Стивен правильно интерпретирует свою неожиданную... хмм... тягу к Касси-Гасси Хилл — занимается сводничеством. Этакая сладкая морковка перед ослиным носом.

Выводы: Дом не выпустит его до тех пор, пока не сочтет, что Уокен созрел. Пока не добьется своего. В точности, как обычный террорист. А с террористами не договариваются. С террористами борются. Иногда — их же собственным оружием.

Вопрос: что для Дома дороже его собственной безопасности? Вернее — кто? И сможет ли Дом противостоять двойной угрозе — себе и Хозяйке?

Итог: хватит наблюдать, анализировать и выжидать. Пора действовать.

— Очень много дерева, — сказал Стивен.

— Что? — Гасси обернулась. Он вел рукой по стене. Сказал со значением:

— Слишком много дерева. Не боишься пожара?

— Тьфу-тьфу-тьфу! У меня есть огнетушитель. И песок, вон, рядом с камином, видишь?

Стивен поднял голову, разглядывая дубовые балки.

— А ты... дом, не боишься пожара?

Уокен был сегодня каким-то странным... не то чтобы она знала, конечно, каким он бывает обычно... сосредоточенным. И все время наблюдал за ней. С таким напряженным прищуром... Обдумывал что-то. Ну, она не собирается играть роль его психотерапевта. Уокен наклонился, разгребая дрова в камине.

— Тебе холодно? — спросила Гасси, наблюдая за ним одним глазом.

— Не так уж, — сухая сосна занялась весело и жарко. Он посидел перед камином на корточках, сунул руку в огонь и достал полено. Гасси не успе-

ла ни испугаться, ни даже удивиться, когда увидела, как он идет к ней через комнату с горящим поленом в руке.

— Что ты делаешь?..

Сильная рука схватила ее за горло — прочно. Жестко.

— А теперь — выпусти меня!

— Мне надо уйти, — повторил Уокен мрачно. Он держал женщину за горло — Гасси цеплялась за его пальцы, тяжело и часто дыша. Поленце в отставленной руке продолжало гореть. Взгляд его бегал по стенам, по потолку — он не знал, откуда ждать удара. В том, что удар впоследствии, он несколько не сомневался.

— Дай мне уйти! — крикнул, задирая голову. — Я хочу выйти отсюда. Понимаешь? — за неимением лучшего он встряхнул Гасси так, что у той клацнули зубы.

Обернулся на шорох. Люди стояли на балюстраде, осторожно спускались по лестнице: много, очень, очень много людей, большинство он и в глаза не видел. Наверное, дом позвал их на помощь. Взгляд выхватил бледное лицо Ники. Сейчас заплачет...

— Не двигайтесь! — сказал он, и жильцы остановились — безмолвные и осторожные. — Я просто хочу уйти, — повторил Стив.

— Пожалуйста, — сказала Гасси. Он подумал, что сделал ей больно, чуть ослабил хватку на горле, но зато плотнее прижал к себе.

— Пожалуйста, — вновь пробормотала она, и Стив наклонился, чтобы расслышать. — Ну пожалуйста, не делайте друг другу больно!

Ей впору о себе подумать, а она все о доме...

Не только о доме. Еще и о нем. Она просит и за него — у дома.

Гасси вскинула голову, едва не боднув его затылком. Сказала, глядя перед собой сухими яростными глазами:

— Отпусти его. Ты же видишь, это бесполезно. Ты сделал, что мог, а теперь отпусти его. Он не наш. Не твой и не мой. И никогда не станет нашим.

Резкий голос царапал слух. И — да, и сердце. Ему не нравились эти слова, хотя она говорила истинную правду. Гасси помолчала. Сказала:

— Пожалуйста. Отпусти его.

Было тихо. Так никогда не бывало тихо в этом доме. Тем более, когда в одной комнате находится столько народу... Никто не дышал, кажется.

Заскрипела дверь — он крупно вздрогнул — повернулся вместе с крепко прижатой к нему Гасси. Заветная дверь, к которой он стремился несколько дней и ночей, открылась. Сама.

— Иди, — сказала женщина.

Он облизнул пересохшие губы. Ловушка? Если да — то где? Перед самым порогом?

— Иди, — повторила Гасси и в голосе ее прозвучало удивление тем, что он медлит.

— Давай-ка вместе, — сказал Стив ей на ухо. Гасси нехотя сделала несколько шагов вместе с ним. Он выпустил ее на пороге — женщина тут же попятилась. Ее взгляд пусто скользнул по его лицу.

— Гасси, я... — сказал он потерянно и отступил в открытую дверь — за дверью почему-то была ночь, что за черт, ведь только что в окна светило солнце! — отступил и сорвался: под ногами оказались не ступеньки, а какой-то крутой обрыв. Он покатился вниз, беспомощно пытаясь за что-нибудь уцепиться — трава и кусты легко вырвались из почвы, сланец обламывался и съезжал следом. Падение все длилось и длилось, пока он, наконец, не приложился многотрадальной головой о твердый камень. Искры... Темнота.

— ...неплохо, совсем неплохо! — бодро сказали над его головой. — Мистер Уокен, вы меня слышите?

Он со стоном разлепил глаза.

— ...потыше, а?

Левому глазу мешала смотреть какая-то тряпка. Он потрогал повязку.

— Это что еще?

— Вы упали, — бодро проинформировал тот же голос. Морщась, Стивен покосился, и человек с готовностью наклонился над ним. Лицо незнакомое.

— Упал... опять?

— Опять? — Мужчина встревожился. — Вы уже падали? Когда? Было ли у вас раньше сотрясение мозга?

— Несколько дней назад... у дома этой ведьмы... Гасси.

— Стив, — голос Тойво. — Стивен, тебя нашли сегодня утром. Ты сорвался с речного обрыва, кой черт тебя туда ночью понес? Доктор, он что, путается?

— Доктор, как вас там? Дан...

— Даниэль Маккефри, — представился врач, цепко ухватив его за пальце. — Разве мы знакомы?

— Нет, но у нас есть общая знакомая. Помните, ведьмочка Гасси, а? — пальцы врача сжались сильнее. — Несколько ночей назад вы мне делали такую же перевязку в ее доме.

— Пульс частит, — невозмутимо объявил врач, выпуская его руку. — Лихорадочное состояние, что неудивительно при такой травме.

— Стив, — сказал Тойво отдельно, как будто говорил со слабослышащим. — Сегодня ночью ты свалился с обрыва. Утром мы на тебя наткнулись. Не было никаких перевязок. Не было никаких дней. Все произошло сегодня ночью. Понимаешь?

Он поразмыслил. Очень мешала головная боль. Знакомая боль.

— Сегодня ночью?

— Да, — сказал Тойво.

— Да, — сказал врач.

— И это что... мне все приснилось?

— Да, — снова сказал врач.

— Не знаю, что там тебе приснилось, но похоже на то, — поддержал его Тойво. — Так что давай, приходи в себя поскорее. Без тебя мы как без рук. Док, он долго у вас проваляется?

— Не знаю, — Маккеффри хмурился. — Вроде бы состояние стабильное, но эти видения... Возможно, надо будет провести дополнительные обследования. А теперь выпейте микстуру и постарайтесь уснуть.

Вкус у микстуры тоже был знакомый. Стивен потер щеки. Щетина присутствовала — но вчерашняя, не трехдневной давности щетина. Голова кругом... Ему никогда не снились такие длинные запутанные сны.

Помощник удалился на цыпочках. Стивен услышал легкие шаги врача и сказал вдруг:

— Время!

— Что? — издали спросил Маккеффри.

— Время! Дом открывает двери не только в пространстве, но и во времени, понимаете?

Пауза.

— Не понимаю, — сухо сказал врач. — Но это не имеет значения. Спите.

Он засыпал, думая: «Гасси, ведьма ты моя золотая, ты меня не обманешь...»

Тойво очень обрадовался, обнаружив к вечеру, что его начальник уже сидит в кровати и даже чиркает что-то в блокноте.

— Тойво, — сказал, не поднимая головы, — мне нужны кое-какие сметы и чертежи. И ноутбук. Приволоки сюда, а то меня до утра не выпускают.

— Что-то не так?

— Кажется, я рассчитал, как без особых потерь можно обогнуть этот чертов дом.

Тойво подумал, что ослышался. Потом он понял, что Уокен до сих пор не в себе.

— Давай оставим все до завтра, а?

— Конечно, до завтра, — рассеянно согласился больной. — Но расчет я хочу сделать сегодня.

— Я спрошу у врача! — не сдавался Тойво.

Стив хмыкнул.

— Я уже спрашивал. Он сказал, что ЭТО мне явно не повредит. Давай-давай, одна нога здесь...

— Инвесторам это не понравится, — в который раз уныло проинформировал Тойво. Вопреки ожиданиям, умонастроение босса утром несколько не изменилось. Хотя сам Стивен выглядел таким живчиком. Отдавал четкие приказания, засадил инженеров за расчеты и даже связался кое с кем из заказчиков. Уокен отмахнулся:

— Поморщатся и проглотят!

— Может, расскажешь, в чем дело-то?

Стивен вновь почесал щеку.

— Оказалось, этот чертов дом представляет историческую и культурную ценность. Охраняется государством.

— С чего ты взял?

— Гасси... Мисс Хилл показала мне документы.

— Подделка! Чего ж она раньше ими не трясла?

— Она и не подозревала об их существовании, — на ходу импровизировал Стивен. — Перебирала семейный архив и наткнулась.

— А, может, проигнорируем? — с надеждой предложил Тойво. — Пока то да се, она ведь не предоставила их вовремя? Мы и знать не знали об их существовании, верно? Снесем эту рухлядь...

— Ты позабыл, что она не собирается съезжать, — осадил его Стив, — и вполне может протянуть время до официального признания бумаг...

— Так то оно так... — Тойво потер мощный загорелый затылок, с подозрением глядя на босса. — А она тебя случаем, не околдовала?

— Че-го?

— Ну, тут треплются, что все эти дамочки Хилл ведьмы... — извиняюще улыбнулся Тойво. — Ну, и вдруг она тебя того...

Или ты сам «того», мысленно закончил за него Стивен. После мозгового сотрясения. Он и правда, ощущал себя странно. Кроме вполне понятных приступов слабости на него то и дело накатывало ощущение нереальности — точно все делает не он сам, а совершенно другой человек, а он, Стивен Уокен, наблюдает за этим со стороны. Временами он сомневался, произошло ли все на самом деле, или ему привиделось, как дружно уверяют его помощник и врач... Но он разберется. Он во всем разберется. Пока ход строительства замедлился ненадолго, и сроки еще не поджимают...

Он все поймет, когда увидит мисс Хилл.

Увидел.

Мисс Хилл копалась в своем разоренном саду. Взвзвись обеими руками за ограду, он некоторое время смотрел на склоненную соломенную шляпу. Женщина подняла голову. Глаза в тени широких полей были мрачными. Гасси выпрямилась и подбоченилась.

— Ну что? Пришли посмотреть на дело рук своих?

— Я уже приносил вам свои извинения...

— Разве? Что-то не припоминаю!

Он машинально повторил то, что говорил (не говорил?) на той промокшей от осеннего дождя веранде. Гасси некоторое время переваривала его сообщение, потом качнула полями. Сказала непримиримо:

— Все равно — это результат той политики, которую проводит ваша компания! Если это все...

— Нет, не все. Я... мы приняли решение не сносить ваш дом.

Он и сам не знал, какой реакции ждет от нее: радости? благодарности? удивления? Гасси оперлась на древко лопаты. Помолчала.

— Вот как? Странно.

— Что — странно?

— Я... не ожидала, — она отвернулась от него. Взглянула на дом. — Ну что ж...

— Гасси, — быстро сказал он, — я могу зайти в дом?

Пауза. Она так растерялась, что даже забыла его поправить: «Кассандра, пожалуйста, мистер Уокен!».

— Зачем это?

— Должен же я посмотреть, из-за чего весь сыр-бор разгорелся! — он уже открыл калитку. Гасси смотрела на него, покусывая губы. Глаза ее были растерянными и сердитыми.

— Мистер Уокен, я не думаю...

— И не надо думать, — приветливо сказал он, быстро идя по дорожке. — Я только на минутку.

Если бы она догадалась пустить в ход свою садовую лопату, ему бы не поздоровилось. Она не догадалась. Шла за ним, протестуяще говоря что-то. Он не слушал, но все же остановился, держа пальцы на ручке двери, когда она негодуяще вскрикнула:

— Мистер Уокен! Что это все значит? Я не понимаю!

— Я тоже, — сказал он. — Видите ли, я знаю ваш дом наизусть. Я могу назвать каждый предмет, который находится на первом этаже. Странно, а?

Ее глаза подозрительно сощурились:

— Это что еще такое? Вы побывали в моем доме в мое отсутствие? Незаконное проникновение в жилище?

Она наконец вспомнила про лопату и угрожающе качнула ее в руке. Это заставило его действовать. Он повернул ручку, говоря:

— Длинный старый деревянный стол, за которым уместится человек десять, на нем — подсвечник. Дубовая балка, с нее свисают сушеные травы и всякие металлические кухонные причиндалы. Много диванов, старые кресла, камин, и... — дверь раскрылась, он шагнул через порог, продолжая, — кушетка, над ней — старый радиоприемник...

Голос его оборвался, словно кто-то внезапно повернул ручку звука. Обстановка была суперсовременной, стены блистали ослепительной белизной; диван — большой, но всего один — стоял напротив плоского телевизора. На окнах висели кокетливые бело-розовые занавески. Мраморный камин был прикрыт прозрачным жаропрочным экраном. Кушетки и в помине нет. Стол наличествовал — квадратный, пластиковый, с длинноногими табуретами по бокам. Стивен справился с отвисшей челюстью, когда заметил, что мисс Хилл заглядывает ему в лицо — пожалуй что и с участием:

— Мистер Уокен? С вами все в порядке?

Он повернулся. Электропечь. Раковина. Кухонный столик с шкафчиками. Ничего особенного. Все как у всех.

— Все... — прохрипел он. — Я... порядок.

Ее голос стал почти дружелюбным.

— Это все солнце. И... — она указала пальцем на его повязку, — вот. Я не спросила, что с вами. Упали?

Упал. И продолжает падать. Он ухватился рукой за стол, преодолевая головокружение и — да, и панику. Не может быть. Не может.

— Сядьте. Вот так. Хотите что-нибудь выпить? Лимонад?

Да. Лимонад. Ее знаменитый лимонад. Он осушил бокал единым махом. Вот его вкус остался прежним. Неподдельным.

Он закрыл лицо руками, зная, что она стоит напротив и смотрит на него. Черт. Черт. Черт. Значит, все это было... то есть не было...

— Вот что, — сказала хозяйка через паузу. — Давайте-ка я позвоню, чтобы они приехали за вами. Не нравитесь вы мне.

Эка новость! Он убрал руки, выпрямился и встал. Сказал угрюмо:

— Не стоит беспокоиться. Доковыляю. Простите за вторжение, мисс Хилл...

Качнулся и, закрыв глаза, оперся о стол.

Пальцы ощутили мягкую теплоту дерева.

Стив открыл глаза и посмотрел на стол. Пластик. Не остается царапин и пятен. Закрыл глаза, провел ладонью. Шелковистость дерева. Вот здесь смыкаются доски. Пальцы наткнулись на металлический подсвечник. Поток воска. С открытыми глазами обнаружилось, что он схватил стеклянную конфетницу на ножке.

— Мистер Уокен! — с тревогой позвала наблюдавшая за ним хозяйка. Он шикнул на нее повелительно. Повернулся, выставив перед собой руки. Нескольких шагов — и он наткнулся коленом на кушетку. Пальцы нащупали знакомое лоскутное одеяло.

— Что вы делаете?

Стивен засмеялся. Значит, «жмурки» наоборот? Здесь налево — и будет кресло, в котором он сидел, когда впервые присоединился к жильцам у камин. Нашел, вцепился в спинку. Осторожно приоткрыв глаза, взглянул сквозь ресницы. Старый камин с кованой решеткой и почерневшими от огня кирпичами. Стив распахнул глаза — и мыльный пузырь наваждения лопнул вместе со всей сокрушительностью незнакомой обстановки.

Он находился в Доме.

Стив оглянулся. Гасси молча, насторожено следила за ним.

— Зачем, Гасси? Зачем?

— Ты сам отказался. Сам выбрал, — отозвалась она бесцветным голосом.

— Но я же пришел!

— Да. Но зачем теперь... — она поглядела на дверь, по-прежнему распахнутую в полдень. словно напоминала ему, где находится выход. Стянула шляпу и швырнула ее через комнату.

— Зачем? Я с тобой уже простилась!

— Но я-то не собирался прощаться.

Она хмыкнула.

— Ну конечно! Поэтому ты угрожал мне и дому!

— Ненавижу принимать решения принудительно! Вы бы еще мне к виску пистолет приставили!

— А что, это идея!

— В конечном счете вы своего добились, так чего ты злишься, а?

Гасси фыркнула и отвернулась. Он посмотрел на ее оскорбленный затылок, потом — на лестницу.

— Где все?

— Кто где, как обычно.

— Гасси, ты ходила без меня в мой мир... наш мир?

Гасси пожала плечами. Сказала скучно:

— Он без тебя не открывается.

— А хочешь прогуляться туда — со мной? — спросил Стив вкрадчиво. Он не двинулся с места, но ей вдруг показалось, что он, как тогда, подошел, и обнял ее и прижался губами к затылку... Она хотела, чтобы он это сделал. Но тупой Уокен делал все не вовремя.

— Давай начнем сначала, а?

Она не выдержала и оглянулась.

— Как это?

— Я скажу: «Здравствуйте, мисс Хилл, как поживаете?»

— А я что?

— А ты скажешь: «Здравствуйте, зовите меня просто Гасси».

— Это еще нужно заслужить!

— Я постараюсь. Так что возьми своего лимонада и пойдем посидим на крыльце. Подумаем, что делать с твоими розами.

— Что делать, что делать! Это как с английскими газонами: сто лет стричь и поливать, вот и все, — проворчала Гасси. Почему бы, и правда, не посидеть с ним на крыльце? Это ее ни к чему не обязывает.

Она старалась не слушать, как хихикает дом.

Стив прислонился к косяку входной двери, огляделся. Пожалуй, тут есть над чем поработать. Починить перила и страшно скрипящие ступеньки лестницы. Заменить прогоревшую кладку камина. Хотя это может подождать, решил он, увидев, как к нему идет Гасси с кувшином в руках. Они словно возвращались в тот жаркий день знакомства...

Стив посторонился, пропуская ее. Пробормотал, адресуясь к потолку:

— Значит, все мужья Хилл были приезжими? Ну-ну...

Тут тоже есть над чем поработать.

— Здравствуйте, мисс Хилл, как поживаете?

ОЛЕГ ГАВРИЛИН

ДИРИЖЕР АПОКАЛИПСИСА

Тысячи огней неслись по полотну дорог, которые, извиваясь черными змеями, скрывались во тьме нижних ярусов города. Если сильно прищурить глаза, возникнет ощущение, что огни сливаются в одну светящуюся ленту, которая пульсирует и сворачивается в кольца.

Ее величество ночь давно вступила в свои права: несколько часов назад она прогнала с неба остатки закатного багрянца и подернула горизонт темным бархатом. Уличный шум стих на несколько децибел, а на стремящихся ввысь телах небоскребов засияли яркие светлячки. Жители давно рассыпались по своим квартирам. Кого-то ждали любимые, а кого-то лишь одиночество — кокон скорби и тишины, в котором единственный собеседник — ты сам. Такому верному слушателю можно часами сетовать на неудавшуюся жизнь.

Тысячи мыслей и эмоций застревали в паутине сновидений, которую ночь ткала над крышами зданий. Чуть слышно звеня, натягивались ее невидимые нити. Город спал...

Ч

УШЬ НЕСУСВЕТНАЯ! — НАТАН ТИНКЕР ОТБРОСИЛ ПАЧКУ листов на стол. Задетая кружка протестующе звякнула и едва не опрокинулась.

— А? — сидящий напротив молодой человек вздрогнул от неожиданности, оторвав взгляд от покоившейся на коленях сумки.

— Бэ! — передразнил Натан. — Пафос и слюнтяйство. Вы это называете готовым текстом? Побойтесь бога и выкиньте эту дрянь. А лучше — сожгите. Знаете, сколько такого вот «творчества» ежедневно в издательства приходит? Я про среднестатистические говорю, а не крупные, вроде нашего. Каждый графоман мнит себя дарованием. — Тинкер дерганным движением замученного работой человека выхватил из лежащего на столе портсигара сигару. Сунув ее кончик в гильотинку, он нарочито громко щелкнул лезвием.

Молодой человек втянул голову в плечи и стремительно покраснел

— «Светящаяся лента в кольца сворачивается...» — пробубнил Натан. — Как вы только на «Иерихоне» первое место заняли? Видать, совсем претенденты измельчали.

Ненадолго в офисе редактора издательского дома «Плеяда», обеспечивавшего художественной литературой большую часть заселенных планет, воцарилась тишина. Лишь механическая лапа автоприкуривателя с едва уловимым шелестом спряталась внутри стола. Под потолок взвились сизые облачка: дым никак не хотел образовывать колечки. Сделав несколько затяжек, редактор швырнул сигару на пол. Уже несколько лет он вел негласное соревнование с автоматикой кабинета: успеет ли пылесос сцапать дымящийся бычок до того, как тот прожжет ковер. Пока счет складывался не в его пользу.

— Ради бога, Клавентин, не молчите, — со вздохом сказал Натан. — Да обидно — понимаю, но если вы напишите бред сивой кобылы, не рассчитывайте, будто мы его проглотим. Читатели — запросто, мы — нет.

— А, значит, читатели все из себя идиоты, а вы умные, да? — взвился молодой человек.

— Во-первых, не «из себя», а «собой». Во-вторых, это закон нашего бизнеса: шестьдесят процентов аудитории не замечает ошибок в текстах, зато оставшиеся... Ваш опус до колик поэтичен, и тут — бац! — «шум стих на несколько децибел». Здравствуй учебник физики! Незачем так атмосферу убивать... Да, вы садитесь — в ногах правды нет.

— В ягодицах тоже, — огрызнулся собеседник, но все-таки опустился обратно в кресло.

Натан удовлетворенно кивнул: парень был в меру вспыльчивым и достаточно своенравным, в общем, боец — как раз то, что нужно.

— Не нервничайте, господин Салано, — он поднял руки в примирительном жесте. — Хотите, чтобы в душе не было осадка? Тогда не кипятитесь. Про сожжение я пошутил. Мы эту вашу повестушку сейчас подкрасим, лобзиком подпилим, большую часть, конечно, выкинем — зато выйдет конфетка. Наша кондитерская еще не такой компост в торты превращала.

Глаза победителя конкурса полезли из орбит, а челюсть, видимо, приготовилась шлепнуться на пол и укатиться под кресло.

— Не... не имеете права... — тихо промямлил он.

— Хо, еще как имею! — Натан хищно ослабил и водрузил сцепленные в замок пальцы на столешницу. — Думаете, здесь с вашим творчеством кто-то церемониться будет? Да ни боже мой — его вывернут наизнанку и пропустят через мясорубку. Как и в любом издательстве, собственно.

— Вы не имеете права! — повторил Клавентин, на этот раз вскричав так, что его можно было услышать двумя этажами ниже. — Катитесь к черту со своими конкурсами!

Он встал и направился к двери, определенно собираясь покинуть кабинет. Его остановил голос редактора.

— Бросьте, Салано. Уйдете сейчас, и что потом? Вернетесь домой, в этот ваш «кокон скорби и тишины», а весь следующий день будете проклинать себя за то, что не смогли всего разок задавить гордость. Хватит дурака валять.

Натан не видел лица строптивца, но об активной работе мысли можно было судить даже по затылку. Молодой человек несколько секунд стоял, прикидывая что-то, затем вернулся к столу и грузно опустился в кресло.

— Вы будто не знаете, что сразу после выявления победителя конкурса «Иерихон», с ним подписывается контракт, затем подыскивается сопровождающий редактор, и они отправляются в Паломничество. Я уже не могу отказаться. Если заявление об увольнении не считать отказом, разумеется.

— И что теперь? — собеседник опустил взгляд.

— За неделю я разберусь с правкой и разгребу текущие дела, ну а вы летите-ка домой и покумекайте над нашим маршрутом. Как определитесь — сообщите.

— А что, — поинтересовался молодой человек, — мы действительно сможем отправиться в любое доступное на карте место?

— Ну разумеется. Транспортные сети и турагентства костями лягут, чтобы удовлетворить запросы, касающиеся Паломничества. — Натан Тинкер откинулся на спинку кресла и раскинул руки. — Уберите кислую мину, господин Клавентин. Сдался вам этот текст? Только представьте: вся галактика у ваших ног.

Губы собеседника дрогнули, а затем медленно растянулись в улыбке.

— Пожалуйста, — он протянул Натану руку, — зовите меня Клайв.

* * *

Исполинские ворота города сомкнулись позади меня. На каменных стенах собралось множество жителей: все пришли поглазеть на изгоя, выдворенного из дома, в котором ему никогда не было места. Они молчали, но я чувствовал их присутствие — презрительные взгляды кололи спину ядовитыми иглами. Пути назад не было, а впереди не ждало ничего хорошего. Пустыня с азартом бросала в лицо острые песчинки, распахнув мне навстречу объятия горячего ветра.

Они всерьез думают, что это меня остановит? Они уверены, будто смогут вычеркнуть меня из своей жизни, просто выставив за дверь? Глупые наивные люди. Любуйтесь преклонившей колени жертвой и радуйтесь, что сами пока стоите прямо. Спи спокойно, дорогой город. Придет день, и я вернусь к тебе. Вернусь, чтобы ошпарить тебя ветром, разрезать полным ненависти взглядом, выпотрошить и утопить в песке.

Я вернусь. А когда ты поймешь, что просить о пощаде поздно, наклонюсь к тебе и шепну: «Радуйся...»

— Всё дуетесь? — раздраженно спросил Натан Тинкер со своей койки. Он поежился и еще плотнее закутался в серое одеяло из грубой ткани.

Небольшую каюту, в которой разместили их с Клавентином Салано, освещала расположенная под потолком лампа дневного света. Увы, дневным он считался исключительно по меркам жителей Баратры. Свет, аналогичный излучению синего гиганта и сиянию двух больших лун, действовал на пришельцев угнетающе. Еще больше на психику давил узкий коридор подводной лодки и ее крохотные каюты с серыми стенами из высокопрочных сплавов.

— Дуюсь? С чего вы взяли? — Салано лежал на койке, закинув ногу на ногу. Его глаза бегали по экрану мобкома.

— Либо у меня паранойя, либо у вас каждая строчка так и кричит: «Злые дяди обидели. Месть моя будет ужасна и коварна!» — съязвил Тинкер. — Господи, Клайв, кому вы нужны? Чтобы люди собирались «поглазеть на изгоя», им нужно об этом изгое знать!..

— Угу...

— И к тому же, как вы мстить-то собрались? Вы же еще не достигли... — редактор «Плеяды» вытянул большой и указательный пальцы и продемонстрировал маленькое расстояние между подушечками, — во-от такусенькой части подлинной писательской славы...

— Слушайте... — Клавентин вскочил и отбросил мобком. — Вам удовольствие доставляет меня насекомить? Какого черта нужно было куда-то переться с убогим графоманом, если вас от него тошнит?

Тинкер издал короткий смешок, а затем расхохотался в голос. Надолго его не хватило — смех перешел в нервный кашель.

— Хе, у всех новичков есть эта болевая точка. Поверьте, Клайв, лучше сейчас над вами будет смеяться один старый хрыч, чем потом — миллионы читателей. Вот вы думаете, напишите книгу размером с кирпич, и все вокруг проникнутся. Черта с два! Грязью в вас будут кидать изрядно. А может быть, и навозом... Фокус в том, чтобы максимально сократить количество ненавистников...

— Хорошо, сенсей, — Клавентин выставил перед собой прижатые ладонями друг к другу руки. — Вы меня вразумили. Поведайте же смиренному ученику, что вам не нравится.

— Мне много чего не нравится. А, если о тексте, то позвольте узнать, когда достопочтенный писатель, наконец, перестанет лепить подряд слова, начинающейся с одинаковых букв? «... *радуитесь, что сами пока стоите прямо. Спи спокойно, дорогой город...*» — сплошные «с», а потом еще и «п». Ужас! Знаете, у меня один автор чуть ли не ежедневно юморески клепают. Так вот у него целая серия есть таких, которые состоят из слов, начинающихся на букву «п»: «Придурковатый прапорщик передает пламенный привет партии...»

— Смешно... — соврал Салано.

— Да обхохочешься. Но вы-то не юморески строчить собираетесь, так? Вас ждут стремительные ручейки рассказов, бурлящие реки повестей и величественные океаны романов, — Натан повел в воздухе рукой, будто дирижировал оркестром. Его вспотевшее лицо на мгновение расплылось в улыбке. В этот момент корпус лодки ощутимо вздрогнул, и редактор зашелся в приступе кашля.

— Вам плохо? — вкрадчиво спросил Клавентин.

— Нет, черт возьми! — Тинкер предпринял очередную попытку закутаться в одеяло. — Мне хорошо, просто замечательно! Особенно радует, что первым объектом Паломничества вы выбрали зону боевых действий на планете, где почти нет суши.

— Нельзя же о войне писать без подготовки. Я хотел взглянуть на нее изнутри, чтобы почувствовать ее ужас, жестокость... Ну, и эпичность что ли.

— Корпоративные шавки отбивают у правительства косяки «селетки»... О-очень эпично. И почему изнутри подводной лодки? Отсюда много увидишь, ага. Половина «Плеяды» на уши встало ради того, чтобы нас сюда пустили.

— Зато впечатлений масса. Мне казалось, что цель Паломничества — обогащение писателя подлинно глубокими эмоциями, опытом, знаниями. Разве не так?

— Вот обогатят вас свинцом да радиацией — узнаете почем счастье.

Корпус лодки снова трянуло. Где-то громче загудели двигатели.

Натан Тинкер взглянул на непрерывно моргающую лампу и с трудом подавил желание накрыться одеялом с головой. Клавентин, меж тем, встал, подошел к койке редактора и присел рядом с ней на корточки.

— У вас клаустрофобия, — скорее констатировал факт, чем спросил он. — Вы же до смерти напуганы!

Неожиданным рывком Тинкер принял сидячее положение и схватил подпечного за грудки — тот и опомниться не успел.

— Слушай, пацан! — прошипел редактор «Плеяды» через отбивающие дробь зубы. — Я не одного молокососа через Паломничество в люди вывел и таких вещей повидал, каких тебе и в кино не покажут. Ты понятия не имеешь, что значит быть до смерти напуганным!

— Да вы в зеркало посмотритесь, — Салано окинул взглядом окаймленное седыми прядями лицо Натана Тинкера. Кожа редактора стала белее волос, а по чуть вздернутому носу катилась большущая капля пота. Лишь темно-зеленые глаза творца литературных звезд искрились: в них плясали бесы, готовые выскочить и разорвать на клочки любого.

— Не волнуйтесь, — доверительно сказал Клавентин. — Я никому не скажу.

— Для этого ещё надо отсюда живыми выбраться... — Натан разжал хватку и издал сдавленный смешок.

— Может, хватит краски сгущать? Не верю я, что в первом же путешествии...

В этот момент лампа на потолке вспыхнула красным светом.

Клавентин замер с полуоткрытым ртом, затем перевел растерянный взгляд на куратора.

— Запомните момент, — невесело ухмыльнулся тот, — для какого-нибудь боевичка подойдет...

Корпус лодки трянуло так, что переборки взвыли. Прежде чем людей оглушил вой sireны, они услышали душераздирающий скрежет, будто кто-то царапал наждаком стекло.

Клавентин бросился к двери. За открывшейся створкой по коридору носились матросы. Как и все жители Баратры они были высокими и неестественно худыми.

Молодой человек повернулся к наставнику и сильно удивился, увидев того с двумя собранными рюкзаками и пулевой винтовкой за спиной.

— Когда вы... — начал он.

— Говорил же: Паломничество — не пикник на обочине, — отрезал Натан. — Валим!

Просовывая, на ходу, руки в лямки рюкзака, Салано вслед за куратором выскочил в коридор.

— На мостик? — с азартом воскликнул он.
— Щас — подпрыгни! — рыкнул в ответ Натан. — К спасательным шлюпкам. И живо!

— Но на мостике ведь все события! — запротестовал молодой человек.
— Конечно. И все роботы-торпеды туда. Хотите одну в лоб словить?

Схватив парня за локоть, редактор заторопился по коридору.

Пол и стены ходили ходуном. Складывалось впечатление, что подводная лодка превратилась в больного кита, которого бил озноб.

Ангар спасательных капсул представлял собой металлическую клоаку со встроенными в стены пусковыми установками. Помещение оказалось частично затопленным: из пробитых труб били тугие струи зеленоватой воды.

— Запускай программу эвакуации! — проорал Натан в ухо Клавентину, стараясь перекрыть какофонию звуков. — А я пока забаррикадирую вход.

— А как же матросы? — изумился Салано, но наставник его уже не слышал.

Система и впрямь требовала минимума человеческого вмешательства. Ткнув несколько раз в экран управляющего модуля, Клавентин убедился, что спасательная капсула загрузилась в катапульту.

По колено в воде к нему через все помещение торопился Тинкер.

Потолок отсека разорвался, словно бумажный, когда он уже преодолел большую часть пути. В ореоле из ярких искр сверху опустился настоящий демон — механическое чудовище, напоминающее гибрид богомола и осьминога, вспенивающее воду гибкими щупальцами. Оценив обстановку, монстр направился к Клавентину. Тот замер, не в силах пошевелиться. Зато Натан не терял зря времени: уклонившись от острых конечностей и пары щупалец, он вынырнул у робота из-под брюха, а затем высадил обойму в место, где располагалась голова. Три ствола винтовки еще вращались, когда чудовище в конвульсиях рухнуло на пол.

— В шлюпку. Бегом! — закричал Тинкер. — Он сейчас на дополнительные переключится...

Закончить куратор не успел: бьющаяся в судорогах нога робота поднялась и ударила Натана в грудь. Редактору повезло, что отлетел он в нужном направлении — прямо к шлюпке. Зато не повезло с посадкой: ударившись спиной, он так и остался неподвижно плавать лицом в воде. Подоспевший Салано схватил наставника за плечи и одним чудовищным рывком затащил внутрь капсулы.

Тут в отсек забежали матросы — видимо, баррикада оказалась ненадежной. Это спасло будущего писателя и редактора от участи быть разорванными. Переключив внимание на новоприбывших, робот бросился к ним. Клавентин увидел, как он без труда пронзил двух человек насквозь, прежде чем шлюпка ушла в направляющий шлюз.

Дальше была тряска, мигающие лампочки приборной доски, трели сирены и крошечная тьма в иллюминаторе под потолком. Она сменилась темным малахитом, потом зеленью молодой листвы и, наконец, уступила место свету.

Как только шлюпка закачалась на волнах, защитный колпак раскрылся, и вверх устремилась антенна сигнального маячка.

Клавентин неподвижно лежал на упругом полу, глядя в сливового цвета небо, и осознал, что без сожалений сейчас бы потерял сознание. Повернув голову, он увидел так же неподвижно лежащего Натана.

Он подполз к Тинкеру и развел бурную деятельность, хотя понятия не имел, что нужно делать. Сперва попытался услышать сердцебиение и дыхание — понял, что не может сосредоточиться. Стащить с пострадавшего куртку и расстегнуть рубашку? Он запутался в первой же застёжке. Руки дрожали, а мокрые и замерзшие пальцы не слушались.

— Да очнитесь же! — Клавентин не нашел ничего лучше, чем отхлестать редактора по щекам. — Не может все так закончиться... Только не сейчас!

Внезапно его осенило: искусственное дыхание! Положить руки на грудную клетку пострадавшего и с силой надавить. Прямо как в фильмах — раз, два, три!

Что дальше? Точно — дыхание рот в рот.

Он уже набрал полные легкие воздуха, когда ладонь с растопыренными пальцами буквально уперлась ему в лицо.

— Даже и не думай, пострел, — прокряхтел Тинкер и громко кашлянул.

Клавентин со стоном облегчения привалился к стенке шлюпки.

— И давно вы очнулись? — запинаясь, проговорил он.

— Да ваша подача мертвого из могилы поднимет, — Натан потер горящие щеки.

— Извините, господин Тинкер. Я уж думал, вы... это, того.

— Слушай, Клайв... — куратор подполз к стенке и тоже облокотился о нее спиной. — Давай уже на «ты». У меня всегда было плохо со словами благодарности, но... В общем, спасибо, что вытащил.

Будущий писатель улыбнулся и закрыл глаза. Некоторое время они молчали, позволяя лучам заходящего солнца высушить кожу. Вскоре неподалеку от их капсулы начали всплывать и другие, а потом из волн показалась изувеченная рубка лодки. Смертельно раненный левиафан поднялся на поверхность.

— Ну что, малец, посмотрел на ужасы войны? Впечатлений хватит? — поинтересовался редактор «Плеяды».

— Честно говоря, — Салано стянул рубашку и осмотрел исцарапанный и усыпанный кровоподтеками торс, — я не на войну смотреть хотел. Мне было интересно, как человек с боязнью замкнутого пространства будет себя вести в стрессовых ситуациях. Я знал, что у вас клаустрофобия — вы ведь из-за нее в купе класса «премиум» не летаете.

— Смешно... — хмыкнул Натан.

— Да обхохочешься.

Они громко рассмеялись, выпуская накопившийся за долгое время стресс.

— Признаться, — выпалил сквозь смех Клайв, не ожидал от ударника интеллектуального труда эдакой прыти. Как вы того жука разделили.

— Ха! Говорю же: Паломничества даром не проходят. Вот, помню, во время второго довелось нам с Геттом Фастиным ночевать в горах Фиолены. В итоге до самого рассвета тремя лучеметами отбивались от местных гидр — зверюшки пострашнее той консервной банки будут.

— Вы курировали Фастина? — вскинул брови Салано. — Так вот у кого он научился быть редкостной брюзгой.

— Сучий ты все-таки потрох, Клайв, — отмахнулся Тинкер.

— Вы даже не представляете какой.

Оба опять расхохотались.

* * *

Мы выглядываем в окно, и каждый раз глазам открывается одна и та же картина. Клетка. Западня с невидимыми стенами из прутьев, через которые можно почувствовать свободу, но дотянуться до нее невозможно. Наш мир, построенный на фундаменте из моральных норм и научных теорий, балансирует над пропастью, как великан на глиняных ногах, рискуя обрушиться из-за одного неловкого движения. Заведующий этим зоопарком, скорее всего, давно покинул пост. Остались только животные. С самого рождения они бьются за добычу, отпихивают конкурентов. Всю жизнь они готовят себя к испытаниям, учатся быть сильными. Отличный спектакль. Его вполне достаточно, чтобы занять жадного зверя, отвлечь его от одной невеселой истины: пути наружу не существует. Даже если ты заберешься на самое высокое место в клетке, ты не убежишь из самой клетки. Ты можешь стать сильнейшим, но ты никогда не станешь свободным.

— Будь ты проклят, Натан Тинкер! Будь ты трижды проклят!

Возглас Клайва Салано потонул в реве мотора и скрипе подвески. Джип перескочил через кочку, расшвырял колесами грязь и понесся дальше по заросшему травой полю. В сотне метров позади над землей поднималось облако пыли. Ее выбивало лапами стадо животных с длинными шеями, каплевидными телами и тремя парами лап. Острые зубы в здоровенных пастях недвусмысленно указывали на то, что от их владельцев лучше держаться подальше.

Натан поступил с точностью до наоборот. Подъехав к вожажу цантиров (которые под чуткой опекой противобраконьерских служб обнаглели настолько, что вообще никого не боялись), он с гиканьем и улюлюканьем переехал тому хвост. Пострадавший шутки не понял и, по-видимому, решил требовать объяснений. Тинкер в свою очередь вдавил газ в пол и окупнулся в романтику погони. Не до веселья было лишь болтавшемуся на месте стрелка Клайву, который судорожно сжимал рукоятки станкового нейрошокера, закрепленного на корме машины.

— Когда ты говорил о сафари, я себе представлял совсем другое! — крикнул он через плечо.

— Риск подстегивает воображение. — отозвался Натан. — Писатель должен впитывать все. Так что впитывай. И не зевай: гляди — слева заходит.

Клаентин развернул ствол и выпустил в особо прыткого цантира несколько голубоватых разрядов. Животное замотало головой и тут же сбавило ход.

— А местные власти вообще разрешают такие забавы? — вновь крикнул Салано.

— Местные власти, ха! Ты же писатель — творец слова и мастер миров. Тыфу, наоборот, то есть. Что тебе до чиновников?

— Стало быть нет, — обреченно вздохнул матерееющий не по дням, а по часам мастер слова. — Замечательно. Если нас задавят — никто и не заметит, а если не задавят — посадят.

— Победителю можно все. Так что мечтай о хорошем. Не переживу, если окажется, что я воспитал графомана-пессимиста.

Тинкер обогнул очередной валун и сшиб бортом поросль небольших кустов.

— Слышь, вредитель! — молодой человек перегнулся через балку кузова. — Сворачивай давай. Тут пылюга такая, что за километр видно. Если егера вздумают облет территории сделать, нас вмиг засекут. Ладно арестуют, а если сразу из гранатомета?

— Вряд ли у них есть гранатометы, но... Как скажете, фельдмаршал.

Натан заложил вираж и направил джип в сторону окружавшего поле леса. Как только машина поравнялась с деревьями, он отыскал небольшую просеку и поехать вдоль нее.

— Кажется, ушли, — крикнул через несколько минут Салано.

— Хорошо бы, — ответил Тинкер. — А то горячего почти не осталось.

— Что?! — забыв про нейрошокер Клайв влез головой в кабину.

— Бензин, говорю, кончается. Думаешь, свернул бы я к лесу, если бы не пустой бак?

— Знаешь, — изобразив задумчивую мину, сказал писатель, — иногда мне кажется, что ты самоубийца-извращенец.

— Пф-ф, разумеется. Иначе разве стал бы я редактором?

Осилив еще сотню метров, допотопный инжекторный двигатель заглох. Оба члена экипажа выскочили из машины и схоронились в ближайшем овражке. Погони не было — вокруг лишь пели птицы и стрекотали насекомые. Или стрекотали птицы и пели насекомые — Клайв еще не успел разобраться в фауне Мэссы.

— И правда ушли, — с явными нотками разочарования в голосе сказал редактор.

— Тебе бы не в офисе прозябать, а по деревьям с каменным топором в зубах прыгать, — заворчал Клайв. — И как мы теперь эту махину до города дотащим? Впряжемся в нее что ли?

— Вариант! — Натан сел на поваленное бревно. — Нам бы только еще человек пять, и к вечеру будем в гостинице.

— Ох, сенсей, когда ты меня за ошибки в тексте отчитывал, я думал ты мудрый и взрослый. А ведешь себя иногда как ребенок, честное слово.

— Мальчик мой, если ты хочешь придумывать новые миры, создавать правдоподобных персонажей и отправлять их в завораживающие странствия, ты должен в душе всегда оставаться ребенком.

Поучительную беседу прервали сразу несколько звуков: сверху раздался гул приближающегося турболета, а из-за деревьев послышался нарастающий треск. Застанные врасплох люди, не знали, от чего первым делом следует прятаться. Ответ, впрочем, не заставил себя долго ждать: ломая ветки и небольшие деревья к ним вышел цантир — тот самый обиженный вожак. Окруженная не то слипшимися клоками шерсти, не то щупальцами голова повернулась к жертвам.

— Настырный!.. — прорычал Натан и стремглав бросился к джипу.

Уже не раз бывавший в опасных ситуациях Клайв тоже быстро сориентировался и попытался отвлечь зверя, кинув в него несколько камней. Однако животное, словно ракета с умной боеголовкой, даже не думало бросать цель. Цантир запрокинул голову для броска, но внезапно дернулся и плюхнулся на живот, смешно раскинув ноги, как резиновая игрушка.

Ошарашенные Натан и Клайв повернули головы и увидели сюрреалистическую картину. Рядом с поверженным чудовищем стояла девушка, опираясь на ствол сверхзвучника. Поставленное на попа оружие было примерно одного с ней размера.

— Buenos días, muchachos, — нежданная гостья тряхнула гривой рыжих волос. — ¿Qui tal casegna?

Ответом ей были лишь две отвисшие челюсти и молчание.

— No, — наконец выпалил пришедший в себя Клайв. — Forastero... Turista.

— Туристы? — бровь над зеленым глазом поползла вверх. — А это вам зачем, мух что ли отгонять?

Девушка кивнула на станковый нейрошокер.

— Ну так! Здесь же мухи вон какие — зазеваешься проглотят, — Тинкер указал на мертвого цантира. — По делу мы тут мадам, по делу.

— Мадемуазель, — поправила незнакомка. — Тогда, быть может, мужчины помогут беззащитной девушке, которая тоже прибыла по делу, добраться до города?

— Вы пешком? — изумился Салано.

— Нет, что вы — на джипе. Только он не на ходу, уж думала, ночевать здесь придется.

— Мы бы с радостью помогли вам э-э...

— Кирия.

— Очень приятно. Меня зовут Натан, а этого малого — Клавентин. Так вот, мы бы помогли, только бензина у нас... — редактор демонстративно развел руками.

— Хи, у меня три канистры в багажнике. Пойдемте достанем.

Определение «не на ходу» весьма поверхностно характеризовало состояние джипа незнакомки. Он с развороченным боком лежал вверх колесами в ложбине и грустно дымился.

— Как же вы так? — изумился Клайв.

— Сбили, — девушка указала пальчиком вверх, где в небе все еще кружил турболет. — Из гранатомета прямой наводкой.

— Нет у них гранатометов, как же, — зашипел Салано на куратора.

Тот в ответ, не мудрствуя лукаво, показал язык.

Заправив джип, они загрузили в него вещи своей спасительницы и тронулись в путь. До поселка добрались к вечеру. Прежде чем впереди замаячили невысокие домики, Кирия развела бурную деятельность. Она сняла зеленую куртку с ободранными рукавами и накинула на плечи недешевый на вид пиджак. Из миниатюрного флакончика капнула на макушку какой-то жидкости — рыжая грива поблекла, а через мгновения приобрела цвет вороного крыла. Из кожаного футляра девушка достала очки с зеленым камнем под цвет глаз в каждой дужке и водрузила их на нос. Массивные ботинки уступили место легким туфлям. Переодевать коротенькие шорты Кирия не решилась, нацепив длинную юбку прямо поверх них.

— И какая же вы — настоящая? — внимательно оглядев изменившуюся до неузнаваемости спутницу, поинтересовался Клайв, когда они, сдав взятый на прокат джип, стояли на небольшой улочке.

— Обе. Понемножку, — загадочно подмигнула она. — Когда приезжаешь по делам, нужно уметь быть разной. Правда ведь?

— Что же здесь забыла не такая уж беззащитная девушка? — спросил Клайв и посмотрел на здоровенный контейнер в руке Кирии — собранный сверхзвучник.

— Быть может, то же, что и паломничающий писатель со своим куратором?

Салано уставился на попутчицу.

— Я читала ваши рассказы, — хихикнула та, явно довольная произведенным эффектом. — Вы поразительно много пишете для не закончившего Паломничество. И хорошие вещи — я бы даже взяла у вас автограф.

— Согласен даже на интервью, — поддался вперед Клайв. — Мы тут остановились в отеле неподалеку...

— Э-э... нет. — в грудь Салано уперся тонкий пальчик с выкрашенным лаком-хамелеоном ногтем. — Пожалуй, начать стоит с автографа.

— Ну-у... ладно, договорились. А... как мне с вами связаться?

— Я вас найду, — пообещала девушка, выразительно посмотрев на Клайва поверх очков.

Затем обладательница одного из самых разрушительных видов стрелкового оружия попрощалась с Тинкером и удалилась, растворившись в зное и уличной пыли. Салано взглянул на наставника.

— Как одним словом называется любвеобильный кобель? — ехидно прищурившись, осведомился тот.

- Лузер, — вздохнул в ответ Салано.
- Смешно.
- Да обхохочешься...

Поставив стакан с коктейлем на столик, Клайв лег на второй шезлонг рядом с Натаном. С балкона их номера открывался живописный вид на часть городка, и окружающий его лес. Какое-то время они молча смотрели на закат. Клайв уже сбился со счета, на скольких планетах ему довелось видеть погружающееся за линию горизонта солнце и небеса почти всех цветов радуги.

- Может, надо было куда-то сообщить? — задумчиво спросил он.
- Ты о чем?

— О Кирии. Она ведь не на пикник со сверхзвучником ходила. Да и егеря по джинам туристов из гранатометов не стреляют. Если, конечно, это не психи, вроде нас с тобой. Барышня явно не в ладах с законом.

— О, мать моя. — сокрушенно простонал редактор. — Клайв, вот учу я тебя, учу, а ты как страус — через неделю все забываешь. Писатель не должен быть связан законами или общественными нормами. Он всегда выше любой системы.

— Ага, то есть наркотиками в подворотнях торговать можно, и к черту совесть?

— Не утрируй, бога ради. Я хочу сказать, что ты должен быть, как нож, проходящий через масло событий, но остающийся блестящим. Стань губкой — впитывай все, что с тобой произойдет, но не реагируй на это. Представь: ты едешь ночью на поезде, а за окном мелькают фонари. Если увидишь на одном, скажем, красную лампу вместо синей, не побежишь же жаловаться проводнику? Так и здесь: вокруг тебя столько происшествий — дирижируй ими. Ты — дирижер.

- Я — дирижер, — эхом отозвался Клайв. — Так говорил Хютер Гносис.
- Да, говорил.

— Кстати, ты никогда не рассказывал. Каково было с ним работать?

— Волшебно. Человек, возродивший пласт культуры, — такие не могут быть скучными. Познакомились мы лет тридцать пять назад. Тогда Хютер вместе с парочкой друзей решил напечатать в бумажном виде несколько старых романов. Думали продать их любителям ретро, чтобы поднакопить денег. Ну закупили оборудование, сделали бумагу по старым технологиям. А напечатанный тираж буквально смели в сетевом аукционе. Эксперимент повторили — с тем же результатом. Ребята, не будь дураками, поставили дело на поток. Вот тогда оно и случилось.

— Большой книжный бум?

— Он самый. Это была настоящая истерия. Люди забывали про мобкомы и покупали книги стопками. Хютер, видя успех затеи, организовал собственный издательский дом, а затем приступил к разработке самого дерзкого проекта в своей жизни — Паломничества. Ты не знаешь, но в те годы писательство приобрело характер эпидемии. Сеть заполнили полуграмотные текс-

ты, в которых и не пахло профессионализмом. Фактические ошибки, литературный стиль — никакой. Хютеру это осточертело. Он считал, что писатель — настоящий писатель — может рассказывать только о том, что досконально изучил и знает наверняка. Все остальное — не писательство, а сотрясение воздуха. Задача Паломничества — насытить подающего надежды таланта как можно большим количеством впечатлений и знаний.

— Чтобы он стал дирижером?

— Именно. Дирижером созидания и апокалипсиса. В книжном бизнесе завертелись огромные средства и Хютер договорился с тур-агентствами и множеством компаний о предоставлении услуг, обещав в ответ широкую рекламную поддержку.

Натан потянулся в шезлонге и сладко зевнул.

— Гениальный был человек. Я начинал у него писателем, но года через четыре перешел в штат.

— Стало быть, настоящий писатель готов на все, ради нового опыта? — не унимался Салано. — Насытился, как пиявка, и отлепился, а потом хоть трава не расти? И где же граница дозволенного — этика там и ей подобные вещи?

— Победителю можно все, — Тинкер снова зевнул. — Повторяй себе это перед сном, мой мальчик.

— Но если, — Клайв поскреб подбородок. — Если, гм-м, «стажирующий» писатель только насыщается чужими эмоциями, то что будет с его собственными? Если он на протяжении Паломничества слушает голоса окружающих, то не заглухнет ли его собственный?

Ответа не последовало. Салано хотел окликнуть наставника, но передумал. Натан Тинкер спал. Его необычно умиротворенное лицо с забавно покачивающимися кончиками усов светилось в лучах заходящего солнца.

— Все равно, это ничего не меняет, — фыркнул Клавентин и сделал большой глоток коктейля.

* * *

Слова «разлука» и «навсегда» частенько идут рука об руку, будто ноты безысходности в мелодии похоронного марша. Честно говоря, затрудняюсь сказать, какое из них восхищает меня больше, или, если угодно, завораживает. Восторг, который я испытываю, равносильен оцепенению кролика перед удавом, настолько велика их насыщенность, сокрушающая логику и здравый смысл.

Когда человек изобрел слово «навсегда», он постиг вселенную и стал богом, ибо что такое слова, как не отдельный мир? Пусть он существует лишь в нашем сознании, но разве это повод отказывать ему в праве на жизнь?

Держа букет из нужных слов, я в сотый, а может быть и тысячный, раз произнесу лишь его. «Навсегда» — страшное слово, но сегодня оно на моей стороне, ведь я буду править миром. Даже если царствие продлит-

ся лишь секунду. Секунда — тоже вечность, пусть в моем случае она и будет ужата до единственного мига — одного удара сердца.

«Навсегда» — страшное слово. Бесконечно красивое слово...

Тяжелое дыхание эхом отражалось от стен коридора, создавая жутковатый акустический эффект. Шедший впереди десантник буквально ошупывал взглядом окружающее пространство, стараясь не пропустить ни одного темного угла.

— Ничего-ничего, — пропыхтел Натан Тинкер, успокаивая больше самого себя: от низких потолков у него по спине носились табуны мурашек. — Выберемся и дело с концом. Закончишь свой финальный роман, станешь знаменитым.

— Ну, должен признать, — прошептал в ответ Клайв Салано. — В подземные колонии, терроризируемые гигантскими насекомыми нас еще не заносило.

— И кто же сюда путевку заказывал?

— Эй, я хотел взглянуть на провинциальную жизнь. Кто ж знал, что на трети сутки из земли повылезают термиты-переростки и сожрут половину населения?

— Дурень, ты за творчеством коллег по цеху хоть иногда следишь? Сейчас в каждом втором романе что-то из-под земли вылезает. С гастрономической любовью к человечеству.

— Заткните фонтаны, кретины! — рыкнул десантник. — Еще салют устройте, чтобы нас за три секции слышно было. Жуки повсюду!

Они добрались до неизвестно какого по счету перекрестка и заняли выжидательную позицию, пока вояка сверялся с мобкомом и разглядывал лежащий впереди участок маршрута через окуляры инфравизора.

— Думаешь, кому-то будут нужны мои опусы? — проверяя индикаторы брони-скафандра, спросил Клайв.

— Что еще за вопросы? Ты же завершил Паломничество и научился здорово писать. Разумеется, твои книги будут нарасхват. Хотя чушь ты попрежнему шлепаешь исправно.

— Иного комплимента я от тебя и не ждал.

Они возобновили движение. Редактор замыкал, поэтому был вынужден идти спиной вперед.

— Давно хочу спросить, — опять нарушил молчание Салано. — А почему ты бросил писать и стал редактором?

— Исписался, — чуть помедлив, холодно ответил Натан.

— Черт возьми, да умолкните, наконец! — не выдержал десантник. — Два дня! Два проклятых дня я вас тащу по колонии, и не для того, чтобы быть сожранным...

Он дернул головой и харкнул кровью. Из затылка у него торчало нечто формой напоминающее клинок меча, только сделанный из блестящего хитина.

Свесившееся с потолка существо имело белесое туловище, наполовину прикрытое твердым на вид панцирем. Без труда отделив голову жертвы от те-

ла, оно деловито клацнуло челюстями в сторону оставшихся двух человек. Натан и Клайв ответили дружным залпом из винтовок. Грохот поднялся такой, что барабанные перепонки, казалось, должны были скататься в трубочки.

Остатки искромсанного пулями монстра с неприятным шлепком упали на пол. Оглушенным и напуганным людям показалось, что в коридоре воцарилась гробовая тишина.

— Ноги в руки! — громко скомандовал Натан и уже приготовился удирать изо всех сил в сторону лифта на верхние ярусы, но с изумлением увидел, что Салано и не думает двигаться с места.

Клайв сидел на корточках возле трупа десантника. С восторгом ребенка, отрывающего мухе крылья, он смотрел, как человеческая кровь брызжет из разорванных артерий, смешивается с кровью убитого существа из-за чего шипит и пенится.

— Эй, ты чего это? — окликнул писателя Тинкер.

Тот вздрогнул, и завертел головой, будто его застали врасплох за любимым занятием.

— Ничего, — наконец ответил он и невинно улыбнулся. — Смотрю, насыщаюсь, впитываю.

— На труп без головы? Спятил?!

— Сам же говорил — нельзя писать о том, что досконально не изучил. Я никогда не видел изувеченные тела людей. Забавно, правда? Сам дважды в реанимацию попадал, а вот чужие смерти...

— Парень, очнись! — едва не вскричал Натан. — Когда я говорил о насыщении фактами, я совсем другое имел ввиду.

— Да неужели?! — глаза подопечного превратились в узкие щелки. — А кто рассказывал про нож, проходящий через масло событий, про дирижера созидания и апокалипсиса? Или ЭТО не то, чего ты от меня хотел?

— Чушь! — с жаром ответил Тинкер, мгновенно забыв, в какой передрыге они очутились, и чем может грозить минутная задержка. — Я хотел, чтобы ты умел анализировать.

— «Чушь-чушь» — от тебя только это и слышно. А зачем мне учиться? Зачем анализировать и шлифовать тексты? Писатель, закончивший Паломничество, все равно будет знаменит, его книги раскупят. Мои тексты ничуть не улучшились: там куча слов, начинающихся с одинаковых букв, заезженных оборотов и лишних прилагательных. Только теперь я ставлю их специально — смеха ради. Но теперь ты их не замечаешь. Зачетка работает на студента — победителям можно все.

— Господи, парень, в кого ты превратился... — покачал головой Натан. — Ты готов вот так запросто перечеркнуть то, чему я тебя учил? Чему учил нас Хютер Гносисс?

— А что Гносисс? Ты когда-нибудь задумывался: чего он на самом деле достиг — заставил людей читать книги, или покупать книги? Это ведь разные вещи.

— Он возродил...

— Пласт культуры — знаю, знаю. Вы подняли из могилы забытое развлечение и умудрились его продать. А народ клюнул и толпами повалил в вашу лавочку — посмотреть на оживший труп. Как в цирк уродцев. Далось ему ваши идеалы: стиль, метафоры, сюжеты — чушь. Вот где настоящая чушь. Им нужны были шуршащие бумажки, Нат, а не то, что на них написано. Хютер заново открыл век шкафов, заваленных никчемными детективами, полком, забитых второсортной фантастикой, которую невозможно дочитать и до середины. Только на этот раз вы делали по-настоящему хорошие вещи — надо отдать должное. Плохо, что потребителю было плевать. Люди давно разучились быть ценителями, потому что...

Клайв осекся. Ему в лицо смотрело дуло штурмовой винтовки. По другую сторону прицела писателя жгли два полыхающих яростью глаза на побаролевшем лице.

— Я редактором стал... — прошипел Натан сквозь стиснутые зубы. — Потому что мне осточертел этот балаган из доморощенных гениев, которые толком не видели мир, но думают, что смогут о нем рассказать. Смогут обернуть его в правильную мораль и подать красивыми словами. Тогда у нас был шанс все исправить. У меня был шанс, понимаешь? Мой, пусть крошечный, но шанс. Не смей говорить, что эти годы потрачены впустую. Ты не имеешь права!

— Победителям можно все. — Салано дерзко улыбнулся. — Ты просто мне завидуешь. Вам приходилось выгрызать свой кусок славы, а мне он достанется просто так.

Ствол винтовки сместился на десять сантиметров в сторону. Прямо под ухом Клайва прогремел выстрел — на пол упала одинокая гильза. Ощущения были, будто он взял в рот высоковольтный кабель — на миг писатель оглох и ослеп. Он не сразу пришел в себя и унял дрожь в руках.

— Промахнулся... — с хрипом выпалил Салано и изобразил кведую улыбку.

— Попал куда целился. — ледяным тоном сообщил наставник, повернулся и сделал несколько шагов в глубь коридора.

Медленно обернувшись, Клайв увидел барахтающегося на полу монстра. Его голова с фасетчатыми глазами была прострелена насквозь.

— Только не спрашивай «почему». — бросил через плечо куратор. — Если выберемся, обязательно расскажу. Мы постоянно от кого-то убегаем, дружище. Я устал. Пусть это будет в последний раз.

С этими словами он бросился вперед по коридору. Клайв старался не отставать. Им удалось осилить еще несколько секций, когда сзади послышалась возня и звук, будто кто-то рвал бумагу, — за ними гнались. Убежать явно не получалось. В этот момент уже состоявшийся писатель сделал то, на что никогда бы не решился в начале Паломничества: сорвал с пояса гранату, кинул ее через плечо, а затем в прыжке развернулся и прицелился.

Ждать два удара сердца...

Расслабить палец на курке...

Пустить пулю вместе с выдохом...

Отдачи он не почувствовал. Зато взрывная волна швырнула его мимо пыхтящего Тинкера и выбросила прямо на площадку лифта. Забыв про ушибы, Салано дополз до панели управления и нажал кнопку вызова.

Редактор «Плеяды» присел на одно колено и принялся выпускать короткие очереди во тьму коридоров — к площадке их выходило три штуки. «Еще немного. Совсем чуть-чуть,» — приговаривал он себе под нос.

Приехавшую кабину Натан не увидел, зато услышал мягкий шелест торозного механизма. Швырнув по гранате в каждый коридор, он отбросил лишившееся боезапаса оружие и побежал к лифту...

Лишь чтобы натолкнуться на его закрывшиеся двери.

— Эй, что за дела?! — Натан стукнул кулаком по прозрачному материалу. — Пусти!

Салано поманил его пальцем и сам подошел к двери поближе, затем наклонился, прижал лоб к стеклу и четко выговорил:

— Радуйся...

У Натана похолодело внутри. За свою насыщенную жизнь он прочел достаточно книг о затаенной злости, о предательстве. И о мести. Объяснения были излишними. Округлившимися от ужаса глазами куратор смотрел на подопечного, который сделал несколько шагов назад и картинно развел руками. Шок был настолько велик, что впервые за долгие годы Тинкер не знал, как себя вести.

Лифт устремился к поверхности, набирая скорость, а за спиной Натана послышался шорох, не предвещающий ничего хорошего...

* * *

Я долго думал, с каких слов начал бы писать твою эпитафию. Пожалуй, буду тривиален и скажу тебе «спасибо». Спасибо за то, что воспитал меня, как заботливый родитель. В мстительного подонка и убийцу? Вряд ли. Хотя признаю: твоей крови я жаждал давно. Ты уничтожил мою первую повесть — словно кастрировал. Какой еще реакции стоило ожидать? Да, я хотел отомстить.

Широкие двери конференц-зала издательского дома «Плеяды» распахнулись, выпустив навстречу целую стаю фотовспышек, от взрыва аплодисментов зазвенело в ушах. Писатель неторопливо переступил порог, окинул взглядом забитый до отказа зал и чуть подался вперед в поклоне.

Но ты... Ты объяснил мне, что месть — не имеет значения. Мои желания не имеют значения. Я сам не имею значения, поскольку меня не существует. Я писатель — пустой сосуд, который идет через базарную площадь жизни, наполняясь вином из чужих эмоций. Его предназначение — сохранить их вкус, а затем выплеснуть — наполнить чаши страждущих и поразить их богатством аромата. Догадываешься, чего мне не хватает?

ло? Я не убивал человека и не видел смерти наставника. Однако ты снова спас меня: подарил этот бесценный опыт.

Ведущие популярнейших телеканалов, журналисты самых читаемых газет и журналов, топ менеджеры и рекламные агенты крупнейших пиар-компаний подходили к Клавентину Салано, жали ему руки, и дружески хлопали по спине.

Он не возражал.

Краем уха слушая поздравления, писатель шел к уставленному микрофонами столу. Зал рукоплескал, сверля его объективами камер и освещая путь вспышками света.

Это была вершина мира.

И вот я вернулся к тебе, любимый город, что когда-то выставил меня за свои ворота. Не бойся: пожар моей ненависти не станет медленно сжигать твои внутренности. Ты умрешь быстро — это будет моя благодарность за то, что ты сделал меня тем, кем я и мечтать не мог. Однако стоя на развалинах твоих стен, все же скажу то, что обещал много лет назад.

«Радуйся...»

— Дамы и господа, — начал вступительную речь глава организационного отдела «Плеяды». — Сегодня мы хотим отпраздновать знаменательнейшее событие в культуре человечества. Наше издательство счастливо сообщить, что успешно завершилось пятое по счету Паломничество. В первую же неделю финальный роман господина Салано разошелся тиражом в семьсот миллионов экземпляров, что стало абсолютным рекордом для дебютного произведения!

Зал разразился аплодисментами.

— В этой связи «Плеяда» хочет преподнести ему трофей, который он безусловно заслужил.

Перед Клавентином возникла одетая в полупрозрачное платье девчонка с серебряным подносом. Завернутый в шелковый платок на нем лежал кинжал, инкрустированный красными драгоценными камнями.

— Пусть его обладатель будет разить словом, как мечом!

Покрытая золотом рукоять холодила пальцы. В отшлифованном до блеска клинке он увидел свое искаженное отражение. Хотя, быть может, таким он и был на самом деле?

— Я смотрю на это оружие, — сказал Клавентин в микрофон. Публика мгновенно затихла. — И мне вспоминаются слова замечательного редактора издательского дома «Плеяда» Натана Тинкера. Он не раз говорил мне, что писатель должен как нож проходить через события, при этом оставаясь блестящим. Поэтому первую книгу я хочу посвятить своему куратору. Быть может, некоторым из вас довелось читать его произведения. Он умел

пользоваться красивыми словами. Однако главным его качеством для меня стало умение передавать собственные знания другим. Натан раскрыл передо мной все двери, показал мир и научил понимать его. Я скорблю, что он не дожил до этого дня, дабы разделить со мной момент триумфа. Хотя, быть может, вся его жизнь была триумфом — триумфом над реальностью, которой он умел дирижировать.

Воцарившуюся пазу мастерски прервал главный пиарщик издательского дома.

— Вы можете задавать нашему гостю вопросы, — обратился он к прессе. — С вашего позволения, первый задам я. Скажите, господин Салано, оказывал ли вам кто-нибудь моральную поддержку во время Паломничества? Разумеется, кроме покинувшего нас господина Тинкера.

— Поддержку? — усмехнулся Клавентин. Он скользнул глазами по первому ряду собравшихся и отыскал там блондинку в дорогом вечернем платье.

Кирия встретила его взгляд и кокетливо подмигнула. Единственная родственная душа в этой толпе. Никогда не задерживающаяся на одном месте, постоянно меняющая внешность — женщина-аттракцион, рядом с которой он не чувствовал себя одиноким. — А разве все присутствующие здесь не в счет? Когда в тебя верит столько людей, поверьте, это ощущается даже на другом конце галактики.

В середине зала с места поднялась женщина лет тридцати.

— Дара Тюленева. Журнал «Реальность и Фантастика». — представилась она. — В ваших книгах отражено все, что вы пережили во время Паломничества. Скажите, господин Салано, а на что вы готовы ради приобретения нового опыта?

— На все. — пожал плечами Клавентин. — Победителю можно все, разве нет?

— Вот как? Тогда позвольте, быть может, несвоевременный вопрос: какие темы вы бы хотели осветить в последующих книгах?

— Думаю, это будет нечто глобальное. Давно хочу исследовать тему конца света. Что-нибудь апокалиптическое.

— Но ведь... Сейчас нет межпланетных войн, не намечается серьезных природных катаклизмов. Где вы собираетесь э-э... насыщаться впечатлениями?

— Я вам вот что скажу, уважаемая, — Клавентин Салано сцепил пальцы, положил на них подбородок и широко улыбнулся. — Писатель способен на многое. Поэтому если не удастся найти подходящий апокалипсис... Ну что же, он организует собственный.

Зал оживленно загалдел. Краем глаза писатель заметил шевеление среди сотрудников «Плеяды». Какой-то человек подошел к главному пиарщику и отчетливо сказал: «Займи публику». Затем он направился к Клавентину и сунул ему мобком.

— Прощу прощения, господин Салано. Срочный вызов. Говорят, это по поводу вашей карьеры.

— Нашли время, — раздраженно нахмурился писатель, но поднес мобком к уху. — Слушаю...

— Апокалипсис, значит? А силенок-то хватит?

Внутри Кламентина что-то оборвалось, сердце умчалось в пятки. Рукопещущий зал утратил краски и покрылся трещинами, готовый рассыпаться блестящими осколками. Осколками его мечты.

— Натан? — прохрипел он, едва проглотив ком в горле.

— Спасибо за теплые слова. Я тронут.

На еле гнущихся ногах писатель встал, и к величайшему удивлению собравшихся направился на выход. Ему что-то кричали, пытались остановить и вернуть на место. Однако звуки слились в монотонный гул — он толкался и отмахивался свободной рукой, в которой по-прежнему сжимал кинжал.

Двери зала снова распахнулись. Вершина мира осталась позади, тщетно пытаясь удержать его паутиной фотовспышек и возгласов журналистов.

Клайв устремился вперед по пустым коридорам.

— Дай-ка я догадаюсь, — вымолвил он в микрофон. — Паломничества даром не проходят: ты загрыз их зубами.

— Вообще нет, — усмехнулись на другом конце. — Я просто обыграл их в карты.

— Где ты?

— Рядом с небом. Отсюда хорошо наслаждаться нашим триумфом. А еще я люблю смотреть на облака. Ты не знал?

Лестничные пролеты, кабина лифта. Чья-то рука нажала верхнюю кнопку. Салано не сразу осознал, что она была его собственной.

— Вернулся устанавливать справедливость. — злобно сказал он. — Меня убил собственный ученик — поставьте его в угол... Сколько рядом с тобой полицейских?

— Окстись, нет здесь никого. Заявить об убийстве я всегда успею. Просто не хочу, чтобы между нами оставалась недосказанность.

Двери лифта открылись и в глаза Клайву ударили лучи заходящего солнца. Снова закат. Всегда проклятый закат!

— Это что, единственная причина?

Натан Тинкер облокотился спиной о поручень смотровой площадки и спрятал в карман мобком.

— А разве ее не достаточно?

Клайв остановился в нескольких метрах от него. Язык присох к небу, а губы будто слиплись. Да и не знал он, что следует говорить.

— Пожалуй, начать стоит с обвинений. — посоветовал Тинкер.

— Ты... ты сам во всем виноват!

— О, так держать. Как обычно предсказуем, мой дорогой писатель.

— Снова издеваешься?! Ты всегда пытался вдавить меня в грязь. Так полюбуйся! Полюбуйся, чего добился твой ненавистный графоман.

— Боже, Клайв, и когда только ты начал работать ради самого себя? Я и опомниться не успел... — наставник опустил взгляд и шаркнул ногой. — Шустрый малый.

— Я не могу писать для себя. — Салано взмахнул рукой с кинжалом. — Писатель — ничто. Проводник эмоций без собственных чувств. Я добился в этом совершенства.

— Будь проще — ты потерял себя. На самом деле, это так называется. Сейчас убьешь друга, завтра любимую, а потом? На что ты готов пойти?

— Победителям можно все! — притопнул от негодования знаменитый писатель.

— А ты, видно, считаешь себя победителем? Задумайся: пустой сосуд и вдруг победитель. Я один вижу противоречие? Клайв, ты так до сих пор не раскумекал? Мир на бешеной скорости несется в будущее, в его коллективном сознании роятся тысячи мыслей. Он давно запутался и не знает, куда податься. Только писатели помогут ему отсеять ненужные эмоции, разобраться в себе, избрать верный путь.

— Писатели? — эхом повторил Клавентин.

— Ты не пустой сосуд, — мягко улыбнулся Тинкер. — А фильтр. Невозможно передать знания, не оценив их через призму собственного опыта. С такой задачей пустышка не справится, уж поверь мне. Каждому писателю необходимо определиться, для кого творить — для окружающих, или для себя. В первом случае он становится дирижером, во втором — сотрясателем воздуха. Чего ты хотел, когда первый раз пришел ко мне? Вспомни.

— Я хотел... — Клайв загнулся, пролистывая страницы памяти. Казалось, это было давно — в прошлой жизни. Чего желал победитель межпланетного отборочного конкурса? А чего жаждет любой человек, взявший в руки перо — славы, возможности быть услышанным? Или шанса возвыситься над миром. Но не за счет эмоциональной пустоты, а как раз наоборот.

— Я... хочу дирижировать. — наконец произнес Салано.

— Тогда заканчивай этот цирк. — Натан несколько мгновений рассматривал проплывающие сверху облака. — Найди силы отвечать за свои поступки. Дел ты натворил изрядно, но как все закончится, зависит лишь от тебя.

— От меня, значит? — прищурился Клайвентин.

— Само собой, горю желанием съездить тебе по роже разок-другой, но... Так уж и быть, не стану мешать. Мы слишком многое пережили, чтобы я просто так взял и сдал тебя полиции.

Клавентин окинул взглядом вершины небоскребов за спиной куратора. Опираясь на их крыши алыми лучами, солнце нехотя спускалось за горизонт.

Он крепче сжал в руке кинжал и посмотрел в глаза Тинкеру.

— Я буду дирижировать. — промолвил он и быстрым шагом направился к Натану.

Тот вздрогнул, когда рука писателя опустилась ему на плечо. Раздался треск рвущейся одежды. Солано подался вперед и улыбнулся прямо в лицо наставника.

— Загадай желание, Нат, — тихо сказал он. — Гляди — звезда падает...

И с этими словами повалился на холодный камень крыши. Из груди Клавентина торчал трофейный кинжал, по которому бежала струйка крови.

Редактор «Плеяды» какое-то время стоял, не шелохнувшись. Со странным выражением лица он глядел на самоубийцу — человека, которому передал так много знаний, а о главном сказать забыл. Глаза Натана блестели, словно пытаясь родить хоть одну единственную слезу, но тщетно.

— Звезды не падают, малыш. — зажмурившись, прошептал он. — На самом деле, они сияют и возносятся... Возносятся в небо.

* * *

Двери распахнулись и в кабинет редактора издательского дома «Плеяда» влетела девушка с растрепанными белыми волосами.

— Какого хрена ты натворил?! — вскричала Кирия.

Натан сидел в кресле напротив окна и докуривал сигарету. Рядом валялся сломанный механический уборщик.

Выпустив дым, Тинкер улыбнулся.

— О, колечко получилось...

Взбешенная Кирия подскочила к столу и ударила кулачком по дороговому дереву.

— Ты понимаешь, ты вообще отдаешь отчет... — начала она.

— Все я понимаю, барышня. — Натан развернулся к ней лицом. — Погиб поэт, невольник чести. Жаль — способный малый. Был.

— Что, черт возьми, ты ему наговорил?

— Ничего такого. Просто раскрыл глаза на происходящее. Так сказать, подвел к зеркалу. Остальное он сделал сам.

— Какому еще зеркалу? От тебя всего-то требовалось рассказать ему о наших планах. О том, что мы его испытывали, и испытания он выдержал. Салано был идеальным кандидатом на пост нового главы издательства, понимаешь?

— То есть, на роль твоей новой игрушки, Кирия Гносис? — усмехнулся Тинкер.

— Называй как хочешь. — дочь главы «Плеяды» шлепнула на стол сумку и принялась извлекать из ее недр многочисленные косметические наборчики. — Достало же меня шифроваться — уже не помню, как выгляжу по-настоящему. А теперь все усилия — коту под хвост.

— Да брось, милочка. Ты же видела, в кого он превратился. Парень стал опасен. По твоей вине, кстати.

Кирия посмотрела на него, как на умалишенного, а затем принялась сбрызгивать руки из флакончика с прозрачной жидкостью: ногти окрасились в черный цвет, а кожа приобрела оттенок загара.

— Совсем из ума выжил? Опасен, хи-хи! Я всего-то подтолкнула его в нужном направлении — попрошу без обвинений. К тому же писатели безвредны, как табуретки и Салано не исключение. Сам-то подумай — что он вообще мог?

— Спрашивает меня дочь человека, возродившего литературу, — вздохнул Натан. — Что он мог? Творить — вот что. Знаешь, твой отец всегда го-

ворил, что писатель способен уничтожать политические режимы, изменять ход истории, заставляя людей думать иначе...

— Будто ты сам веришь в эту лабуду. — девушка вынула из глаз контактные линзы и водрузила на нос очки в большой оправе.

— Ну... твой отец верил.

— Да что ты знаешь о моем отце?! — воскликнула дочь Хютера. — Из него уже сыплются наномашинки, которые поддерживают жизнь этой мумии — этого овоща на больничной койке, а вы продолжаете копошиться на останках его идеалов. Писатели... Ха! Ты ведь понятия не имеешь, чего он хотел на самом деле.

— Юная леди, я слишком хорошо знал... — Тинкер запнулся. — Знаю вашего батюшку, чтобы заблуждаться в его желаниях.

— Ты был с ним в его лучшие годы. — злобно прищурилась Кирия — А я. Я была с ним всю жизнь. Поверь, старик, он сколотил империю не потому что верил в те речи, которые скармливал толпе, а потому что знал, где эту толпу собрать. И где найти легковверных идиотов вроде тебя и Салано, которые будут смотреть ему в рот.

Натан лишь сокрушенно покачал головой.

— Пусть даже так, — сказал он. — Пусть Хютер плевать хотел на творчество. Но важно, чтобы сам писатель верил в то, что делает, а не бездумно чикал строчку за строчкой. Кому надо — тот прочтет и поймет.

— Нравится в это верить — флаг в руки. — загорелая шатенка свалила флакончики и баночки обратно в сумку и поправила очки. — Сейчас есть вещи поважнее — все здание кишит полицией. Нужно уходить отсюда, а потом придумать сказку для прессы. На твоём месте я бы сейчас заботилась о будущей карьере. Ну или о душе — что там для тебя важнее?

— Я о ней и забочусь. — улыбнулся Тинкер. — Поэтому записал наш разговор и собираюсь передать его следователям.

Намеревавшаяся пойти к выходу Кирия застыла как вкопанная.

— Нат... — приветливо улыбнулась она, обнажив идеально ровные зубы. — Да ладно тебе. Ты что, разозлился? Из-за этого писателя? Так дело поправимое. Понимаю, много стараний ушло впустую — ты его так долго вел к финишу, но это ведь не конец света. Ты настоящий профессионал — найдешь другого кандидата.

— Предпочитаю сперва найти себя. — покачал головой Тинкер.

— Тебя бы уже пять раз успели сожрать твари на Хоуп. — в голосе Кирии прорезалась сталь. — Я спасла тебе жизнь, забыл?

— Ты это называешь жизнью? — развел руками Натан.

— А ты нет? Доля в общем бизнесе, покровительство одной из крупнейших корпораций, гигантский офис в центре города и особняки на двух курортных планетах. Совсем совесть потерял?

— Вот в том-то и дело, — невесело улыбнулся редактор. — Деньги, офис, особняки... А совесть-то я потерял. Случаем не знаешь, где ее можно отыскать?

— Нет, но могу исправить оплошность. — Кирия выхватила из скрытого кармана магнитный пистолет — миниатюрную пушку, стреляющую высокоскоростными зарядами — и направила его на Тинкера. — Я не шучу, Нат!

— Я в курсе. У тебя ведь нет чувства юмора. То ли дело Хютер: вот есть у него одна повесть...

Кирия выстрелила.

Пистолет бесшумно метнул металлический стержень длиной с карандаш в живот Натана. Тот дернулся и тихо охнул.

— Свины... — прошипела Кирия и бросилась к обмякшему в кресле редактору. — Свины повсюду. Тянешь их за уши, достаешь из грязной лужи, отмываешь и наделяешь властью. А они пускают слюни и разлагольствуют о том, как хорошо было жить раньше. Все вы неблагоприятные свиньи.

Она убрала пистолет и принялась обшаривать карманы Тинкера в поисках жучков.

— Заметано. — прохрипел раненный. — Мы — свиньи. Только не лезь в нашу лужу... Милочка!

С этими словами он резко дернулся и защелкнул на запястье девушки наручник. Другой конец был закреплен на его собственной руке.

От неожиданности Кирия вскрикнула и попыталась вырваться — безуспешно.

— Ключи! — взвизгнула она, хватая свободной рукой редактора за ворот рубашки. — Где ключи?!

— А вон... — тот указал глазами на робота-уборщика. — Пожевал и заработал несварение. Как после бездарной книги.

— Да что ты творишь, урод? — в отчаянии Кирия хлестнула Тинкера ладонью по щеке, напрочь забыв о пистолете. — Что ты творишь?!

— Становлюсь. Дирижером, — вяло улыбнулся тот и закрыл глаза. — Опять...

Сотрудникам полиции, вбежавшим в офис редактора издательского дома «Плеяда», открылась жуткая и в то же время завораживающая картина. Всклокоченная девушка с заплаканным лицом сидела в луже крови рядом с большим креслом, в котором развалился не меньше испачканный в крови труп. Пальцами со обломанными ногтями она скребла цепь наручников, которая приковывала ее к руке хозяина помещения.

На лице Натана Тинкера застыла довольная улыбка.

ЯНА ГОВОРОВА

ЛИВЕРПУЛЬ И ЗЕТ ДОЛГ РОДИНЕ (ПЕРВЫЙ КОНТРАКТ)

Е

ТРАШНО ХОТЕЛОСЬ СМОРКНУТЬСЯ. ВОТ ПРОСТО НЕ было сил и дальше исподтишка втягивать слизь, норовившую выскочить из носа. И это ещё чудо, что после полёта в морозилке, которую Ливер почему-то называет своим кораблём, у меня не появилось более серьёзных симптомов...

Страшно зачесалось в носу. Сейчас чихну! Нет, нельзя, держись, Ксанка!

Держусь, задерживаю дыхание...

Вот, вроде бы прошло. Всё нормально. Не опозорюсь перед этим важным кабаном, который сейчас так лениво обсуждает с Ливером и Полиником подробности охранного контракта. Хотя важный вид клерка как-то слабо вязался с обстановкой. Контора у СВН оказалась не слишком презентабельной, видала я и более солидные заведения. Даже на моей родной захолустной планетке, не говоря уже про офисы крупных организаций в более солидных империях. Впрочем, удивляться нечему: на этой планете Убериат снял военное положение совсем недавно, поэтому у Союза вольных наёмников пока работы не очень много. Столица кишит военными, и если от кого-то и надо защищаться, то разве что от поддатых солдафонов. А сцепляться с ними ни один здравомыслящий наёмник не станет — даже если каким-то чудом останешься жив, то это всё равно гарантированный каюк всем планам на будущее, не отмоешься. Я сама, конечно, про такие вещи мало что знаю, но у нас ходили разные слухи...

— Господин Полиник, вы уверены, что не хотите платить в майсах? — лениво прохрюкал представитель СВН.

— Ну что поделать...

— Поймите, мне вообще-то всё равно, как вы будете платить, я в любом случае получу от этого контракта один и тот же процент. Но если вы будете платить в местной валюте, мне придётся насчитать страховочную величину маржи, затраты на банковские услуги и предварительную инфляционную поправку с учётом максимального, поймите, максимального, а не среднего срока обмена на майсы в этом городе. Всё вместе это повысит стоимость услуг господина Ченнела почти втрое, поэтому я и спрашиваю, вы уверены?

Наш наниматель виновато улыбнулся и пробормотал:

— Ну что поделать... Без наёмника коэффициент защищённости моего каравана не дотянет до пятидесяти процентов. А ждать в очереди на обмен валюты некогда. Иначе я потеряю гораздо больше денег, если не вообще весь бизнес...

— Ладно, дело ваше. Проверяйте контракт.

Худосочный мямля по имени Полинник склонился над столом с уже порядком устаревшим твердотельным экраном и быстро пробежал глазами текст.

— Вроде... всё верно. Подтверждение как обычно?

— Да, жмите.

— Хорошо, — отозвался клиент и ткнул кривым пальцем в угол экрана.

— Спасибо.

— Да не за что. Обращайтесь. У нас тут клиентов немного.

— Хм... Но и людей у вас не хватает. Вы же знаете, что мне нужен ещё хотя бы один человек...

Клерк в этот момент собирался закурить, и явно не был настроен на дальнейший диалог. Но поскольку клиент не спешил уходить, он спокойно поднёс зажигалку к сигарете, глубоко затянулся, и устало произнёс:

— Уважаемый, я же вам говорил, регистрация в СВН — простейшая процедура. Приведите любого знакомого, соседа — кого угодно. И получите для него сертификацию. Вам ведь немного до пятидесяти процентов нужно, верно? Сертификата любого непрофессионала должно быть достаточно. А свободных профессионалов, кроме господина Ченнела, на планете нет. Я вам даже больше скажу: на Карнаке вообще всего двое наёмников с сертификатами СВН, и то, насколько я понял, господин Ченнел надолго у нас не задержится. Инопланетным бойцам, имеющим хоть какой-то опыт, у вас неинтересно. Денег вы мало платите. А единственный нормальный работодатель — это «Триптолем», но у них и так целая армия в распоряжении. Мы не в первый раз открываем филиалы на захудалых планетках, как показывает практика, в них есть хороший потенциал. Но начальную базу наёмников всегда приходится создавать из местных кадров. Найдите кого-нибудь, неужели это так сложно?

— Да, конечно... Я всё понимаю, но мне, к сожалению, не на кого рассчитывать.

— Как же вы тогда выполняли условия страховой компании до сих пор? — представитель СВН спрашивал без особого энтузиазма. Он уже понял, что этот клиент вряд ли поможет ему найти первого местного наёмника.

— Ну... мне всегда помогал старший сын. Он прошёл обычный школьный курс подготовки к армии, и страховщикам этого было достаточно. Я даже не понимаю, почему сертификация СВН так слабо отражается на коэффициенте безопасности каравана...

Клерк пустил пару небольших колечек.

— Пф-ф-ф... На самом деле наша сертификация ценится достаточно высоко. Просто господин Ченнел, гхм, имеет очень низкий показатель успешности выполнения контрактов. А кроме того он не проходил даже школьный курс. И в армию не прошёл. По медкомиссии. Но вы же сами сказали, что вас устроит любой вариант, верно?

— Да, да! Конечно... Всё должно быть спокойно. Поймите, тут безопаснее, чем у Убера в клозете, просто страховка предусматривает самые разнообразные варианты нанесения моему каравану ущерба — не только насиль-

ственные, но и погодные, и экономические. Животные, опять-таки, могут заболеть в пути. Но нормальную выплату по страховке сделают только в том случае, когда соблюдены все условия обеспечения безопасности. Если я выйду без охраны, которая тянет хотя бы на 50% по шкале страховщиков, ставка выплат падает в несколько раз...

А Ливер всё это время откровенно скучал. Сперва он изучал обстановку офиса, лениво читал таблицу с какими-то именами, криво усмехнулся при взгляде на плакат с нордического вида солдатом в парадной форме. Надпись на плакате гласила «Мир и покой Убериата — заслуга каждого солдата!». Затем Цирконий стал смотреть в окно, но там тоже ничего интересного не происходило. Это я, пока мы добирались до офиса СВН, с открытым ртом разглядывала полуразрушенные старые дома и удивлялась тому, как они контрастируют с помпезными новостройками. Но мне кажется, что Ливер, благодаря своей работе повидал таких городов не один и не два.

И тут я всё-таки чихнула!

К сожалению, все свои платки я истратила, пока сидела в плену, а этот недотёпа наёмник, естественно, новых мне не купил. У него, видите ли, денег только на пиво хватило. Ну, ничего, вроде никто, кроме Ливера, на меня даже не оглянулся...

Вдруг мой спаситель отвлёкся от созерцания пейзажей за окном и заговорил вкрадчивым тоном:

— Слушай, шеф, а сколько тебе не хватает до нужного процента? — и смотрит, гад, прямо на меня.

— Немного, совсем немного, — отозвался Полиник, — одного человека, способного держать оружие, будет достаточно.

— Отлично. Возьмёшь её?

И тут он указал на меня пальцем.

— А можно?

— Конечно, мне всё равно нужно за ней присматривать. Так что с нами она пошла бы в любом случае.

Я опешила. Даже про платок забыла.

— Тогда я согласен.

После этих слов клерк вдруг оживился, затушил свою вонючую сигарету, и повернулся ко мне лицом.

— Так-так... Значит, пройдёте процедуру регистрации, уважаемая?

Какую ещё процедуру? Вы что, с ума сошли? Я, Ксанигеллия Соболевич-Петра хос Триклея и Райтмон, принцесса, должна вступать в организацию наёмных солдат? Да мне ещё восемнадцати лет не исполнилось!

— Тебе сколько лет, принцесска? — ехидно поинтересовался Ливер. Вот гад, будто читает мои мысли. И понимает, что без него я домой не доберусь. Чёрт побери... Что делать?

— Ну?

Я глубоко вздохнула. Надеюсь, что дома никто не будет проверять списки новобранцев СВН. А этот выскочка за свои выходки ещё поплатится...

— Семнадцать.
— Отлично! — обрадовался Ливер, — СВН принимает заявки с шестнадцати лет! Кстати, возьми вот...

Он протянул мне носовой платок.
Ненавижу!

* * *

«Регистрация» заняла всего полчаса. Меня просканировали каким-то дешёвым аппаратом для выяснения общего состояния организма, а затем спросили, какие я имею навыки владения оружием и какой у меня опыт боевых действий. Что я могла ответить? Никаких. Принцесс, знаете ли, с автоматом бегать не обучают. Но это никого не смутило, даже того идиота, который стал моим первым работодателем. Оставалось лишь поставить печать под контрактом.

Всё. Теперь я наёмница. Бред да и только...

— Ну что, как тебе новая игрушка?

Ливер. Гад.

Я посмотрела на пистолет, который он выдал мне перед тем, как мы отправились в путь. Пистолет пах машинным маслом и Ливером. Это, видно, из-за того, что он носил его без кобуры, за поясом. А я не решалась засунуть эту штуковину за пояс — вдруг выстрелит? Прямо в ногу. Ливер мне, конечно, рассказал про предохранитель и про то, что сейчас затвор не взведён. Да я и сама в фильмах видела, как оно работает. Но всё равно было боязно. Из этой штуки, небось, убивали людей. А сейчас я должна таскаться с ней, изображая из себя крутую наёмницу...

— Ливер.

— Что? Забыла, как снимать с предохранителя?

Нет, не забыла, козёл! И уже подумываю над тем, что неплохо было бы испробовать пистолет в действии. Эта его довольная рожа...

— Нет, не забыла. Я о другом, — мы шагали вслед за вереницей навьюченных животных, названия которых я не знала, да и не хотела знать. — Странно всё это... Нанимать для охраны своего каравана первых попавшихся людей, особенно меня...

Ливер хмыкнул, переложил свою огромную пушку на плечо и фамильярно пощупал освободившейся рукой мой бицепс. Я хотела было отдёргнуть руку и возмутиться, но вдруг поняла, что мне это даже нравится... Нет-нет-нет! Даже думать не смей!

— Девочка, ты себя сильно недооцениваешь.

— Но ведь в том-то и дело, что я — девочка! Какой из меня солдат?

Наёмник стукнул голову Зета, висевшую у него на поясе, и со своей фирменной ухмылочкой спросил у полураздолбанного киборга:

— Слышал, Зет? Девочка... Интересно, что она скажет, когда увидит Локи.

— Хех... Да, это точно. Ксанка, ты видела, как Ливер умеет решать проблемы, и знаешь возможности моей пушки. Но можешь быть уверена, если

бы нам случилось драться против Локи, то обоим пришёл бы кирдык. Ну, Ливеру так точно.

Я недоверчиво покосилась на говорящую голову. Честно говоря, я до сих пор не понимаю, как он всё ещё функционирует — более странных киборгов я в своей жизни не видела. После неведомо какой передраги от него осталась лишь голова и огромная пушка, соединённая с головой двумя толстыми трубками. У любого нормального киборга трубки порвались бы в первую очередь... Ну, по крайней мере, раньше, чем голова отвалится от всего остального. А Зет до сих пор в рабочем состоянии и пушка, которой вместо бестелесного киборга орудует Ливер, стреляет... Нет, не хочу вспоминать, как она стреляет!

Тут Ливер внезапно стал серьёзнее и сказал, глядя на небольшой броневичок, который плёлся в голове каравана:

— Я вообще-то тоже чувствую тут подвох. Слишком уж явно этот караванщик натягивал коэффициент безопасности, нужный для получения страховки в случае чего. И в то же время, слишком наплеваательно относился к качеству охраны, которую он нанимает. Я не летаю в облаках, я понимаю, что у меня хреновый послужной список в СВН. Успешных контрактов было очень мало.

— Вот и я о том же.

— Угу... Но тогда слишком уж явно всё как-то. Если он знает, что на него нападут, то зачем ему подставлять себя самого? Нанял бы ещё кого-нибудь, и остался дома. С женой и детьми. Сам же говорил, что старший сын приболел.

Я слушала вполуха, пытаюсь пристроить тяжёлый пистолет как можно удобнее. Нести его как обычно, держа за рукоятку, было неудобно. Для моей руки он был слишком большим. Затем я попробовала взять его за ствол и подцепить средним пальцем проушину возле спускового крючка. Вроде стало удобнее, но чёрная дыра дула смотрела прямо мне в подмышку. Нет, так тоже не годится.

А Ливер тем временем продолжал свои рассуждения.

— Я, конечно, не полный идиот и навёл в офисе СВН кое-какие справки об этом торгаше. Оказалось, что он занимается лекарствами, за которыми мы сейчас и идём. Караван обходит несколько дальних посёлков, меняет разную ерунду на лекарственные травы и отвары, а затем Полиник продаёт их в своём магазинчике в столице. Дела идут неважно, но на еду и прочее ему и семье вроде бы хватает.

— Ну, знаешь, — сразу было видно, что он мало смотрел сериалов по вижуалу, — в таком случае он как раз мог подставить караван, чтобы получить страховку.

Ливер покосился на меня.

— Ты меня за идиота держишь, да? Я проверял, полная страховка от потери каравана едва покрывает стоимость животных и того допотопного броневичка, без которого ему для заветных 50% придётся нанять человек десять, как минимум. Но что-то я сомневаюсь, что на этой отсталой планете будет так просто купить новый броневик. Проще будет десять новых сыновей настрогать.

— Это ещё почему? Я не раз видела рекламу военных заводов, в сотню раз лучший броневик можно заказать без проблем. Ещё и с доставкой.

Ливер отрицательно покачал головой.

— Принцесска, ты думаешь, что они от хорошей жизни пользуются вот такими керосиновыми тарахтелками? На Карнаке очень плохо с энергией, если не сказать — хуже некуда. Вот и приходится местным рассчитывать только на горючее топливо. И это ещё цветочки, там, где я провёл половину своего детства, даже паровые машины были в ходу!

— Да ну... Не верю. Как такое может быть?

— Запросто. Транспортировать энергию — страшно невыгодное дело, ты гораздо больше спалишь в дюзах своего транспортника, чем привезёшь к месту назначения. Поэтому все стараются использовать только местную энергию. А на Карнаке, как я понял, с этим так же плохо, как и на Нагео.

— Странно. Зачем же тогда эту планету вообще колонизировали, если на ней нет приличных источников энергии?

Ливер пожал плечами.

— Если в столице отгрохан такой офис корпорации «Триптолем», то должны быть какие-то полезные ископаемые, которые нужны Убериату. Эти-то могут позволить себе возить урановое топливо с других планет. А бедные кварталы, очевидно, остались от первой волны поселенцев. Я историю Карнака не изучал, мне оно сто лет не нужно. Но в эпоху Экспансии колонизировали всё подряд, сама ведь знаешь.

— Мог бы и не напоминать, — сказала я и тут же шмыгнула носом. Не то чтобы мне сильно хотелось показать свою обиду на то, что какой-то безродный наёмник снова напоминает мне о том, что моя планета не самая богатая в Убериате... Мягко говоря... Просто насморк ещё не прошёл.

* * *

Жара стояла невыносимая, но Ливер запретил мне снимать старый бронежилет, который он откопал где-то в недрах своего космокатера и напялил на меня перед выходом в путь. Хорошо хоть воды хватало на всех. Правда, «всех» — это слишком громко сказано, нас всего-то было трое. Я, Ливер и Полиник, управлявший броневичком. Четвёртым был Зет, но ему вода не нужна. Хотя мне, конечно, трудно было забыть, как он на корабле пил пиво через трубочку...

Кстати, я в конце концов нашла подходящее место для пистолета. Мне удалось надёжно прицепить его к бронежилету двумя лямками на липучках. Причём ствол смотрел чётко влево, так что если не сильно размахивать рукой при ходьбе, можно было не беспокоиться, что он мне случайно что-нибудь продырявит. Вдруг караван остановился, и наш наниматель выбрался из своей машины.

— Что случилось? — мой голос предательски дрогнул.

— Спокойно, принцесска, идём. Видишь, машет.

Полиник и в самом деле призывно помахивал правой рукой, мол «идите сюда». Действительно, ничего не случилось.

Караванщик показал пальцем в ту сторону, куда мы шли, и неуверенным голосом сообщил:

— Дальше будет небольшое ущелье. Даже не ущелье, а просто обломки старой скалы, разрушенной падением метеорита. Так, ничего серьёзного, но если на этой дороге и случаются нападения на караваны, то только там. Поэтому вам лучше сесть в броневик, а я пойду впереди с миноискателем...

— Это ещё зачем? — удивился Ливер.

— Как зачем? Уже сто лет любимый приём бандитов — поймать ведущий броневик на мину, а затем обстрелять караван. Проход довольно узкий, поэтому взрыв может заблокировать путь. Но на караван с целым броневиком они нападать не станут — слишком много возни.

— Ясно, — процедил Ливер, — Значит, пока не пройдем опасное место, броневик надо беречь как зеницу ока, так?

— Да-да, именно так.

— Ну что ж, бывало и хуже... — Ливер задумчиво посмотрел на груды камней впереди по курсу каравана.

— Вы сможете им управлять?

Наёмник презрительно сплюнул и начал протискиваться в узкий водителский лаз, бормоча себе под нос какие-то ругательства, половину из которых я слышала впервые в жизни. Наконец он таки уместился в скрипучем кресле, ощущал рычаги, и удовлетворённо хмыкнул:

— Ерунда. Видали машинки и посложнее. Только какого хрена ты не рассказал мне об этом раньше?

Полиник пожал плечами.

— Забыл... Столько всего... Сами понимаете...

— Ладно, не мямли. Давай, топай вперёд.

— Погодите, я покрепче привяжу лорсов к броневику. Чтоб не потерялись. Хорошо?

— Хорошо, хорошо. Валяй.

Ливер полез в карман за сигаретами и смачно зевнул.

— Кстати, принцесска, чего стоишь, как дезертир на колу? Залезай в броневик. Будешь у нас пулемётчиком.

— Пулемётчицей! — как же я его ненавижу!

— Да ладно тебе, — наёмник старательно делал вид, что он грубит не со зла. Я даже на какой-то миг засомневалась. — Думаешь, я не помню, что ты не мальчик, и у тебя там, под броником спрятан кружевной лифчик, в который упакованы две маленькие аппетитные грудки? — Ливер от души расхохотался.

Убью!

— Кстати, о нашем разговоре, — при этих словах наёмник натянул на свою рожу более серьёзную мину, — заметь, Полиник будет топать впереди, а нас посадил в броневик. Если бы этот контракт действительно был подставой, согласишься, ему логичнее было бы самому оставаться в машине. Правда, Зет?

Киборг скептически хмыкнул.

— Ливер, если ты думаешь, что наша принцесска совсем уж дура, то глубоко ошибаешься.

— Ну мало ли... — Ливер выглядел обиженным. Так ему и надо. Киборг, от которого осталась только голова и пушка, и то лучше разбирается в людях, чем этот идиот.

Наконец к броневнику подошёл Полиник с несуразной железякой в руках.

— Готовы?

— Ага.

— Ну, я пошёл...

И караван медленно тронулся с места. Правда, и тут Ливер отличился. Не знаю, какие он там машины водил в своей жизни, но броневичок у него на старте дёрнулся так, что я больно приложилась затылком о стенку пулемётной башенки. Говорить, конечно, ничего не стала. Много чести.

* * *

Пейзажик вокруг действительно выглядел довольно угрожающе. Ущельем этот кусок дороги я, конечно, не называла бы, но изъеденные ветром серые валуны окружали узкую колею очень плотно. И за каждым камнем мне мерещилась рожа бандита с винтовкой.

Гад всё-таки этот Полиник — зачем было так пугать? Ведь пока что всё тихо, никаких бандитов нет... Правда, один раз я заметила среди валунов грудку ржавого металлолома, которая когда-то могла быть таким же броневиком, как и наш. Но только слишком уж он был ржавым, а значит, взорвали его давно...

И всё равно мурашки по коже!

Но спустя минут двадцать я привыкла и к этому зловещему пейзажу. Да что там вообще можно было толкового увидеть через узенькие окошки пулемётной башенки? В конце концов, мерное покачивание вяло ползущего броневичка начало убаюкивать меня. Я устроилась в тесной кабине, как смогла, и закрыла глаза. Всё равно ничего не происходит...

Похоже, у меня начала подниматься температура, потому что, несмотря на жару, я чувствовала лёгкий озноб. Или это от нервного истощения? Столько всего случилось — это похищение, бойня на неизвестной планете, жутковатый Зет... Хотя к странному живучему киборгу, который во время полёта смотрел полуфиналы астролиги гравибола и пил пиво через трубочку, я уже привыкла. К нему просто нужно было относиться не как к тупому железному чурбану, а как к обычному мужлану. Вроде Ливера. Да, эти двое — хорошая парочка, нашли друг друга родственные души. Правда, Ливер хуже. Убила бы... Даже не так, убью. Когда прилетим на Триклею, я прикажу схватить этого мерзавца, пытать, а потом расстрелять! Или ещё лучше — повесить! Или... Эх, плохо меня воспитывали, не могу даже толкового способа расправы над этим подонком придумать. «Две маленькие аппетитные грудки!» Да кто он такой? И не такие уж они маленькие, кстати...

Размеренно урчал мотор броневичка, слышался глуховатый топот лорсов, плетущихся на привязи, Ливерпуль и Зет беспечно трепались о всякой ерунде.

— Ты уверен, что наши в этот раз смогут отодрать вашингтонцев?

— Почему бы и нет? Пока ты во время полёта дрых без задних ног, я посмотрел последнюю отборочную игру. Так вот, сборная Калхаса сейчас в очень хорошей форме, и спокойно дойдёт до нашего полуфинала...

— Бред, — отрезал Ливер. — Калхас всегда был слабее Немуса. Просто у них бабла больше, но даже скупка лучших игроков по всему Кутузовскому сектору им не помогает.

— Хех...

— Что «хех», Зет? Когда твои ненаглядные калхасовцы в последний раз были хотя бы в полуфинале Кутузовского?

— Всего лишь пять лет назад. Но посмотри, как стабильно они выходят из отборочной группы! А прошлогодний полуфинал Немуса — это заслуга одного Франка. Удивляюсь, почему он до сих пор торчит в такой жопе. Уже давно сменил бы гражданство и припеваючи жил на Оресте, например. Или ещё лучше — к вашингтонцам махнуть. У них-то денежка имеется такая, что Немусу и не снилось...

Судя по интонации, киборг собирался сказать что-то ещё, но не стал.

— Зет? Чего умолк?

— Да так... У нас ведь на броневике установлен гранатомёт?

На минуту оба спорщика затихли. Затем Ливер неуверенно хмыкнул и сказал:

— Наверно. Вроде были однозарядные трубки по бокам башенки.

— Странно.

— Что странно, Зет? Нормальную пушку на такой броневичок не поставишь. Ясно, что для пущей убедительности приспособили хотя бы гранатомётные трубки.

— Нет, я не о том. Если наши гранатомёты были заряжены с самого начала, то странно, что я уловил испарения С5 только сейчас.

Ливер настолько усердно почесал затылок, что я даже в пулемётной башенке услышала этот скрип.

— Ты ведь сам говорил, что твои сенсоры не в лучшем состоянии.

— Некоторые — да. Но с обонятельным до сих пор всё было в порядке. Ливер, это точно С5, причём именно гранатомётная модификация.

— Ладно, сейчас выясним... Караванщик! Эй! Сними свои сраные наушники! Полиник!

Броневик остановился.

— Эй! Стой! — заорал Ливерпуль.

— А? Что? — караванщик сдвинул наушники от миноискателя набок, отчего сразу стал выглядеть ещё более жалко.

— Командир, слушай, что с твоими гранатомётами?

— С какими гранатомётами?

Невнятно выругавшись, Ливер уточнил:

— С теми, которые на броневике.

— А-а-а... Эти... Ничего, не рассчитывайте на них особо. Гранаты стоят дорого, поэтому я их не заряжаю уже лет пять — всё равно, если броневик

попадёт на мину, от них не будет никакого толку. А страховщики не проверяют боекомплект...

— Твою мать!!! — из-за вопля Ливера с меня мигом слетела вся дрёма, и я выпрямилась в кресле. Как оказалось — зря. Двигатель броневичка взревел, и машина рванулась вперёд гораздо резче, чем в прошлый раз. Сзади послышался недовольный рёв лорсов — как у них только зубы не повылетали? А у меня от удара головой о стенку башенки перед глазами поплыли разноцветные круги. Хорошо, что я хоть сознание не потеряла.

— Идиот! Бросай свою железяку и прыгай на броневик! Зет, откуда идёт запах?

— Не знаю, это же запах. Он или есть...

— Что случилось? — голос Полиника звучал испуганно.

— А вот что! — крикнул Ливер и ещё сильнее нажал на акселератор. Машина завибрировала всем корпусом — похоже, что её двигатель не привык к такому обращению. Но даже сквозь грохот набиравшего скорость броневичка, я услышала сипловатый свист. Ливер ругнулся и рванул броневик в сторону.

Бабах!

Слева сверкнула яркая вспышка, как будто туда ударила красная молния. Мгновение спустя нас здорово тряхнуло.

— Что это было? — завизжал Полиник, повисший на боковой подножке.

— Сука, не видно, что ли? — взревел Ливер, — гранатомёт!

— Значит, напали... — обречённо выдохнул наш наниматель. — Простите меня, я не хотел... Честно...

В следующий миг Полиник соскочил с подножки и кубарем покатился по сухой земле.

— Куда это он? — мой голос предательски дрожал.

— Да мне насрать! Пусть подыхает, перестраховщик хренов! В условиях контракта главной задачей значится сохранность каравана, а шкура этого идиота стоит копейки!

Ливер сделал перегазовку, воткнул следующую передачу и снова утопил педаль газа в пол. Но вместо ожидаемого ускорения броневичок пару раз дёрнулся, а в его чреве что-то зазвенело и завизжало.

— Только этого нам ещё не хватало... — и снова мимо моих ушей пронеслась вереница отборных наёмничьих ругательств.

— Ливер, мне кажется, ты воткнул заднюю, — нарочито спокойно сообщил Зет.

— Да понял я, понял...

По лобовой броне забарабанила пронзительная дробь. Я инстинктивно сжалась в комок и закрыла голову руками.

— Чёрт побери, броня ещё худо-бедно держит... Похоже, что у них нет бронбойных.

— И выстрел к гранатомёту тоже был явно один, — поддакнул Зет. — Но выбираться отсюда надо немедленно.

Какие-то они слишком спокойные. Сидят в дохлом броневичке под обстрелом непонятно кого, а беседуют так, будто обсуждают свой проклятый гравибол. Когда Ливер сломал эту колымагу, и то нервничал больше.

Хотя... Они же профессионалы.

По броне опять забарабанили пули.

— Справа, да? — спросил Ливер.

— Да. Через боковой люк выходить нельзя, — подтвердил киборг.

— Ничего страшного... Эй, принцесска! Не сиди, как статуя, отвлеку их огнём!

Я пригнулась ещё ниже, чтобы стало видно внутреннюю кабину броневичка, и непонимающе уставилась на Ливера.

— Я?

— А кто? Конечно ты. Других пулемётчиков у нас нет. Только не вздумай выглядывать в смотровые прорезы, у тебя и так дырок в голове больше, чем надо, — после этой фразы у его ещё хватило наглости беззаботно ухмыльнуться.

— Но... Как же я буду целиться?

— Да никак. Дурочка, это же пулемёт. Просто наведи его вон туда, — он ткнул пальцем в сторону бокового люка, — и жми на гашетку. Понятно?

Я кивнула.

Слава богу, пулемёт был подвешен на хорошо смазанной круглой шутовине, поэтому развернулся в нужную сторону легко и быстро. Неужели я сейчас и в самом деле кого-то убью? Нельзя же так, зачем? Почему он сам не хочет расстрелять бандитов, как в прошлый раз?

Мои размышления прервал голос Ливера:

— Эй, что там с пулемётом?

Я зажмурилась и вдавила гашетку большими пальцами.

Тут же поднялся нечеловеческий грохот, и, похоже, что бандиты прекратили стрелять по броневичку. А может, я просто ничего не слышала, кроме громохання своего пулемёта...

Ливер тем временем оттащивал от левой бронестенки какой-то хлам, судя по лязгу, запчасти для самого броневичка. Может быть, он хочет починить его прямо сейчас?

Внезапно пулемёт замолчал. Раньше в него была вставлена лента с патронами, а теперь — ничего. Я снова заглянула во внутреннюю кабину и растерянно посмотрела на наёмника. Теперь он стоял возле бокового люка.

— Что, принцесска, кончились патроны?

Я кивнула ещё раз.

— Ладно, это уже не важно. Зет, шестёркой. Рассеивание на четвёрку.

Прежде, чем я успела что-то сообразить, Ливер направил свою пушку на противоположную стенку и выстрелил. Вспышка была не очень яркой, но боковые бронелисты вылетели, как бумажные, и впечатались в груды камней напротив. Наёмник довольно хмыкнул, совершенно фамильярно схватил меня в охапку свободной рукой, и выскочил через новообразовавшийся выход.

Краем глаза я заметила Полинника, валявшегося в сотне метров позади нас. Мёртв он, или просто без сознания — кто его знает. Но несколько выючных животных были точно мертвы, в густой шерсти виднелись кровавые пятна от пулевых ран, причём за ближайшим лорсом по земле тянулась длинная кровавая дорожка. Наверно, его ещё осколком гранаты убило, а потом броневик тащил эту тушу, пока Ливер не нахимичил с передачами. Хорошая была машинка, мы могли бы на ней спастись...

Ливер добежал до камня, приваленного выбитыми бронелистами, и, тяжело дыша, плюхнулся за ним на землю. Меня он всё ещё не выпускал, и только сейчас я поняла, что его левая рука лежит прямо на моей груди... В другой ситуации я бы вцепилась ему в плечо, но раз уж так получилось, что по нам стреляют, то ладно. Пусть держится. Тем более, что на мне до сих пор надет толстый бронежилет.

— Зет, что скажешь?

Киборг ответил не сразу, я даже начала переживать, всё ли с ним в порядке.

— Похоже, что их четверо. По крайней мере, четверо осталось в живых.

К горлу подступил комок. Я шмыгнула носом и неуверенно спросила:

— Что значит «в живых»? Мы же ни по кому не стреляли... Как так могло?.. Нет, я же не видела, куда стреляю, я не могла!..

— Тише! — огрызнулся Ливер, — Сопли — потом.

Я покорно замолчала, но вот по части соплей ничего гарантировать не могла. Слёзы как-то сами подступили к глазам, и даже непонятно почему. Если я и убила какого-то мерзавца, что с того? Он бы меня тоже убил, если бы не броневичок. Я же принцесса, Ксанигеллия Соболевич-Петра хос Трикляя и Райтмон, мне положено быть жестокой, если так надо.

Но почему сейчас? И почему из пулемёта? Принцессы не должны стрелять из пулемётов, они должны травить мужей крысиным ядом, или нанимать убийц. Таких, как Ливер. Хотя нет, какой из этого увальня убийца? Он же только и может, что из своей огромной лучевой пушки всё крушить и хватать несовершеннолетних принцесс за разные места...

— Они зашевелились, — механический голос Зета прозвучал как-то злое.

— Четверо, говоришь? — отозвался Ливер, — Бывало и хуже... Ставь семерку, рассеивание — четвёрка. Вряд ли у них есть уберийская броня.

— Погоди...

И в самом деле, с другой стороны дороги вместо выстрелов прозвучал нагловатый мужской голос:

— Эй, наёмник! Не стреляй! Поговорить надо.

Ливер, уже было готовый к атаке, облегчённо выдохнул. Но из-за камня высовываться всё равно не стал.

— Говори! Только сперва назови хоть одну причину, по которой я не должен перестрелять вас всех прямо сейчас!

Один против четырёх — и как уверенно держится! Возможно, не так уж и безнадежен мой рыцарь на белом коне, как мне казалось раньше...

— Хорошо, хорошо. Я уже понял, что ты крутой парень, и всё такое... Но ты нам не нужен, как и мы тебе. Просто уходи, и оставь нам этот караван. Достаточно того, что ты убил моего приятеля.

У меня внутри всё сжалось — значит всё-таки убила! Я замотала головой:

— Нет, нет, нет! Нет! Нет, я не хотела!..

— Цыц! — прошипел Ливер, зажимая своей огромной лапой мой рот. — Потом будешь устраивать истерику.

А затем, обращаясь к невидимому бандиту, крикнул:

— Я не могу оставить караван. У меня контракт.

— Наёмник, послушай, я ни за что не поверю, что ты будешь рисковать своей шкурой забесплатно! А этот нищий червяк Полиник даже не собирался выплачивать СВН оставшиеся по контракту деньги!

Он назвал нашего работодателя по имени! Но Ливер, похоже, не особо удивился... Сволочь, если он знал, что всё подстроено, какого чёрта вообще пошёл на этот контракт, да ещё и меня с собой потянул?!

А бандит продолжал уговаривать:

— Даже если случится чудо, и ты нас убьёшь, то своих денег всё равно не увидишь! И СВН ничего не сможет содрать с семьи этого бедолаги, он уже давно по уши в долгах! Но если ты сейчас уйдёшь, я сам заплачу тебе остаток. В майсах. Только продикуй свой идентификатор. Слышишь?

Ливер слышал. И задумчиво клацал каким-то переключателем на своей пушке. Мне тоже как-то не верилось, что бандиты, имея численное преимущество, заплатят наёмнику просто для того, чтобы не иметь лишних проблем. Тем более, если они знают караванщика и подробности контракта, то могли видеть и сертификацию Ливера. Да какая им вообще выгода от этого каравана? С таким курсом местной валюты к уберийскому майсу они заплатят едва ли не больше, чем получают от продажи всего награбленного. По крайней мере, Ливер так говорил.

Наёмник наконец решил ответить:

— Ну, допустим, я уйду и оставляю вам караван. Но когда вы начнёте продавать это барахло, его обязательно вычислит страховая компания. И тогда конец моей лицензии в СВН. Я ясно излагаю?

— Ясно, всё предельно ясно. Слушай, наёмник. Как тебя зовут?

— Ливер.

— Кличка? Ну, не хочешь называть настоящее имя — пожалуйста. Меня зовут Креонт.

— О-очень приятно... — с издёвкой протянул Ливер. Но бандит сделал вид, что не заметил интонацию наёмника.

— Послушай, Ливер. Мы не собираемся ничего продавать. Нам просто нужно уничтожить этот караван. А ты свою роль уже выполнил — обеспечил условия страхового контракта. Всё, ты нам больше не нужен, а мы — тебе. Давай разойдёмся миром. Вопрос исключительно в деньгах. Ты получишь свои, мы — свои. Зачем усложнять ситуацию?

Ливер усмехнулся.

— По-моему, вы уже собирались решить всё самым простым путём, когда стреляли по мне из гранатомёта.

— Э-э-эй! — по голосу Креонта было понятно, что он улыбается, — Ну не получилось, так не получилось. Откуда мне было знать, что ты так рано нас заметишь и начнёшь выписывать на этой рухляди фигуры высшего пилотажа? Но раз уж так вышло...

— Знаешь, что, Креонт?

— Что?

— Говно вы, а не грабители, — Ливер сплюнул.

— Согласен, — бандит рассмеялся. — И Полиник — тоже говно, а не караванщик. И ты явно не лучший из наёмников, если подписался на такой тухлый контракт. На этой планете вообще ничего нормального нет, и никогда не будет. Так что решайся скорее, мы и так потеряли слишком много времени.

Я чувствовала на своём затылке горячее дыхание Ливерпуля. Он сидел неподвижно, одной рукой сжимая пушку, а другой — меня. Перед моими глазами уже всё расплывалось — я не знаю, то ли из-за простуды, то ли нервы перестали выдерживать. Мне просто хотелось, чтобы всё это побыстрее закончилось, чтобы Ливер согласился на условия бандитов, и мы вернулись на его катер. Маленький, но вполне безопасный. Я бы не покидала его до самого прилёта на Триклею...

— А что ты обо всём этом думаешь, Зет? — тихо спросил Ливер.

— Не знаю, почти всё выглядит логично. Но есть одна деталь — стоимость каравана всё равно слишком мала.

— Да, действительно... Эй, Креонт! — Ливер крикнул в полный голос. — У меня всего один последний вопрос, и я сваливаю. Готов ответить?

— Давай.

— Когда я подписывал этот контракт, в нём была чётко обозначена страховая стоимость барахла, которое мне предстояло охранять. Так вот, вам не кажется, что вы продешевили? Мало кто будет рисковать своей головой за такие деньги...

— Простите... — это был голос Полиника. Слабый, неуверенный, но его слова не были похожи на горячечный бред. Похоже, что при падении с броневичка он просто отключился, а сейчас, вот, пришёл в сознание. — Простите меня, уважаемый наёмник, но у меня не было выбора...

— Заткнись, мудила, с тобой мы ещё успеем поговорить. Драматург хренов! — во время этой тирады Ливера так передёрнуло от злости, что он чуть не свернул мне шею.

— Боюсь, что не успеем. Страховка каравана — это мелочи. Гораздо больше должны выплатить за мою жизнь.

Полиник выдержал небольшую паузу.

— Оставьте меня, я знал, на что иду.

Ситуация становилась всё веселее и веселее. Дыхание Ливера стало ещё более тяжёлым, а непонятный переключатель на своей пушке он дёргал уже настолько остервенело, что было удивительно, как тот ещё не отвалился.

Наконец Ливер глубоко вздохнул, отпустил меня и спросил вполголоса: — Ты как, успокоилась?

У меня хватило сил только на то, чтобы вяло кивнуть.

— Хорошо, сиди здесь и не высовывайся... У тебя что, жар? — Он потрогал мой лоб тыльной стороной ладони. — Чёрт, сейчас всё это закончится, и мы вернёмся в город. Возьмём пару лорсов и вернёмся. Держись, принцесска.

Я поняла. Он собрался их всех убить. И убьёт ведь. Он — профессионал, не то, что эти горе-бандиты. Внутри меня что-то подталкивало оставить его, ведь, похоже, что они и в самом деле не хотели лишних смертей. Пускай Полиник оказался подлецом, пускай Креонт тоже был не прочь покончить с нами первым же выстрелом — но они всё равно люди! Зачем их убивать?

И вдруг меня осенило.

Кто я такая, чтобы осуждать Ливера? Чем я лучше?

Во всей этой истории первый труп — на моей совести! Не на его. На моей!

Но мне почему-то стало жалко не того безымянного бандита, которого я убила, а саму себя. Я обхватила руками свои колени, уткнулась в них носом, и тихонько заплакала. Мне не хотелось слышать того, что было потом, но заткнуть уши я не решилась.

Сразу раздался выстрел ливеровой пушки, следом ругань Креонта и стук каменной крошки, посыпавшейся на землю. Кто-то завопил нечеловеческим голосом. Послышался быстрый топот, застрекотал автомат.

— Значит, вот как ты решил всё закончить, наёмничек... — в голосе Креонта чувствовалась какая-то весёлая злоба. — Ну что ж, я тоже могу тряхнуть стариной. Хотя и не думал, что ты настолько неплох.

— Ты тоже ничего, — ответил Ливер откуда-то слева. — Десант? Диверсионные войска?

— Нет, всего лишь три года гарнизонной службы на Рагносе Пять. Весёлое место.

— Гарнизон? А, ну, теперь ясно, почему ты не умеешь стрелять из гранатомёта...

Снова ухнула пушка Ливера, снова посыпались осколки камней.

— Антигона, ты цела? — голос Креонта на сей раз прозвучал чуть ближе. — Антигона!

— М-м-м... — голос был слабым, сдавленным, но я отчётливо поняла, что это была женщина... Чёрт побери, среди бандитов была женщина, и Ливер собирался убить её тоже.

— Ах ты ж, сука... Слушай, наёмничек, если бы на этой планете можно было достать нормальный армейский гранатомёт, ты бы сейчас так резво не бегал. Я честно хотел отпустить тебя восвояси, но теперь мне уже всё равно. Ты — труп. Понял?

— Откуда столько понтов у гарнизонной крысы? Вы же только тем и занимаетесь, что охраняете имущество правительственных корпусов...

Креонт выпустил пару очередей, и Ливер осёкся на полуслове. Ответный залп не заставил себя долго ждать, но по топоту тяжёлых сапог бандита я поняла, что он успел перебежать за другое укрытие.

— Я же тебе говорил, что Рагнос — очень весёлое место. Это не то, что тупую дикую фауну на пограничных мирах отстреливать. Местным серьёзным парням очень хотелось избавиться от регулярных войск, так что в нашем гарнизоне выживали только самые шустрые.

— Это я уже заметил.

Они снова обменялись залпами, причём, судя по скрежету металла, досталось и без того покорёженному броневичку.

— А-а-а... Ч-чёрт! — взвыл Креонт, — Наёмничек, где же ты на мою голову такой красивый взялся? А?

Ливер молчал. Похоже, что ему удалось ранить Креонта, оставалось только добить подлеца.

— Ну, чего молчишь? Ливер?

— Ты проиграл.

— Хе-хе... Если бы не твой чёртов ствол... Сразу двоих. Через камень... Где ты его только откопал? В армии такого оружия нет.

— Не твоего ума дело...

— Ливер! — резко крикнул Зет. В тот же миг с совершенно другой стороны послышалась ещё одна автоматная очередь. Затем неприятный женский голос произнёс:

— Сволочь. Спрятался... Креонт, ты как?

— Живой. Держи этого гада на мушке, не давай ему высунуться.

Ситуация резко изменилась. Похоже, что Ливер сел в лужу.

— Ну что, наёмничек, я проиграл, говоришь? А если подумать?

— Вы меня всё равно не достанете, — злобно огрызнулся Ливер. — И я тоже не дам вам уйти. Дождусь, пока ты истечёшь кровью, и прикончу вас обоих.

— Ну, это вряд ли.

Я уже не плакала, просто сидела, ухватившись двумя руками за пистолет, и старалась не потерять сознание. Наверно, надо было как-то помочь Ливеру, ведь даже если бандиты оставят меня в покое, я без него с этой проклятой планеты не выберусь. Ну кто поверит что немытая девчонка в бронезилете на самом деле является принцессой? А если даже получится связаться с отцом, то куда он перешлёт мне деньги на билет? У меня ведь до сих пор нет своего идентификатора, принцессе не нужно самой ходить за покупками. А прислать за мной корабль папа не сможет, это я точно знаю. У нас на всю империю — всего один корабль... Посмешище...

Меня бил озноб, но я не могла понять, действительно ли стало настолько холодно, или это из-за простуды. А ещё хотелось есть.

Когда-то, в другой жизни, мне страшно хотелось вырваться с Триклеи, путешествовать по Галактике, искать приключений... Ну вот, нашла. Довольна?

Дура. Просто дура.

Внезапно я услышала, что к моему камню, кто-то идёт. Осторожно подкрадывается. Если бы не обострившийся из-за жара слух, я бы могла и не услышать. Но услышала.

Из книжек и фильмов ужасов я знала, что когда к маленькой спрятавшейся девочке кто-то подкрадывается, ей должно быть страшно. Очень страшно. Она должна задрожать от страха, запаниковать, сжаться в комок и попытаться представить себя в безопасном месте. Но мне страшно было только в начале. Чуть-чуть. А потом я просто догадалась, кто ко мне пробирается.

— Прости, наёмник, — промямлил Полинник. — Но если ты не сдашься, мне придётся убить твою маленькую подружку. А уж она-то тут совершенно ни при чём...

— Слизняк! — прошипел откуда-то издалека Ливер. — Не смей! — собственное бессилие злило его даже больше, чем предательство Полинника.

— Не смей? Хочешь сказать, что ты потом убьёшь меня? — Полинник истерически захохотал. Нормальные люди так не смеются...

Когда караванчик с винтовкой в руках появился передо мной, я уже знала, что мне делать.

На этот раз я не закрывала глаза. Я увидела всё — и его расширенные зрачки, в которых отразилась яркая вспышка, и сразу чёрную, но затем быстро покрасневшую дырку в его рубашке, и то, как он повалился на землю, хватая ртом воздух, будто выброшенная на берег рыба. Я увидела всё — и запомнила.

А затем упала сама.

* * *

Очнулась я уже в тёплой постели под мягким одеялом с подогревом. Зет висел на своей подставке напротив экрана вижуала. Снова смотрел свой дурацкий гравибол, но комментаторов почти не было слышно. Видно, сделали звук потише, чтобы не будить меня. Всё-таки осталось даже в этих двух сволочах что-то человеческое...

Рядом сидел Ливер с банкой пива в руке. Его рука была перевязана.

— Ну что, принцесска, очухалась?

Хм, не стоило спешить с выводами. Очухалась... Ни капли уважения.

И тут я поняла, что на мне нет одежды. Совсем! Никакой!

— Да как ты посмел!.. — мой голос прозвучал слабо и неуверенно, к тому же внезапно подступил приступ кашля. Сволочь...

— Спокойнее, Ксанка, не нервничай. После заправки у нас еле хватило денег на вызов доктора и все нужные лекарства. Так что если тебе станет хуже, придётся брать деньги в долг, и мы застрянем на этой проклятой планете ещё чёрт знает насколько.

Я недоверчиво покосилась на Зета.

— Зет.

— Что?

— Он ничего со мной не делал, пока я была без сознания?

— Нет.

— Честно-честно?

Киборг издал странный звук, отдалённо похожий на вздох.

— Девочка, доктор сказал раздеть тебя, и укутать в тёплое одеяло, пока не сработает антибиотик. Ничего кроме того, что указал доктор, Ливер не делал. Ясно?

— Ясно, — ответила я и снова шмыгнула носом. Чёрт, в моём голосе в самом деле прозвучало разочарование, или мне только показалось?

И тут Ливер издал протяжную пивную отрыжку.

Точно — показалось.

— Ливер...

— Чего тебе?

— Чем всё закончилось?

Он почесал свой коротко стриженный затылок и задумчиво уставился на банку с пивом. По выражению его лица было видно, что ничего хорошего рядом с раскуроченным броневичком, после того, как я потеряла сознание, не происходило.

Наконец, пару раз глотнув пива, Ливер заговорил.

— Когда ты... В общем, когда караванщик двинул кони, они сдались. Выбросили оружие и сдались.

— И ты их не убил?

Ливер криво усмехнулся.

— Контракт был провален окончательно. Нам больше нечего было делить. Они хотели смерти Полиника. Он сам хотел смерти. Да и стоимость каравана после уничтожения броневичка...

— Но...

— Тише. Креонт всё рассказал. Они втроём были друзьями ещё с детских лет. Причём, так получилось, что Антигона влюбилась сразу в обоих. Но потом Креонта призвали в армию, а Полиник не прошёл медкомиссию, и их придурочный любовный треугольник развалился сам собой. А пока Креонт отдавал долг Родине чёрт знает где, на их родной планете нашли какой-то особо редкий минерал, необходимый для легирования корабельной брони высшего класса.

— Ну и что с того?

— Всё просто, — Ливер хлебнул пива ещё разок, — Вместе с горняками, гарнизоном и прочей ерундой «Триптолем» притащил сюда практически всю инфраструктуру для обслуживания своих работников. В том числе и медицинский корпус, который, кстати, тебе жизнь спас. Не задаром, правда, совсем не задаром... Так вот, Полиник всю жизнь занимался бизнесом, который остался ему в наследство от отца — доставкой в столицу лекарственных трав и отваров из отдалённых поселений. Возможно, его лекарства и были неплохими, но выдержать конкуренцию с уберийскими синтетическими средствами, которые вдруг стали доступны на Карнаке, он уже не мог. Дальше — больше. Вместе с деньгами из его семьи ушли и телячьи нежности, какая уж там любовь, когда жрать нечего? А тут, как нельзя кста-

ти, вернулся из армии старый приятель Креонт. Вот тогда-то Антигона и поняла, как ошибалась, когда выбрала из двух мужиков караванщика.

Что-то в этой истории не клеилось. Ладно, жена и бывший друг. Хорошо. Но ведь сам Полиник тоже знал, на что шёл! Ему-то какой прок?

— Ливер, но зачем ему было умирать?

— Ради сыновей. Когда вернулся Креонт, он понял, что семью уже не сохранить, как и семейное дело. А найти другую работу на Карнаке после разборок местного царька с войсками Убериата практически невозможно. В лучшем случае — пойти за копейки горбатиться на корпоративных рудниках, чтобы через пару лет сдохнуть под обвалом или от неизвестной науке болезни, как это пишут в их отчётах. В то же время после трёх лет гарнизонной службы Креонт перешёл на спокойную бумажную работу и ещё пятнадцать лет исправно получал хорошее жалование и новые звёздочки на погонах. Он мог бы спокойно устроить будущее сыновей Полиника, и уж тем более — его жены, к которой сам был неравнодушен столько лет.

— И что же ему мешало? Я не пойму...

— Как обычно. Успешный армейский бюрократ проворовался, попал под расследование внутреннего отдела, и вполне мог пойти в расход. Он и на родину-то вернулся лишь потому, что надеялся в случае чего спрятаться у старых знакомых. А спасти положение Креонта могла только очень большая взятка военному следователю. Вот, собственно, и вся история.

Если честно, я ничего не поняла из рассказа Ливера. Неужели всё это из-за какой-то взятки? Неужели я стала убийцей просто потому, что этот мямля Полиник не придумал другого способа, как обеспечить будущее своих детей?

— И он так просто согласился умереть?

— Не знаю. Почему бы и нет? Ты же видела сама, у него явно съехала крыша... Хотя с такой женой оно и не удивительно.

Я почувствовала, что во мне закипает отчаянная злость. Полиник, подонки, который подставил нас, и которого мне пришлось в итоге убить, оказался на самом деле жертвой? Или забота о детях не оправдание для такого поступка? А эти двое! Не понимаю...

— Ливер, зачем ты их отпустил? Зачем?

Наёмник придвинулся ко мне и фамильярно потрепал по голове.

— Дурочка, тебе было очень плохо. А они отдали нам свою машину, чтобы я смог как можно быстрее привезти тебя к доктору.

Заботливый какой. Надо же! Он что, думает, будто все принцессы — неженки? Ох, как он ошибается!

— Надо было их убить, — сказала я так жестоко, как только смогла. Но последнее слово, это страшное слово, от которого я вряд ли когда-нибудь отмоюсь, прозвучало сдавленно и жалко.

Я уткнулась носом в подушку и заплакала.

ЭЛЬДАР САФИН

ПОЖИРАТЕЛИ КНИГ

В

ОТКРЫВШИЙСЯ ЛЮК БЫЛО ВИДНО СЕРУЮ ПОЛОСУ космодрома, отрезок неба цвета баклажана и желтоватую шевелюру облаков.

Мерный шум двигателей глушили доносящиеся снаружи крики — пеоны споро разгружали вещи Гийома и Лайны, весело переговариваясь.

— *Новый мир. Закатное солнце, чувство голода, в знании — боль*, — процитировал высокий мужчина, выходя из челнока.

— Бриан Джеймс, седьмой катрен, свиток «Миры». — Изящная маленькая женщина ступила на раскаленный бетон, жмурясь на непривычно яркое светило. — Не худшее из него, братец.

Космодром на Беатриче не отличался от стандарта, принятого в сотнях других обитаемых миров: невысокое блочное здание администрации, полтора десятка челноков на бескрайнем поле, в основном стареньких и невзрачных, да тридцать-сорок пеонов, незаметно-привычных в постоянной суете.

— Добрый вечер! — Динамик, вмонтированный в монолит площадки, неприятно похрипывал. — Вас приветствует администрация вспомогательного космодрома планеты Беатриче, системы Данте. Назовите цель приезда, ориентировочные сроки пребывания, и если у вас имеется официальное сообщение, то сейчас самое время произнести его.

— Программа... — с отвращением произнес Гийом. — Хотя бы пеона посадили с восьмеркой или девяткой.

— На сельскохозяйственных планетах запрещено создавать вторичников с коэффициентом развития выше шести, — поморщилась Лайна, — есть риск достижения критической массы и последующего бунта.

Проигнорировав вопросы, путники неспешным шагом направились к единственному зданию. Сзади трое пеонов — двое мужчин и женщина — везли на эхо-платформе вещи.

В небе сверкнула искра, быстро увеличилась в размерах, почти в мгновение превратившись в космояхту последнего поколения.

— Гийом, а когда это разрешили летать на яхтах в атмосфере?

— Смотря кому. — Он проследил за мастерской посадкой яхты. — Готов поспорить, что пилот — гражданин. И полагаю, именно тот, ради которого мы здесь. Обрати внимание на геральдические знаки.

Яхта приземлилась рядом со зданием — на матовой палубе светился неонам оранжевый герб. Пилот наверняка нарушил множество правил как общегалактического административного кодекса, так и планетарного, но изяществом посадки трудно было не восхититься — судно встало прямо напротив входа.

— Салют! — Выскочивший из яхты парень дружелюбно улыбался. — Хорошо, что я вас перехватил! Таможенники у нас сплошь пеоны, с ними бы вы намучились. Тупые, как потаросы.

— Вечер добрый. — Гийом протянул руку и почувствовал неожиданно крепкое пожатие. — У вас здесь любопытно. Как я понимаю, граф Сен-Дорс? Я — Гийом фон Штиц, а это моя сестра — баронесса фон Штиц. Рады встрече.

Парень ответил не сразу, заворожено наблюдая за Лайной — она ласкала пальцами янтарь ожерелья, на ее нервном лице быстро сменялись оттенки эмоций — от чуть изумленной улыбки до явного удовольствия.

— Да... Но для вас — просто Тимур де Лангуа.

— Очень приятно. — Лайна медленно, будто во сне, протянула ладонь, и молодой аристократ изящно принял ее для поцелуя.

* * *

— Ну и зачем? — Гийом расположился в громадном кресле, которое для его сухощавой фигуры было несколько великовато. Седые вкрапления в черной гриве волос придавали его облику мужественность и шарм. — Неужели он тебе интересен? Совсем еще юноша. А теперь будет под окном серенады петь — и как с ним работать?

Лайна потягивала терпкое местное вино. Ей здесь нравилось: веселые, раскованные пеоны, красивое небо, громадная резиденция графа, уставленная тяжелой мебелью, старомодный камин во всю стену...

— Низачем. Просто так. — Она потянулась, и халат приподнялся, обнажая по-мальчишески острые колени. — Иногда просто хочется очаровывать. Кстати, братец, если наш новый друг начнет петь серенады, мы сразу узнаем, прав ли был Андре.

— Ты все еще ребенок, Лайна. Маленькая взбалмошная девочка, тоскующая по нежности и страсти. Разве тебе недостаточно того, что у нас есть?

— *Томленье страсти, нежности эфир...* — Лайна задумалась, так и не завершив строфы. Гийом поднялся и, укутав сестру в тяжелый плед, вышел из зала.

* * *

На кухне пели гимны. Причем пеоны — славные наивные ребята — мешали в кучу гимны церковные, корнями ухидившие в десяток разных религий, и государственные, а иногда вдруг начинали то «Марш косморазведчиков», то «Реквием» Пастеля.

Гийом, ничуть не тяготясь присутствием десятка вторичных особей, осмотрел моноплиту, довольно сложную кухонную деку, окна духовок и алхимическую путаницу разнокалиберных колб, соединенную с плитой гибкими шлангами. Увиденное его удовлетворило.

— Вы ведь гражданин, да? — Гийом усмехнулся, услышав такой вопрос. — Я вас раньше не видел.

Мальчишке, заговорившему с ним, было от силы лет десять. Желтый комбинезон — униформа вторичников — нелепо висел на худеньких плечах. Пеон. Однако в хитрых черных зрачках плескалось не детское и уж совсем не свойственное недочеловекам любопытство. Странно, но таких глаз у пеона, выведенного для работ в поле или на кухне, быть просто не могло. Гийом заинтересовался.

— Не пеон. Я издалека, с Земли. — Гийом присел на корточки, чтобы пацану было удобнее с ним общаться. — Слышал про такую планету?

— Нет. Я знаю только про Медеру, Кандеру и про нашу Беатриче. — Мальчишка наморщил нос. — На Медере холодно, но там есть полезные ископаемые, а на Кандере добывают целебную грязь. Это планеты нашей системы.

Гийом несколько секунд размышлял, потом распрямылся, покопался в кармане шелковых брюк, извлек оттуда что-то и подкинул вверх.

— Это тебе. — Его собеседник ловко подхватил монетку в воздухе. — Британский шиллинг. На Земле сейчас единая валюта, но в каждой стране остались свои мелкие денежки.

— А Земля — это далеко? — почти крикнул ему мальчишка. Остальные не обращали на разговор внимания, только одна полноватая женщина лет тридцати неодобрительно поглядывала на пацана, старательно выпевая слова очередного гимна.

— Очень. — Гийом, не оборачиваясь, быстрым шагом вышел с кухни.

* * *

На бал собрались все граждане планеты — кроме дряхлых стариков и совсем маленьких детей.

Шум стоял невыносимый, оркестр, в котором играли одни пеоны, видимо, подбирали по умению извлекать из инструментов наиболее громкие звуки, а не по мастерству.

— Ну, как вам у нас? — Тимур мрачно осмотрел зал. — Нравится?

— Скучновато, — честно признался Гийом. — Природа красивая, прислуга вышколенная, а вот заняться в свободное время почти нечем.

Вокруг Лайны собралось человек двадцать — почти все мужчины, присутствующие на празднике. Время от времени кто-то уговаривал ее потанцевать, и она кружилась со счастливым видом, пока остальные завистливо глазели на них. Гийом, усмехаясь, следил за сестрой. Лайна откровенно наслаждалась производимым эффектом, звонко хохотала, кокетничала. Тимур нервничал, чересчур старательно не обращая внимания на развеселившуюся баронессу.

— А ведь она красавица, — Гийом подмигнул собеседнику, чуть издеваясь. — Блестяще образованна, умна, целомудренна.

— Пойдемте, сир, я покажу вам кое-что интересное. — Тимур с трудом сглотнул и потянул Гийома за рукав.

Тот изобразил на лице скуку. Вот оно! Посмотрим, чем готовы поразить столичных снобов провинциальные аристократы. И если надежды оправдаются, то можно начинать партию.

Они прошли сквозь анфиладу залов, поднялись по широкой лестнице на два пролета, и там Тимур, прикоснувшись ладонью к детектору, открыл высокие узкие створки двери.

А дальше начиналась бездна — бездна сказочная, ослепительная, невыносимо прекрасная. В иссиня-черной пустоте вращались планеты, плыли шлейфы комет, вдали мерцала ласковым светом звезда.

— Голограмма? — выдавил пораженный Гийом.

— Нет. Натуральная модель, работы сеньора Станичи-старшего. — Тимур вошел, приглашая за собой гостя. — Сама она, конечно, небольшая, это всего лишь проекция, но поверьте — функционирует идеально. Система имеет прямой коннект с реальными объектами. Скажем, если к нам залетает астероид, он появляется и у меня.

— Во что же это вам обошлось?

— Оно того стоило.

Гийом кивнул. Зрелище зачаровывало — оно было много прекраснее того, что открывалось из иллюминаторов на корабле. Здесь Гийом ощущал себя причастным к чему-то величественному, словно находился внутри космоса, словно мог коснуться Бога или сам стать богом.

— Обратной связи, естественно, нет.

Тимур мог не говорить этого — понятное дело, сместить планету с курса, изменив данные в модели, не представлялось возможным. Но искушение... Искушение взять в ладонь мерцающий шарик, сжать его, осязая волшебное тепло, и на секунду поверить, что вершишь судьбы галактики...

— Зато вполне можно моделировать рукотворные объекты. Взгляните.

Взмахнув рукой, граф вызвал образ деки и, пробежав пальцами по мерцающим символам, создал космическую станцию.

— Если на орбите Медеры установить хороший орбитальный комплекс, то добычу урана можно увеличить вдвое. — Еще несколько касаний, и от комплекса протянулись пунктиры вглубь модели. — А если организовать челночные рейсы, то и вчетверо.

Гийом не разбирался в подобных тонкостях, но в данном случае вполне мог довериться собеседнику — тот четыре года изучал детали экономической астрографии в одном из лучших университетов галактики. Тимур создавал модели орбитальных перерабатывающих заводов, компрессорных станций, вспомогательных площадок. Увлеченно водил лазерным лучом по модели, вырисовывая новые и новые торговые маршруты, сыпал фактами, цифрами. Гийом с трудом подавил приступ зевоты.

— И тогда чистая прибыль, после вычета налогов и выплат метрополии, составит... — Сумма прозвучала непривычно, пугающе. Пожалуй, этих денег, даже малой толики их, хватило бы с лихвой на все, даже самые смелые проекты... Гийом оживился.

— Неужели? Так вы состоятельный гражданин, Тимур.

— О да! А если бы снять ограничения, установленные метрополией... Но увы... Парламент занят другим. — Тимур вздохнул и выключил деку.

— Послушайте. Вы... любите читать? — Рано! Гийом мысленно обругал себя. Следовало доверить это Лайне. Но что делать — разговор начат, и теперь отступать некуда. — Я имею в виду настоящие, бумажные книги?

— Видел, но не читал, — честно признался Тимур. — Это же архаика. Водить рукой по страницам, переворачивать их... Потеря времени.

Гийом нахмурился. Он прекрасно понимал, почему Тимур считает чтение архаикой. За последние несколько сотен лет человечество изменило свой геном, приобретя некоторые любопытные способности. К примеру, появилось умение приспосабливаться к жестким условиям чужих планет, стойкость к новым вирусам и возможность проводить в уме сложные расчеты.

А еще люди, почти случайно, приобрели возможность считывать информацию без помощи глаз. Достаточно было провести рукой по странице, чтобы узнать ее содержимое. Дети учились читать, кусая кубики с буквами, а на экзаменах ленивые студенты прятали шпаргалки, заполненные сверхмелкими абзацами текста, за щекой.

Потом обучение превратилось в виртуальный диалог преподаватель-студент, книги и учебники матрицами попадали сразу в память, и остались только неизменные кубики и пирамидки, развивающие детскую моторику. Гийом вздохнул.

— Все верно. Однако существует один вид чтения, который не покажется вам архаичным. Это настоящее наслаждение, это — торжество разума, единение со всеобщей человеческой культурой...

Гийом вовремя заметил, как исказилось лицо аристократа. Да, рано. Пусть бы еще чуть с ним поработала Лайна!

— Пожиратели книг? — В голосе Тимура послышалось пренебрежение, граничащее с отвращением, — Я слышал про эту секту. Фанатики собираются толпами, жрут какую-нибудь книжку, а потом впадают в экстаз и вступают друг с другом в греховные связи.

Это было поражение. Как теперь объяснить разницу между пожирателями — и вкушающими? Между отребьем, которое жрет все, что под руку попадает, причем порой целлюлозу, и при этом еще употребляет галлюциногены, и истинными аристократами духа, которые никогда не съедят что-то, вышедшее не из-под пера настоящего Мастера?

— Андрэ пишет стихи. Вы ведь знали это?

— Да, помню что-то такое. — Именно Андрэ де Луа договорился с графом Сен-Дорс о визите Гийома и Лайны. — Я слышал, он стал признанным поэтом? Он мне писал...

— Признанным? — Гийом судорожно подыскивал слова. — Андрэ гениален. Всё, что создано до него, можно смело бросать в огонь. Ни одна пьеса Шекспира, ни одна поэма Байрона недостойны служить даже подставкой для самой крошечной облатки, вышедшей с кухни де Луа. Но разве бы Андрэ стал таким, если бы однажды не попробовал книги на вкус! Это всего лишь шаг... Первый шаг к превращению в бога. Послушайте меня. Просто послушайте.

Тимур замер. В глазах его мелькнула заинтересованность. Скорее даже нарек на любопытство, но Гийом ухватился за эту искру и замолчал, давая Тимуру возможность осознать сказанное.

— И все же употреблять в пищу книги... Это ведь мерзко на вкус и основательно портит организм. Разве не так?

— Ни в коем случае. Настоящие ценители, те, кто называет себя «вкушающие», предпочитают кухонные издания. Я не настаиваю... Но ваша кухонная дека отлично подходит для кулинарного эксперимента!

* * *

— Ты уговорил его? — Лайна была в ярости. — Так нечестно! Я сама хотела! Черт, черт, черт!

Гийом блаженно распластался в кресле, во рту у него таяла третья облатка со стихотворением Андрэ де Луа. Скоро, скоро стихи кончатся — и тогда начнется ломка. Потом, если никто из старых друзей не пришлет свои новые вещи, придется писать свое, почти безвкусное, способное в лучшем случае снять физическую боль.

Гийом сморщился. Хотя каждый прием чужих шедевров усиливал его чувство текста, он прекрасно сознавал, что одаренность одаренности рознь. И пусть его — Гийома — считают гением крупной формы, все равно по мощности воздействия он никогда не сможет стать равным тому же Андрэ... Или Лайне...

А может, заставить Лайну засесть за продолжение трилогии? Вряд ли. Она скорее съест учебник по астронавигации, чем будет писать без вдохновения...

— Ну да ладно, ты все равно молодец. — Лайна привычно устроилась на коленях у брата. — Бал, кстати, прошел омерзительно. Мужчины здесь глупые и говорят только о политике.

— О чем именно? — вяло поинтересовался Гийом. В этот момент он чувствовал космические потоки, проходящие через его тело, — стихотворение было отличным, просто великолепным!

— О том, что метрополия берет слишком много, о том, что соседние планеты надо отдать под руководство Беатриче. Еще рассказали про отца Тимура, старого графа Сен-Дорс, которого фактически затравили в галактическом парламенте, хотя он вроде обещал, что увеличит добычу полезных ископаемых в несколько раз. И еще я заметила любопытную вещь — похоже, нашего юного хозяина побаиваются. Едва я начинала расспросы, как все замолкали. Странно.

Что-то насторожило Гийома в последней фразе, но он был не в состоянии думать, просто решил позже вспомнить этот обрывок диалога и проанализировать его.

Через час он вошел на кухню, где некоторое время втолковывал пеонам, что ему от них нужно. Потом включил местную деку и за две минуты перекинул со своей несколько стихотворений Бриана Джеймса, эссе Яко Аматиро и два рассказа Лайны. Это были очень вкусные, яркие вещи, если бы он сам начинал с таких, то сейчас бы писал куда лучше.

Выйдя во двор, он застал там потрясающую картину: на расчерченной площадке десяток детей-пеонов играли в странную игру. Они бегали, удаляли по мячику дубинкой и все время что-то орали.

Понять суть забавы Гийому не удалось, зато он увидел нечто, чего быть не могло по определению: дети играли за две команды! А ведь пеонам, даже самым слабым моделям, специально срезали стремление к соревнованию! Причем — без вариантов. Пеоны делятся последним, хором поют самые любимые свои песни и помогают друг другу и хозяевам в любой ситуации.

Они никогда не объединятся вдвоем против третьего, никогда не поймут азарта спортивных соревнований, никогда не поднимут бунт.

Хотя нет — при определенных условиях взбунтоваться все же могут. Тут генетики только руками разводят — мол, сделали что смогли, все вырезали, можете проверить. Но иногда, если пеонов становится очень много, и среди них преобладают модели старше восьмой, клоны поднимают восстание. Они вырезают всех граждан, устанавливают какое-то подобие охлократического правления, а потом сопротивляются карателям до последнего вдоха.

Естественно, их всех уничтожают.

* * *

Гийом подозвал того мальчишку с кухни. Его звали Робер. И это тоже было странно — пеоны, как правило, обходились без имен; иногда для удобства хозяев их всех называли одним именем. Например, женщин — Граби, мужчин — Грабо.

Хотя чаще просто, без определения пола — «Пеон».

— А что еще вы проходите в школе? — Гийом чувствовал, что лучше не лезть не в свое дело, но эмоциональный подъем после стихотворения де Луа требовал действий, может даже — борьбы за справедливость. Для хорошей поэзии это было нормально, эмоциональный выплеск автора рождал в душе вкушающего стихи настоящую бурю.

— Да вроде больше ничего. Алгебра, три вида геометрии, механика. Старшие классы еще тактику изучают. Правда, что на Земле нет пеонов?

— Правда.

— А почему? — Мальчишка аж напрягся всем телом. За прошедший день он умудрился выспросить кое-что о метрополии, но узнанное только разбудило его интерес.

— Потому что клонирование на Земле запрещено законом и всегда было запрещено. В первую эпоху колонизации доставлять на новые планеты людей оказалось очень дорого, и корпорации, которые покупали концессии на звездные системы, клонировали людей втайне, незаконно. А когда истина стала очевидной, Земля уже слишком зависела от колоний. Правительству Метрополии пришлось узаконить отношения клонов и людей за пределами своей планеты, но у себя они никогда бы не смогли создать такую систему, просто не провели бы это через парламент и ассамблею.

— Ничего не понимаю, — честно признался Робер. — Но все равно интересно.

— Ну, в общем, на Земле нельзя делать таких, как вы, потому что там и так не хватает еды, и работы для пеонов нет. А на других планетах работы и еды много, и потому там есть вы.

— Вот теперь понятно! — в восторге мальчик хлопнул влажной ладошкой по стене. — И что, если пеон попадет на Землю, то его сразу убьют?

Интересная постановка вопроса... Гийом задумался, как ответить на такой вопрос.

— Нет, конечно. Его просто отправят обратно. Да и вообще, ни один пеон до Земли не доберется — для космических перелетов необходимо гражданство.

— Я — доберусь, — пообещал Робер и с внезапной злобой посмотрел на Гийома. — Стану взрослым и доберусь. Хозяин обещал! Да я и сам справлюсь. — Мальчишка топнул ногой, обутой в тугой сапожок.

— Скажи-ка, Робер. А тебе нравится твой хозяин?

Мальчик вдруг съжился и из чумазого сорванца превратился в обычного вторичника, каких миллионы. Отчего-то вдруг у него помутнели глаза, и он задрожал. Гийом на секунду задумался о метаморфозе, но тут же перестал интересоваться мальчишкой — действие облатки проходило, хотелось спать.

* * *

— Не так. — Лайна уже устала объяснять — сказать по правде, учитель из молодой женщины был никакой, но зато ученики мужского пола не устали с ней заниматься. — Вначале надо раскрыться.

Тимур в отчаянии сплюнул недожеванную облатку. Что значит «раскрыться»? Он уже и расслаблялся, и медитировал на раскрытую устрицу, и стоял, как дурак, с растопыренными пальцами, открытым ртом и расслабленными ногами, разве что ушами не шевелил.

— Как?

— Ну... Не знаю. — Гийом опять пропал где-то во дворе, и Лайна всерьез подумывала изменить брату с этим молодым графом. Просто из мести.

Тимур взял следующую облатку, скептически осмотрел ее со всех сторон — хлебец как хлебец, бесцветные ароматические чернила не проявляются.

Выходит, генетические изменения сделали иммунную систему более гибкой, и теперь она защищает организм не только от физических болезней, но и от информационных вирусов. Поэтому все прочитанное проходит через ряд фильтров, и наслаждение от вкушения книг теряется.

— Не знаю. — Лайна начала терять терпение. — По-моему, это просто. Берешь облатку, раскрываешься, кладешь ее на язык и наслаждаешься. Я за десять минут научилась!

Тимур попробовал еще раз. И вновь выплюнул хлебец — текст он считал, но ни о каком удовольствии и речи не было.

— Раскройся. Просто отпусти сознание. Ну! — Лайна уже злилась.

Когда оставалась последняя облатка, его вдруг озарило — а может, надо почувствовать себя пеоном? Таким же серым, бесцветным, гладким, ясным?

Вторичников Тимур наблюдал ежедневно, с самого детства, но представить себя в этой роли не получалось. Лайна подошла со спины. Прижалась. Одарила яблочным ароматом длинных волос. Прошптала что-то на выдохе.

И у Тимура получилось. Блаженство было непередаваемым. Стилистические конструкции небольшого рассказа Лайны, закрученные вокруг повторяющихся слов, были идеальны. Гармония последовательностей слогов, вкрапления предлогов и союзов, артиклей и окончаний...

Каждое слово рассказа вошло в него крепче, чем трижды наложенные матрицы. Он не только помнил слова и предложения, он чувствовал душу Лайны, он глотал ее вместе с описаниями и диалогами, разжевывая безвкусную материю и возносясь на небеса.

— Это... Невероятно!

Лайна довольно улыбнулась. Чмокнула Тимура в щеку. Ну и славно! Две-три недели, а потом достаточно будет сказать, что всё! Больше у них нет новых произведений. И предложить меняться — его собственные рассказы или стихи за чужие. Два-три дня ломки, и парень начнет писать. А судя по отзывам того же Андрэ, писать Тимур умеет неплохо — что же будет после облаток?

* * *

— Вымерли. Как мамонты. Ах да, тебе же это ничего не говорит. Ну, в общем, на Земле сформировалась крупная корпорация, которая включила в себя все остальные и приняла функции правительства. Часть колоний отстояла свою независимость, как Беатриче, а часть нет — как Медера или Кандера. Но постепенно колонии отделяются, Земля не имеет возможности контролировать всех. Это естественный процесс.

Беседы с маленьким Робером неожиданно увлекли Гийома. В молодости, участвуя в сборищах пожирателей книг, он стерилизовался, чтобы не стать случайно отцом ребенка — в метрополии крайне чутко относились к правам детей, и это могло поставить крест на развлечениях.

Но теперь Гийом подумывал выложить круглую сумму за операцию по восстановлению репродуктивной функции. Странно, что именно этот маленький вторичник заставил задуматься о своих детях. Действительно, странно.

Правда, тогда встанет вопрос о матери: Лайна — умница и красавица, и в постели потрясающа, но если заводить ребенка, то уж никак не от родной сестры.

— А правда, что пеоны — не люди? — Робер сделал вид, что вопрос ему не интересен — за несколько дней общения с Гийомом он научился хитрить, правда, пока не очень умело.

— Кто такое тебе сказал?

— Хозяин. Он сказал, что есть люди — это те, кто может стать гражданами, и есть пеоны. И что у нас гены разные.

— Имеет место софистическое извращение. — Гийом понял, что собеседник не уловил его мысли, но увлеченно продолжил: — Если проще, то гены

действительно разные, но изначально есть только люди, а потом уже происходит разделение на граждан и пеонов. Так что не волнуйся, ты вполне человек.

— А еще хозяин говорил, что... — Мальчик резко замолчал. Повернулся и быстрым, по-взрослому уверенным шагом направился в дом. Гийом изумленно глядел ему вслед.

* * *

— Что-то идет не так. — Лайна закинула ногу за валик дивана, покачивая точеной ступней перед носом Гийома. — Посмотри. Он уже четвертый день без новых вещей — и никакой ломки! Я ему ничего-ничегошеньки не давала, а он терпит. Не мог же Тимур найти гения словесности прямо здесь?

Ее брат и любовник сидел на полу, лениво изучая книгу по политологии.

— Гийом, ты вообще здесь или где? Мы зачем сюда прилетели? У меня появляется подозрение, что ты окончательно выжил из ума и нашел себе пеонку поглупее для воплощения в жизнь неизвестных мне извращенных сексуальных фантазий!

Гийома передернуло — секс с пеонкой... Это хуже, чем с ребенком, чем с сумасшедшей, чем с животным! Ну и, конечно, его несколько удивил сам факт, что, оказывается, бывают какие-то извращения, которых не знает его сестра.

— Я схожу на кухню.

— Опять? — Лайна взвилась. — Слышишь! Все идет не так! У Тимура не началась ломка, ты совсем меня забросил, пропадаешь неизвестно где, у нас заканчиваются книги, лично я завтра доем последнюю облатку! И что? Жрать твои бездарные опусы? Или книги из местной библиотеки отнести на кухню? Или, может, просто перейти на целлюлозу и бродить по саду, истекая пенной слюной! Почему он не пишет? Почему?

У нее начиналась истерика. Это не удивляло — Лайна наверняка уже ограничивала себя в стихах и рассказах, растягивая облатку на день, а то и на два. Расплатой за это была если и не конвульсивная истерика, то уж предвестница ее — постоянная нервозность.

Гийом, к собственному изумлению, наоборот, с легкостью уменьшил количество потребляемых облаток. Более того, он чувствовал, как на него потихоньку накатывает — еще немного, и он сядет за повесть. А то и за роман!

— Я на кухню, — неизвестно зачем повторил он, выходя в коридор. Сзади о закрывающуюся дверь что-то разбилось — видимо, бокал с соком, ранее стоявший на столике возле дивана.

* * *

Корабль с почтой Лайна встречала прямо на космодроме. Гийом составил ей компанию, но не ради груза — его беспокоило состояние сестры.

И действительно, не успели еще пеоны разгрузить корабль полностью, как женщина нашла среди пакетов и вакуумных коробок послание «для Гийома и Лайны».

После прикосновения пальца пакет открылся, и женщина вынула два риды с информацией и настоящую маленькую книжицу — очевидно, кто-то из друзей издал специально для своих сборник стихотворений или рассказов.

Лайна, не стесняясь присутствующих пеонов и Гийома, вырвала первую страницу и, скомкав, засунула ее себе в рот, тут же с отвращением выплюнув — очевидно, она уже ела этот кусок текста.

Затем она раскрыла книгу на середине и выдрала страницу оттуда, скомкала и эту, и буквально пожрала ее.

На лице Лайны отразилось дикое, грязное удовольствие — Гийом уже видел это выражение, этот блуждающий взгляд во время их совместных сексуальных экспериментов.

Давясь и судорожно сглатывая, женщина всхлипывала от удовольствия. Тонкие пальцы тряслись, губы растягивались в неприятном оскале.

Не выдержав этой сцены, Гийом развернулся и пошел к космояхте, взятой на время у их гостеприимного хозяина. Ему показалось, что за дальним модулем наблюдательной вышки мелькнул знакомый силуэт. Неужели Тимур? Что ему здесь делать?

* * *

Лайна, уже вполне оправившись и даже извинившись перед братом за свое поведение, впала в другую крайность. Переживания последних дней так сильно на нее повлияли, что проснулось дремавшее ранее вдохновение, и из-под ее пера рождались новые строчки.

Сам Гийом тоже писал — осторожно, подбирая слова, часто останавливаясь и сверяясь с другими книгами.

— Дашь потом пожевать? — игриво спрашивала Лайна, на что брат лаконично отвечал покачиванием головы — нет, не дам.

Уверенная, что это — следствие безобразной сцены в космопорте, сестра ластилась к нему все время, которое не было занято написанием собственного шедевра.

Ночами они искали утешения друг у друга — и находили его. Казалось, творческий подъем разбудил что-то в их отношениях, мир вокруг стал объемным, приобретая нечто, доселе неведомое.

— А может, ну его? — спросила Лайна далеко за полночь, раскинувшись в кровати, когда обнаженный любовник в приступе вдохновения достал деку. — Останемся здесь, будем просто менять почту — Андрэ пошлем пакет Бриана, Бриану — пакет Ильяза, ну и так далее. А они нам все будут присылать свое. Тут так хорошо пишется! Ну честное слово, Гийом, давай останемся! Возможно, я сумею повлиять на Тимура, и тогда у нас появится вкусенькое.

Но Гийом только покачал головой — нет, не останемся.

Лайна встала, подошла к брату и прижалась к нему.

— Я люблю тебя.

— Я тоже, не мешай! — отвечал Гийом, ожесточенно набивая текст.

* * *

Гийом прятался от всех, и в первую очередь от собственной сестры, за тяжелой портьерой, скрывающей целую стену с рядом окон в гостиной. Впрочем, Лайна уже спала. Текст шел настолько удачно, что терять время на сон казалось огромной глупостью. Гийом поднялся с раскладного кресла, чтобы размять затекшие ноги, подошел к серому окну и уже было распахнул шторы, как знакомый голосок из-за портьеры сзади Гийома заставил его замереть.

— Да, хозяин! Конечно, хозяин! — Робер стоял в центре комнаты, вытянувшись в струнку. На напряженном мальчишеском лице застыл страх. Или даже панический ужас.

— И не забывай — ты недочеловек!

— Я помню, хозяин. — Голос звенел, будто старинный колокольчик. Гийом видел такие в доме у Андрэ — тот увлекался коллекционированием древностей.

Кулаки гостя сжались. Ему невыносимо захотелось выйти из-за портьеры и вмазать как следует по молодому, надменному лицу хозяина, швырнуть худощавое тело в пыль и топтать долго и беспощадно.

Рука Гийома машинально потянулась к карману, где хранилась уже готовая к употреблению облатка. Тонкая, нежная, прилипающая к языку, дающая наслаждение и отнимающая человечность.

Рифмы, строфы, переплетения метафор растаяли во рту. Ничего, завтра будет новый день. Последние строки уже внесены с невесомой деки, сладость грядущей мести затопила Гийома.

Вернувшись в свои апартаменты, он обнаружил, что Лайна уже спала. Но спала слишком соблазнительно!

* * *

— А почему ты уверен, что это сработает?

Гийом не собирался рассказывать свой план Лайне, но обстоятельства требовали ее помощи — а взбалмошная сестрица напрочь отказалась участвовать в аванюре, пока брат ей все не расскажет.

— Помнишь сумасшедших пожирателей на Земле? Они ведь с ума сошли не от плохой литературы, а от логических нестыковок. Представляешь — две-три нестыковки в книге, несколько книг — и все. А в моем рассказе все очень литературно, красиво — лучшая моя вещь! — но при этом логические связи нарушены, причем везде, в каждом абзаце, в каждом куске — по-разному.

— Я бы точно рехнулась. — Лайна повела плечами, словно от холода. — Все-таки в нашей семье урод — ты, а не я.

Они поднимались по лестнице, Тимур, одетый в парадный сюртук, уже ждал их.

— Ну? Где? — Теперь гостеприимный хозяин не казался железным, все-таки организм поддался отраве!

Лайна торжествующе улыбнулась и протянула Тимуру хлебец.

— Ууу... — с наслаждением произнес тот. — Блаженство....

Он закрыл глаза, растянул рот в улыбке и стоял, покачиваясь, с минуту. Потом еще минуту.

А потом открыл глаза и еще раз улыбнулся, но на этот раз злорадно:

— Что? Не вышло? — «В рабстве есть небольшой недостаток — оно лишает достоинства хозяина»? И ведь как ритм сломан, какое изящное решение после предыдущей фразы!

Гийом побледнел. Этого не могло быть! Тимур должен был сойти с ума!

— Но... Как?

— Все просто. — Хозяин дома быстрым шагом пересек свою комнату и распахнул дверцы шкафа. Там стояли контейнеры с десятками — нет, с сотнями и тысячами облаток. — Здесь вся военная мудрость нашей цивилизации. Четкая, последовательная, ясная. Вы были нужны мне — чтобы научиться есть книги. И теперь я впитываю в себя том за томом, проникаю разумом в планы ведущих стратегов прошлого, чувствую, как нужно думать, как воспринимать окружающий мир! Это — чудо.

— Ты не сошел с ума, — мрачно констатировала Лайна.

— Естественно. Я знал об опасности пожирания книг и вкусил только одну вашу облатку — первую, когда научился раскрываться. А потом — не мог же я так рисковать, отключая иммунную систему перед поеданием непроверенных книг? Время показало — я был прав!

— Ты не сошел с ума, — повторила вдруг Лайна, — потому что всегда был сумасшедшим, а не потому что оставил иммунку включенной. Господи единственный и праведный, отказаться от таланта, от гениальности, от наслаждения высоким — ради сухих манускриптов по тактике? Ради мемуаров сморщенных импотентов-генералов?

Ее несло. Лайна попыталась дать Тимуру пощечину, но тот легко перехватил руку и — очень вежливо для подобной ситуации — оттолкнул девушку от себя.

— Ради чего? — до противности высоким голосом орала Лайна.

— Ради власти, — тихо произнес хозяин. И — о чудо — Лайна успокоилась. — Вам не понять. Отец готовил офицеров для нашей армии — пеонов, у которых не ограничены интеллект и инстинкты. А потом его подло убили, а я вынужден был вернуться сюда, в глушь, где в среднем образовании гражданина — базовый курс матриц плюс умение считать до тысячи в уме. А ведь я мечтал стать великим поэтом или художником! И здесь я увидел их — детей-пеонов. Власть над тупыми пеонами — ничто. Ноль. Но если их не ограничивать — то ноль превращается в зеро, и ты срываешь галактический банк.

— Зачем ты нам это говоришь? — Гийом огляделся в поисках подходящего оружия — молодой, спортивный с виду аристократ наверняка с легкостью его победит в честном поединке.

И вдруг заметил, что сквозь приоткрытую дверь — а кого бояться хозяину? — за ними наблюдает Робер.

— А кому я еще это скажу? Все остальные не собираются умирать через несколько минут после моих откровений. — Подтверждая опасения земля-

нина, Тимур достал из кармана портативный военный лагерь. — Ваша смерть будет потерей для общемировой литературы...

— Подожди. — Гийом демонстративно отвернулся, показывая, что совершать глупости не собирается. — Но ведь пеонов все равно убьют. Ты захватишь свою систему, потом начнешь переговоры с метрополией, и они принудят тебя уничтожить всех пеонов, чье развитие прошло вне стандартной классификации! А как же твоя власть?

— Ну и уничтожу! И что? Новых наклепаем — метрополия здесь будет очень слаба.

Тимур наслаждался моментом. Он достал из кармана сюртука облатку и положил ее на язык.

— Да... — тихо прошептал аристократ. — Это — настоящее...

А через минуту упал на пол с дыркой во лбу. Выстрела слышно не было — взглянув в сторону дверей, Гийом понял причину. В руках у мальчишки находился скукоженный, деформированный кусок пластика — пожалуй, единственное доступное пеонам оружие.

— Если вы и теперь откажетесь показать мне Землю, то я и вас убью, — честно признался Робер, входя в комнату.

— Из однозарядных строительных склеивателей второй раз не выстрелить. — Гийом посмотрел на несостоявшегося тирана, пнул его ногой и автоматически полез в карман за новой облаткой. — А ты вовремя.

* * *

Земля встречала путешественников негостеприимно. Уж лучше бы на таможене сидели пеоны — те не вымогают взятки, не сморкаются в рукав и не пытаются предложить тебе «самые чистые наркотики», демонстративно включив на столе «глушилку».

— Какие новости за последние пару лет? — спросил Гийом, когда с формальностями было покончено. Документы Робера, изготовленные настоящими профессионалами на Марсе, сомнений не вызвали. — Из тех, которые не просачиваются по официальным каналам?

— Пожирателей на закрытом заседании ассамблеи объявили тоталитарной сектой и теперь отлавливают по всей планете. — Офицер в очередной раз высморкался в рукав. — Запирают их в мнемоблоки и пытаются лечить, но они ни хрена не лечатся.

— Давно пора! Жрут всякую мерзость, да еще и непотребством занимаются. — Лайна, поймав одобрительный взгляд таможенника, улыбнулась Роберу. Парень рос не по дням, а по часам, превращаясь из угловатого подростка в очаровательного юношу.

А еще у него получались потрясающие по вкусу стихи!

Но Гийом все равно не ревновал Лайну.

НИКА РАКИТИНА, МИХАИЛ БОБРОВ

ПОЧТИ ЕГО ДОМ

«Я — риэлтер...»

В О, ОПЯТЬ ЖМУРА ПОВЕЗЛИ, — РУКА МИЛЫ ДРОГНУЛА под локтем Бориса, и Хованский невольно перевел глаза на темно-зеленую «скорую», в задние двери которой два санитара пропихивали носилки с чем-то, укрытым домашним розовым покрывалом. Рядом покуривали милиционеры. По Борису скользнули взглядами, а с Милой раскланялись. Не только потому, что красавица. Была Борина подруга без пяти минут майором милиции. Хованский все недоумевал, как можно достичь столь высокого звания в столь нестаром возрасте — Мила Подкова не справила еще тридцатилетие. Были у него и еще вопросы. Откуда, скажем, произошла Милина фамилия? Неужто, правда, прабабка, вдова кузнеца, могла лошадь на скаку подковать? Судя по Миле, могла: была без пяти майор, не толстая, а крепкая, и высокая — на каблуках становилась повыше Бориса. Хотя и парня Бог ростом не обделил — 184 сантиметра с половиной. Шатен, глаза серые, стройный. Еще бы — работа нервная. И весь день на ногах.

В который раз залюбовался Хованский подругой: румянцем во всю смуглую щеку, густыми темными кудрями, слегка прикрывающими выпуклый лоб, пухлыми губами — была у Милы привычка их грызть, чтобы делались ярче. Борис давно бы предложил ей руку и сердце, если бы не довесок в образе мегеры-тещи при полном отсутствии собственной жилплощади. Извечная наша беда — сапожник без сапог.

— Так он что, не первый? — отстранился он от мрачных рассуждений.

Мила обдернула короткую кожаную юбку:

— А то. Третий... Или уже четвертый? Нет, точно третий.

Они стояли на улице 8-ая Иногородняя. Судя по названию, таких в городе имелось еще семь. Хованский в который раз посетовал на бедность фантазии городских властей. Были на улице два одинаковых дома — деревянных, довоенной постройки — из почерневших бревен, с высокими окнами и мезонином, подпертым точеным столбиком. Столбик этот приходился ровно на середину арочного окна. Крыши у домов были жестяные, нуждающиеся в покраске, заборы покосились. Даже странно, что такие дома сохранились почти в центре города, среди многоэтажек. Вместо второй стороны улицы была железная дорога и высокий пешеходный мост. Хованский обожал смотреть на разводку поездов и Милу с собой притащил. Похоже, зря.

— Нас заставили дело открыть, — ворчала Мила. — Говорят, вон, чекисты — славные ребята, взяток не берут. А вы что?

— А что вы?

— А нам и не дает никто! — Мила топнула ногой. — Ну, залез один бомж ночевать — и помер. Следов никаких, все естественно. Констатировали сердечный приступ и увезли. А через день еще один заполз — и тоже, того.

Она опять топнула, выбив каблукком облачко пыли.

— А за ним третий. И лезут, и лезут. А нам «висяк».

Хованский знал: «висяк» — это преступление, в котором найти и осудить никого не сумели. Что портит план по раскрываемости. Он любил детективы, даже женские.

— А вы что?

Подкова сердито взмахнула рукой.

— А мы тут перерыли все, эксперты чуть не через решето всю пыль просеяли. И ничего. Хотя... была одна странность.

— Какая? — вообразив, как к приезду милиции у покойных бомжей прирастают к шеям откушенные вампирами головы, с замиранием сердца спросил Борис.

Мила отмахнулась:

— Да так. Ничего при них не было: ни еды, ни бутылок. Пойдем?

Они неторопливо стали подниматься на мост. Мила придержала разлетевшиеся от сентябрьского ветра волосы. Хованский подумал предложить ей свой пиджак, но не стал. Несмотря на внешность и аристократизм фамилии, за девушками он ухаживать толком не умел и жутко стеснялся.

— Так может, их ограбил кто?

Подкова насмешливо дернула головой:

— Счас же. Ни один в здравом уме...

— Так может, в нездравом?

— Боря... — в голосе без пяти минут майора прозвучали сердитые нотки. — Не выдумывай. И отстань. Выходной у меня. Я там вообще ходить не люблю.

— Почему? — нелепо спросил Хованский.

— А потому. Группа все осмотрела и уехала, а меня жмура сторожить оставили.

— Днем?

— Ну и что, — она пожала плечами. Мила так пожимала плечами, что у Бориса горло схватывало от нежности. — Труповозка не едет и не едет. Два часа — а все не едет. Бомж под покрывалом лежит. Прохожие его обходят, хоть бы кто остановился, спросил, что такое. А в крапиве...

Мила решительно потянула Бориса назад: похоже, в его присутствии она не трусила. Они подошли к дому — первому, если считать от Советской. Дом делился на две половины. В одной, судя по аккуратному огороду за проволочной сеткой, белью на веревке и тюлю на окнах, кто-то жил. Во второй как раз и происходили убийства. Или внезапные смерти — раз уж эксперты их как убийства не квалифицировали. Окна в этой половине были заложены фанерой и картоном, дверь забита, зато торцовая стена наполовину отсутствовала. Как и забор вокруг. Кто-то заложил дыру сухой здоровенной веткой, точно надеясь подобным образом оборвать приход несанкционированных жильцов.

Зря старался! Еще вокруг дыры имелись изрядные заросли бурьяна и желтеющей крапивы. Заросли были помяты и потоптаны, но все равно внушали уважение. А вот из дыры воняло. И потому Борис заглядывать туда не стал.

— Вот тут покойник лежит, — повествовала Мила, удивительно ловко бегая на своих каблуках по пересеченной местности, — тут я стою. А тут...

Она передернула плечами, и Борис потянул, наконец, с себя куртку. Но так и держал в руках. Собирался с духом. Странно! Вроде с клиентами не стесняется разговаривать.

— А тут — шуршит, — торжествующе докончила Мила.

Милицейеры докурили, погрузились в желто-синий «газик» и отъехали. Никто ходить и разглядывать место не мешал. Борис тихо этому радовался. И тому, что тепло. И что выходной, и можно не торопиться. И что Мила с ним.

— Кот?

— Я вся потом облилась. Та-ак противно шуршало. И ни живого духа вокруг.

— А прохожие?

Она фыркнула.

Борис снова заглянул в дыру:

— Так может, тут аномальная зона?

— Ха, — Мила показала блестящие зубы. — Мы когда место осматривали, там как раз котиче сидел.

Хованский, ярый поклонник газет «Строго секретно» и «Аномальная зона», хотел объяснить подруге, что как раз коты-то обожают эти самые зоны. Но не стал. Мила была невероятно красивой, но сугубо рациональной женщиной.

— Они от сердечного приступа умерли?

— Ну...

— Может, их напугал кто?

— Кто?

— Злые соседи.

Она рассмеялась. Она смеялась так красиво, что Борис с трудом сдержался, чтобы Милу не обнять. И красная кофточка, и кожаная юбка ей удивительно шли.

— Мы проверили. Там бабка с дедкой живут, божьи одуванчики. Хотя недовольства не скрывают. Ведь маргиналы и пожар устроить могут. Они даже попа звали дом освятить.

— Освятил?

Подкова кивнула.

— А как его звали?

— Отец Никодим. Он в Касьяновской церкви служит, в Залинейном. Но толку чуть.

Борис, старательно поглядывая под ноги, осмотрел заросли..

— А может, здесь ртуть разлита? Или радиация?

— Баба с дедом в этом доме пятьдесят лет живут. И живы. Все, пошли.

И они пошли. И гуляли до вечера. Но загадка не оставляла Бориса в покое.

— Мила, — спросил он в перерывах между поцелуями у подъезда — как подростки, прямо. Но что делать, если жилплощади нет? — ты как, сильно покойников боишься?

— Кто? Я?! — Подкова покрутила у виска пальцем с малиновым лаком на безупречном ногте.

И Хованский решил, что купит этот дом. Однозначно.

— Я риэлтер.

— Кто? — худосочная старушка в темном платке, узлом завязанном на лбу, удивилась так, что бросила свои сорняки. Разогнувшись, отставила тяпку на длинной ручке и заорала:

— Ваня! Поди сюда!

Вышел дедушка с рыболовной сеткой и челноком в руках: очевидно, чинил или плел новую. Запнулся о свисающую с челнока нить, скривил губы: не ругаться же при госте.

— Тут пришли... — сообщила бабушка, прячась за свою мотыгу.

Борис представился. Старики согласно покивали. Хованский сказал, что хочет купить соседние полдома. Дед с бабкой переглянулись и закивали опять.

— Так, значит, риэлтер — это по нечистой силе специалист, так будет? — подмигнула бабка, переставая тянуться к тяпке при каждом движении гостя.

Борис сверкнул самой профессиональной из своих улыбок:

— Я торгую недвижимостью. Покупаю и продаю дома. Помогаю с оформлением документов. Вот! — Хованский протянул несколько визиток.

Дедушка осторожно взял маленький белый прямоугольник коричневой морщинистой рукой, повертел. Борис уже думал, что вот-вот на свет появятся очки с неременной сломанной дужкой, но дед Иван прекрасно видел и без них.

— Это ты, сынок, с моим шурином в одном здании сидишь, таможенник он, вишь. Адрес я этот знаю... — удовлетворенно пробормотал старик. — Ну, так ты садись вон туда, под яблоню, а то в доме у меня сеть расстелена, запутаешься, грохнешься и костюм попортишь... — дед Иван легонько подтолкнул гостя к скамье, а потом махнул рукой бабушке.

— Может, не надо? — попробовал сопротивляться Борис.

— Да на сухую не расскажешь! — возразил Иван. — А и расскажу, так ты же не поверишь... Шурин вон не поверил. Так ить у него служба такая: родному человеку не верить.

На разошедшемся столе возникла маленькая пузатая бутылочка с молоком; затем такая же игрушечная тарелочка с колбасой и двумя кусками хлеба. Бабка присела на табурет напротив.

— Крашенный! — спохватился дед; старушка только рукой махнула:

— Завчера красил, должно уже высохнуть... Ты давай сначала, вишь от прежних хозяев говори... А вы пейте, не стесняйтесь...

Дед уже наливал странного вида молоко в небольшие стаканчики. Только поднеся свою посудину ко рту, Хованский разобрал, что в ней — белый

самогон. Но отступать было поздно. «В следующий раз сразу скажу, что язвенник», — отстраненно подумал риэлтер, пока самогон добирался до желудка. — «Жаль, машины нет... Сказал бы — за рулем, и все дела...»

Тут в желудке взорвалась мягкая бомба, и на несколько секунд Борис выпал из реальности. Историю того, как соседи купили дом и почему выехали, он благополучно прохлопал. Тем более что случилось это лет двадцать назад. К смерти бомжей это вряд ли имело отношение. Разве что мумия любимого кота взялась мстить за поруганное гнездо. «Сводить Милу на «Мумию», в кинотеатре Калинина по вечерам идет?» — но тут старик перешел к тому, чего Борис еще не знал, и посторонние мысли сами собой улетучились.

— ...Так верно тебе говорю! Один только и выжил из этих несчастных колдырей! — заявил старик, как будто сам только что не вломил три по пятьдесят. — Колдырь, — пояснил дедушка, лениво нюхая колбасу, — это такой в дупель спившийся алкаш. А дупель — это...

— Ты давай не отвлекайся, старый! — подтолкнула сюжет бабка — Ты давай про то, как попа вызывали. А дупель твой ему, как жо...е дверцы! Ить человек собрался дом покупать, так пусть потом не говорит, что не предупредили мы его!

— Ну да... — Иван согласно покивал головой и привычно опрокинул в рот четвертую — совершенно пустую — стопку. Удивился:

— Маленькая была бутылка... О чем это мы? Ага, священник... Отец Николай...

— Никодим! — поправила старушка. — Из мужского монастыря...

— А ты и рада! — фыркнул дед. — Ни одного мужика не пропустишь!

— Так что отец Никодим? — напомнил о себе Хованский.

— А ничего! — победоносно задрал голову дед. — Побегал тут, кадилом в крыжовнике запутался... Пять уев взял... Ну, песни его мальчишки тут поели, трое было их.

— И не кадило у него было, а кропильница! — поправила сурово старушка.

— А разница! — дед махнул невидимой шашкой, согнав с остатков колбасы осу. — Ить, сказал, ничего-де нетути, и все то суеверия... А назавтра опять колдырь дохлый! Ить сами боимся-то, вона старуха всю стену образами завесила!.. А главное, Бориска, главное-то... — дед доверительно наклонился через стол:

— Тишина! Ни криков там или стонов. Милиция же про это все-все выспрашивала! И шума драки не слыжали-де; и от старости мы-де оглохшие, или там спим как сурки... Да какой же тут сон! — подскочил дед Иван, ткнулся головой в низко нависшую ветку, не заметил этого и сел обратно.

— А этого... уцелевшего... найти как можно?

Бабуля покивала одобрительно:

— Основательный ты, внучек, и хорошо это... Найди, он возле «Копилки» завсегда лежит. Там ему кто рубль бросит, а магазин дешевый — тем и живет. И узнай у него все подробности. За стаканчик он тебе все расскажет...

Дед Иван обиделся:

— Дрянный магазин! Ишь наклонился товар посмотреть, так пристали, что я чегой-то взял взапазуху! А витрина-то была с прокладками вообще! Это я, значит, артиллерист в третьем поколении, буду у них тамперсы красть!

— Иди, старый, поспи... — бабушка ласково толкнула «артиллериста» в сторону дома. — Я сама гостя провожу... Ты уж, внучек, не обижайся. Он у меня двадцать лет на сверхсрочной оттоптал.

«Соседи хорошие, — подумал риэлтер. — И участок почти в самом центре... А что у нас шеф все время говорит? «У недвижимости есть три ключевых качества. Во-первых, расположение. Во-вторых, расположение. И в третьих, тоже расположение». Дом старый и полуразрушенный — можно взять пусть не совсем за копейки, но может, даже, без кредита обойдусь. А Мила-то как будет рада: свой дом, и троллейбус в двух шагах».

Гостеприимная бабка закрыла за ним калитку и незаметно перекрестила след.

Бомж был правильный. То есть классический. И одежда — крепкая, но замызганная, и ботинки — держатся, но растоптаны и перекошены. И небритая рожа. А вонь Борис почуял метров с пяти.

Бомж располагался на двух картонках, и по тому, как далеко его обходили люди, можно было судить, кто из них страдает насморком. Борис насморком не страдал. К сожалению.

Элегантно прикрыв платком лицо, он остановился напротив. Как разговаривать с бомжами, он не слишком представлял. Ничего не придумав, начал с банального:

— Привет.

Бомж кивнул и что-то неразборчиво пробурчал.

— Выпить хочешь?

— А есть?

— Чего есть? — удивился Борис.

— Выпить есть? — совершенно человеческим голосом отозвался бомж. Вонь усилилась. Риэлтер вздохнул. Пошелкав цифровым замком дипломата, извлек из кожаного нутра бутылку «Гвардейской».

— О, белянская! — обрадовался бомж. — Меня Вася звать. А тебя?

Борис захлопал ресницами и живо вспомнил ритуал представления, принятый в их конторе. И опять прижал платок к лицу.

— Ты чо, больной? — удивился бомж, откуда-то из-под себя вытаскивая стакан. Тоже классический — граненую «двухсотпятидесятку». Борис представил, как Василий должен трястись над этим своим имуществом, и ему поплохело. Был человек, жил человек, а тут... стакан напоминает о доме...

— Наливай. Чего тормозишь? Сырок сейчас возьмем. Давай рубля.

— Потом, — сказал Борис. — Мне с тобой поговорить надо.

Бомж выпил, нюхнул рукав и поднял на риэлтера водянистые глаза:

— Что, опять интервью про платные сортиры?

Хованский мягко опустил на ступеньку, забыв про неприятный запах. Поддержал рукою челюсть.

— Ты... вы в этом доме... ночевали?

Бомж вздрогнул: стало ясно, что уточнять, в каком доме, не придется.

— Ну тя... в жо... с такими шутками. Я оттуда чуть живой вылез. Думал, пить брошу.

— Рассказывай, — сказал Борис.

Бомж хряпнул второй стакан. С тоской взглянул на допросчика, вытер стакан изнутри полою куртки. И протянул Борису.

— Ты прими. На трезвую голову не поверишь.

Риэлтер махнул рукой:

— Говори. Там посмотрим.

Вася посмотрел стакан на свет, налил на два пальца водки, но пить не стал.

— Ну, это, блин... — он тяжело вздохнул. — Короче, вечером заснул, а потом увидел. Сон, что ли... — он почесал себя под мышкой. — Быта стоят около меня эти, лохматые, маленькие такие, и лопочут. Сначала между собой, и все соседей каких-то поминали. Братков, что ли... — бомж левой рукой почесал голову, а правой заросший подбородок. — А потом мне говорят: «Хочешь в своем доме жить?» Я им: «Не, в домовину не хочу!» Заорал — и проснулся. И хорошо, что сбежал. А то Лизка там померла, и Снусмумрик, и еще один.

Он судорожно выхлебнул стакан. Потряс бутылкой:

— Будешь? Нет?

Борис поднялся:

— Язва у меня. Оттого и платок.

Бомж стал наливать кровью:

— Мужик, не гони. Я тебе — как на духу. А...

Вдогонку еще долго слышалась отборная и витиеватая матерщина.

А вот священник оказался современный. Судя по иномарке у ворот монастыря. Хотя, теперь весь клир на иномарках рассекает. Борис прошел в ворота, не снимая шапки и не крестясь. Нищие с обочин зыркнули возмущенно. Еще чуть-чуть гнева во взгляды — и пахать бы Хованскому носом асфальт.

Прямо перед воротами возвышалась церковь святого Касьяна-великомученика. Но подойти к ней Борису не пришлось: на паперти вольготно расположилась странная металлическая каракатица. Возле нее несколько монахов в черных подрясниках молча и, как показалось Борису, неодобрительно слушали низкого седого прораба. Тот горячился, размахивал руками и доказывал, что его подкупольная конструкция, несмотря на свою металлическую природу, будет прогибаться не больше, чем бетонная. Притом, что она намного легче, не нуждается в сложной опалубке, собрать ее можно прямо здесь — где лежит. Здесь же можно нанести черновую штукатурку. А потом весь блок поставить краном, и займет все часов восемь. Что ответили монахи, Борис не расслышал.

Справившись, где можно найти отца Никодима, он услышал от крайнего монаха:

— Я вас слушаю.

— У меня вопрос по поводу дома №3 по улице 8-й Иногородней, — начал Борис.

Отец Никодим внимал.

— Скажите. Вы ведь его освящали?

— Не весь, чадо, — пробасил тот, хотя был на вид не старше риэлтера, — только жилую половину.

— А нежилую?

— А там страшного не оказалось, — пожал плечами батюшка. Борис настолько не ожидал подобного ответа, что совершенно по-детски растерялся.

— А что оказалось?

Отец Никодим хмыкнул:

— Ничего. Треп и суета. А зачем вам?

— Я риэлтер, — пробормотал Борис. — Вот сомневаюсь, покупать ли эту половину. Нежилую.

Отец Никодим слегка удивился:

— Хотите, чтобы я ее освятил также?

Хованский смутился.

— Не сейчас.

Он поспешно поблагодарил, попрощался и пошел обратно через те же ворота, мимо тех же нищих, а в спину ему летел возбужденный голос прораба, продолжавшего на чем свет стоит костерить бетонный подкупольник. Борис подумал даже, что не худо бы с этим прорабом познакомиться и спросить у него совета по ремонту, если он все же будет дом покупать. Но мысль мелькнула и пропала.

Мобильник заверещал сразу, едва Борис вышел на улицу. Звонил Петрович. Давний Борисов знакомый — Хованский удачно выбрал для него квартиру — риэлтеру симпатизировал и иногда помогал. Помощь Петровича была тем более важна, что работал он в горисполкоме и мог, не нарушая никаких правил, заглянуть в земельный кадастр. Еще до начала своих детективных изысканий Хованский просил Петровича выяснить, на ком записан участок и эти загадочные полдома.

Петрович узнал.

Последний владелец дома уехал в Россию чуть ли не двадцать лет назад — то ли на заработки, то ли сбежал от радиации. Через несколько лет он был объявлен пропавшим без вести, а его дом перешел на государственный баланс. Однако государство с дома большой прибыли не получило, а возиться со старьем тоже было невыгодно. Одно время планировали всю 8-ую Иногороднюю снести и взрастить на расчистке несколько панельных девятиэтажек. Но тут грянула перестройка, и проект нового микрорайона был сперва отложен, а там и вовсе отменен. Многочисленные фирмы, несмотря на выгодное расположение здания, им также не интересовались: слишком непрезентабельно для офиса; рядом, опять же, люди живут, могут пожаловаться на шум и так далее...

Короче, исполком был бы рад отделаться от сомнительной собственности. В особенности за живые деньги. И даже совсем небольшие.

— Так оформлять?? Оформлять?? — надрывался Петрович в трубку так, что на Бориса оборачивались прохожие.

— Оформляй! — рыкнул в ответ Хованский. попрощался и отключился. Путь его лежал в районное УВД, к Миле.

Но там Бориса не повезло.

— Опять непрофессионалы под колеса лезут!!! — зарычала госпожа без пяти минут майор.

Хованский помялся и открыл, было, рот. Но Мила не позволила ему и пикнуть:

— Детективов начитался, зайнька? На живца?! Я же говорила, что все мужики — козлы!..

— Почему козлы? — обиделся Борис.

— Потому что на козленков в Африке крокодилов ловят, — фыркнула Мила, успокаиваясь. — В общем, так, — деловито распорядилась она — Оставляй это нам, и не суйся поперек паровоза...

Борис хмуро кивнул.

— Не на козленков, а на козлят, — машинально поправил он. Уклонился от дежурного поцелуя и выскочил в коридор. Профессионалы там или нет, а клубок с самого начала распутывал он сам, и сходить с дистанции за два шага до финиша ни в коем случае не собирался. А мысль о ловле крокодила на живца Борису неожиданно понравилась. У козленка в Африке нет надежных товарищей, которые в трудную минуту могут любому крокодилу оторвать хвост. По самую, как говорится, шею. А у Хованского товарищи были.

За несколько лет плавания в торговле недвижимостью риэлтер завел нескольких по-настоящему надежных друзей, вместе с которыми не побоялся бы пойти не то что на крокодила в Африке, а даже и на загадочных братков — будь они там лысые, или мохнатые, вроде тех, что поминал бомж Вася.

Вот этим-то друзьям Борис и принялся названивать прямо из скверика перед милицией. Чтобы не терять времени.

Свидание он назначил перед загадочным домом в шесть вечера. Сам Хованский оказался на месте будущего сафари полчасом ранее. Расчистил относительно широкий проход в дом. Потом наломал из веток метлу и смел мусор с остатков пола. Завершив приготовления к романтическому мальчишнику на свежем воздухе, Борис даже смог в свое удовольствие погреться на треснутой деревянной лавочке перед уже почти своей половиной дома. Старый рюкзак со спальником, термосом, едой и полиэтиленовой пленкой стоял у правой ноги риэлтера. Мощный фонарь Борис покачивал в руке. Брать оружие казалось глупым; не брать было все-таки боязно. Хованский ограничился тяжелым буржуйским фонарем для телохранителей, который, в крайнем случае, мог сойти за дубинку. Надеялся Борис больше на свою компанию, которая уж всяко была покрепче бомжей.

Друзья не подвели.

Первым из полированного «Пежо» выкатился Шурик. Машина у него была круглая, и сам он весь был круглый и чрезвычайно хозяйственный. Как заправский хомяк из защечных мешков, Шурик потащил из машины сумку с едой, ящик пива, большой толстый ковер из пенки и свернутое надувное кресло, насмешившее Хованского почти до слез. Затолкав груз в проход, Шурик принялся возиться в саду, пыхтеть и громко ломать ветки для костра. За этими звуками мотоцикл Родика подкатился почти бесшумно. Хорошо зная привычки друзей, байкер не взял с собой почти ничего. Куртка у него была такая толстая, что на ней можно было спать; а к ночевкам под звездами он привык.

Под курткой Родион носил жилет «мечта водопроводчика», из неисчислимых карманов которого торчали шоколадки. А на ремне через плечо болтался термос с кофе. Двигался байкер быстро, и термос летал вокруг него черным терьером, только что не лаял.

Марис тоже прибыл минута в минуту. Он вообще никогда никуда не опаздывал, всегда был элегантен и даже на разошедшихся досках среди развалин располагался с истинно прибалтийским достоинством. Каждый взгляд на него напоминал Хованскому Орландо Блума из «Властелина Колец».

Веселье было уже в самом разгаре, и дрова в костер собирали по третьему разу, и невесть уже в который раз, заставляя Мариса мило краснеть, вопили могучим хором: «Кто обидит Леголаса — тот останется без глаза», — когда из сгущающегося вечернего сумрака соткался Сергей. Распахнутая серая куртка, застегнутая не на ту пуговицу рубашка, изжеванные джинсы... Казалось, он присел на минуту и вот-вот побежит дальше... Жестом матроса Железняк Сергей выхватил из глубин куртки белые гранаты: датскую водку, которую по большому благу возили ему знакомые летчики. И тут же затеял с Марисом жутко специфичный спор о компьютерах. Родион осветил их фонарем и сделал несколько фотографий.

— «Принц и нищий» будет называться, — удовлетворенно подмигнул он Хованскому.

— Ага... — обрадовано отозвался тот. Про фотоаппарат стоило бы подумать и ему: если вдруг чего удастся заснять, вот и доказательства. Хотя, черт его знает, вроде фото за улики не считаются...

— Так вот, джентльмены! — Борис посмотрел сквозь бутылку на костер. — По поводу проблемы, что я просил вас помочь...

Несколько заплетающимся языком он изложил суть, добавив вольную импровизацию об Африке, козлятах, пропавших у бомжей продуктах и Милке Подкове.

Компания из всего вышесказанного поняла лишь то, что Хованский собрался жениться, и дружно чокнулась пивными бутылками. Пришлось повторить спич снова. Только тут до самых умных дошло, что это не тост. И что им предстоит заманивать едой и пивом и ловить на живца неизвестно что. Каких-то волосатых братков-соседей.

Марис красиво пожал плечами.

Сергей сосчитал на пальцах:

— Скины... Не, они лысье... Гопники тоже... Хиппи, толкинисты, неферы и панки — подходят. Но хиппари и толкинисты вроде ничего... Панки, получается?

Родион мотнул нечесаной гривой:

— Где панки, там шум... Даже шухер. А тут, он говорит, все тихо было...

Шурик, почесав пухлую щеку, раздумчиво добавил:

— А главное, я этого прикола с домом не понял: что значит «пойдем с нами, будешь в своем доме жить?»

Хованский княжеским жестом опустил свою бутылку:

— Вот сразу все и выясним. Вы рассасывайтесь по периметру, а я ночую внутри. Потому как это мой дом.

— «Я — сэр Симон... Это мой замок...» — ехидно протянул Сергей, но спорить не стал. Похоже, и его зацепило.

— Мы не рокеры, не панки, мы фанаты «Калыханки», — хмыкнул Родион. — ОК, где мне ждать утра?

— Можешь окапываться под любой яблоней, — щедро разрешил Шурик. — Лопата в багажнике, — и подкинул в пухлых пальцах ключи. — А я, как самый умный, останусь в резерве.

— Это где? — поинтересовался Марис.

— В машине.

— Подумаешь, засадный полк... Ты хоть соседей предупредил, Хитрый Чингачук?

— Предупредил, — ответил Хованский Родиону. — А то б уже милицию вызвали. Место такое... С репутацией. Так, все, исчезли. А я пока продукты разложу.

Сергей хлопнул риэлтера по плечу:

— Не бойсь, не выдадим.

Борис уместился на Шуриковом надувном кресле. Укрылся спальником, наблюдая, как растворяется в темноте оцепление, как искры над костром прожигают сухие яблоневые листья и уносятся в сентябрьское небо...

Кто-то зашуршал бурьяном у порога, заставив Хованского вздрогнуть. Но не показался.

«Наверное, Марису на пенке лежать неудобно», — сонно подумал Борис. — Или это кот?..

И задремал.

Сквозь сон слышалось все то же шуршание. Потом прибавился тихий-тихий звон: шевелилась шоколадная фольга. Звякнула бутылка с пивом.

— Бомжи нас шоколадками не кормили... — мяукнули неподалеку. Борис подумал, что это тот самый кот, напугавший Милу. И теперь снится ему. И разговаривает. «Едят ли мышки кошек? Пьют ли кошки пиво?»... Шоколад едят, раз на бомжей обижаются.

— Богатый...

— Какой богатый, когда бездомный! — возразил второй кот.

— Я не бездомный, я этот дом покупаю! — без всякого удивления Борис понял, что это он сам сказал.

— Нельзя покупать! Нельзя! Нельзя!! — перепугались коты. — Где мы будем новых сусудок брать? А батянушек? А доможилов?!

— Уйди, уйди отсюда!..

— А вот я ему на грудь лягу, — голосом Петровича из горисполкома рявкнул самый главный. Что-то, словно большая диванная подушка, плюхнулось Борису на грудь. Он попытался втянуть в себя воздух, замахал руками и заорал, широко распахивая глаза.

Какие-то темные, мохнатые существа бросились от него врассыпную, прячась в бурьяне, в щелях пола и стене. И только одно билось, запутавшись в сброшенном Хованским спальнике. Теперь уже риэлтер грудью шлепнулся сверху, вопя:

— Поймал! Сюда!!..

«Кот» под ним трепыхался и голосил весьма членораздельным матом.

— Что? Куда? Где?! — друзья, сталкиваясь лбами и путаясь конечностями, ввалились в помещение.

— Поймал! — гордо сообщил с пола Хованский.

— Отпусти! Хуже будет! — глухо неслось из-под спальника.

Борис шлепнул по спальнику ладонью.

— Я выйду. Подержите его, ребята. Без меня не заглядывать!

— Я с тобой! — Шурик грозно взмахнул фонарем-дубинкой. Хомяк был прав. Одного злодея они поймали, но другие разбежались и, возможно, подстерегали сейчас в темноте. Но ничего плохого не случилось.

Охотники кольцом расселись вокруг спальника, наставив на него фонари, электрошокер и газовый баллончик. Шурик стерег тылы, свет мощного фонаря метался по бурьяну и крапиве, как луч прожектора в поисках вражеской авиации.

— Выходи, мужик... — осторожно постучал костяшками об пол Борис. — Сдавайся... Поговорить надо...

Было смешно и страшно одновременно. Сергей закатывал глаза и крутил пальцем у виска. Родион осторожно вращал фокусное кольцо объектива.

— Вас там сколько? — отозвался спальник.

— Уши тебе надрать хватит.

— А меня нет дома!

Под спальником захихикали.

— Выходи, пока люди культурно просят.

— А нам показываться при всех не положено.

— А людей пачками класть, значит, положено?! — огрызнулся Родион. — И чужое пиво жрать?

Хованский оглянулся: остатки пива и еда, разложенные в качестве приманки, волшебным образом исчезли. Собственно, как он и предполагал. На большом листе фольги сиротливо темнел последний шоколадный квадратик.

— А чего? — занял сидящий в спальнике, хитро обходя вопрос о пиве. — Они сами так решили... Они бездомные, а в каждом жильце домового нужен. У нас безработных и бездомных нет! Квартир вона понастроено, нас на всех не хватает...

— Так ты кто? — спросил Хованский отчего-то шепотом.

— А ты не понял? Я — домовый.

Хованскому очень захотелось сунуть голову под холодный душ.

«Домовых не бывает! — надрывался в нем здравый смысл. — Ни при каких обстоятельствах...» Риэлтер очень ясно вспомнил, как однажды Петрович раскрыл ему один важный горисполкомовский секрет. И потом, глядя прямо в глаза, несколько раз повторял: «Запомни, ничего этого не было! Ты просто напился коньяку, и все это сам придумал! Понял?» Но оно было; и секрет этот принес Хованскому сразу несколько выгодных сделок.

— Домовой ты или не домовый, — изрек Хомяк, — а ответишь по всей строгости закона.

— А куда вы бомжовские бутылки девали? — поинтересовался Родик.

— Сдавали, — пискнули в спальнике. — Отпустите ребята, а?

— Ты еще скажи «я больше не буду».

— Я больше не буду!

Хованский рухнул на пол от хохота. В голове не укладывалось, как это пять взрослых деловых мужчин, выпив не так чтобы очень уж много пива, на полном серьезе разговаривают с домовым. Объясняя всю глубину его морального падения. А разум голосом Петровича продолжал долдонить: «Этого нет! Ты просто высадил чертову тучу «будвайзера», и все это сам придумал... Понял?» Хованский отмахнулся.

— Так вы что, типа, на работу устраиваете?.. — хмыкнул Сергей. — С предоставлением общежития?

— Ага! И с обучением.

— И за границей?

Спальник отчаянно задергался: это следовало понимать, как привязанность к родной стране.

Получалось, что все покойные бомжи теперь замечательно устроены: у каждого есть собственный дом. Правда, первые несколько столетий за новыми домовыми нужен глаз да глаз: пока еще обучатся правильно хозяйство вести! Гривы лошадиные плести уже не надо, так ведь и машину хорошо вымыть — искусство не последнее. И вообще, все, кто тут ночевал, сами согласились в доможилы перейти... Добровольно. А единственного несогласного отпустили с миром.

Хованский потер гудящую голову:

— Слушай, мужик. А самому тебе это зачем? Ну, биржа труда твоя...

Под спальником повозились и замерли.

— Сознавайся! — стукнул по половицам Борис. — А то хуже будет.

И тут пленник заплакал.

Домовой плакал долго и упоенно, выбравшись из-под спальника, забыв, что должен прятаться, и слезы, блестя в свете фонарей, растекались по мох-

натой физиономии. Неухоженный, никому не нужный, одинокий в заброшенном доме, соседка исходил вселенской тоской. Примерно так гадостно Борис себя ощущал, когда рыдала Мила: хотелось ее утешать, водить в ресторан и кормить шоколадом.

Марис протянул домовому безукоризненный носовой платок.

— И никто меня не пои-ил... И никто не корми-ил... Батянушка я несчастный...

— Слышь, мужик, — сощурился Сергей, — мы уже поняли. Ты на жалость не дави.

Мохнатый обиженно фыркнул, проскользнул у охотников между ногами и скрылся в стене. Оттуда донесся издевательский, хотя и несколько неуверенный хохот.

— Поняли, ребята? Нет, вы поняли?! — размахивал короткопальными ручками Шурик. — Они бомжей в статус домовых переводили, а сами забирали их имущество.

— И сколько того имущества...

— Не скажи! Один мужик за сданные бутылки «вольво» купил.

— С троих бомжей и на «запор» не хватит, — глубоко вздохнул Борис и предложил идти досыпать.

Уже проваливаясь в сон, он думал, что ловушка сработала, уголовное дело можно закрывать, и как расскажет все Миле. Или нет... Мила замечательная, нежная, умная, но не поймет. И еще Хованский рассуждал, какую сделку принесет ему *этот* секрет. Он вспомнил, как год назад какой-то чудак искал дом непременно с привидением. За любые деньги... Заняться чем-то таким, что ли? Мысль сумасшедшая. Но не больше, чем разгадка тайны *почти его дома*.

Хованский встал, доплелся до стены и постучал в то место, где укрылся домовый:

— Мужик, вылезай! Есть дело.

ОЛЕГ СИЛИН

ДЕВУШКА ЦЕЛЕВОЙ МЕЧТЫ

МЫ ВИДИМ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ НАШЕЙ ПРОДУКЦИИ МОЛОДЫХ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫХ ЖЕНЩИН...»

Сухие фразы брифа ползут по экрану. За ними пока нет жизни. Нам предстоит расцветить их яркими красками, обернуть в рекламный фантик и ввести в жизнь «молодых целеустремленных женщин».

Привычная задача.

— Юр, что думаешь?

— Пока ничего, — отвечает шеф. — Традиционные ходы: телек, журналы, наружка — всё это мы будем предлагать. Но ещё, конечно, всякие нестандартности будем обсуждать. Ты, Лёшка, посмотри, что любит наша целевая аудитория.

— Конечно.

«Сильвер» — новый слабоалкогольный напиток. Клиенты уверены — он сумеет выбросить «Лонгеры» с «Шейками». Сейчас у меня на столе стоит пробный экземпляр — бутылочка из тёмного стекла с серебристой этикеткой. Интересно, что они туда намешали?

Открываю, пробую. Лимонный вкус, никакой приторной сладости и отдушки. 6% алкоголя. У них даже есть шанс, а с нашей помощью — и подавно.

Запускаю «Ад-Дату». Программа, о которой ходят легенды. Эмулятор человеческой жизни, инженер людских душ. Ещё много каких баек ходит о ней.

Официально это всего лишь программа по отслеживанию рейтингов. Но в ней есть очень любопытные недокументированные возможности. Если в двух словах — она способна сгенерировать потребности. Прошли те времена, когда под желания человека подстраивались товары. Сейчас мы сами указываем, чего хочет наша целевая аудитория. И она будет хотеть «Сильвер».

Я надвигаю на глаза щиток монитора. «Ад-Дата» распахивается передо мной. Образ города открывается во всей рекламной красе.

В программе можно наложить фильтры и посмотреть, какая аудитория где находится, что и как смотрит, можно следить за представителями аудитории в разных городах — да что городах! Коммуникаторы «Ад-Даты» охватывают всю страну, жизнь людей на нашей ладони. «Таргеты не посмотрели телек. Куда этих симсов понесло?» В «Ад-Дате» живут симсы — человечки из старой компьютерной игры. Хотя игрой там и не пахнет, симсы — цифровые модели людей, миллионов жителей страны.

Захожу в закладку «Targets». Город меркнет, распахивается огромный шкаф Синей Бороды. На крюках мужчины, женщины, дети, в шкафчиках аксессуары — мобилки, автомобили, пачки денег. Конструктор симсов.

Молодые, целеустремленные женщины...

...Женщины от 18 до 29 лет, с доходом выше среднего. «Сильвер» — знак статуса, его пить престижно. Студентки или начавшие работать девушки...

Большая часть тел исчезает, остается ровно десять. Девушка учится на последнем курсе в университете Шевченко, пытается совмещать учёбу и работу, отдыхает с подругами в клубах. Детей нет — и исчезают тела детей. В сумочке размещается пачка денег — выражение среднего дохода.

Невысокая русоволосая девушка смотрит на меня с закладки. Электронный образ или реальная девушка — этого «Ад-Дата» не говорит. Я иной раз думаю, что программа не компилирует персонажа из выборки, а действительно создаёт человека, помещает его в реальный мир.

Я смотрю на цифровую Галатею. Её зовут... наверное, её зовут Катя.

Рабочий день окончен. Спускаюсь в метро. Стены залеплены рекламой, вместо ламп — метролайты с постерами, голос из динамиков предлагает купить какие-то товары. Колонны на станции заклеены картонными «банками кофе». К платформе подходит огромный шоколадный батончик. Открываются двери, вываливается толпа народа. Я кое-как втискиваюсь в вагон. «Спонсор поездки — компания... Осторожно, двери закрываются». Вставляю в уши плеер, чтобы не слышать этот голос. «Therion» спасает от звуков, но закрывать глаза я не могу, не хочу пропустить станцию. Весь вагон увешан яркими объявлениями, на людях кричащие рекламные куртки. Информация от картинок стекается в «Ад-Дату». Сейчас, вне работы, я точно такой же симс на виртуальном столе специалиста по рекламе.

У тех, кто попадает в рекламное агентство, случается шок. Первые несколько месяцев происходит серьёзная ломка, когда рвётся сладкий флёр рекламной шелухи и становятся видны нити, за которые дёргают из агентств. Сначала видишь нити клиентов своего агентства, потом, со временем, проявляются и другие. Со всех свободных поверхностей льётся сладкая патока рекламы: «Покупайте! Приобретайте! Пользуйтесь!» — и ты видишь всю лживость обещаний, и звучит рефрен: «Отдайте нам ваши деньги!»

Иммунитет появляется где-то к полутора годам. Тем сложнее становится общаться с родными и друзьями, желания которых сформированы ад-мастерами. Ты должен смотреть, улыбаться, кивать головой в ответ на вбитые слоганы — и ничего не делать. Потому что подписан контракт.

«Станция Днепр. Выход на правую платформу».

Толпа отпрянула от правых дверей. Я выскакиваю на перрон. Самая малолюдная станция в Киеве. Настолько малолюдная, что на ней почти нет рекламы.

Я люблю стоять на платформе и смотреть на Луну и звёзды. Это, похоже, единственное, что осталось настоящим в нашем мире.

Стараюсь не замечать обвешанного рекламой моста Метро и пешеходного. Вниз по Днепру плывет баржа с большим щитом. Смотрю вверх Гидропарка, взгляд скользит по макушкам деревьев и рекламных щитов. Деревьев опять стало меньше.

Луна сияет над Днепром. Когда-то украинская ночь была тиха, прозрачно небо и блистали звёзды.

В городе звёзд не видно за неоновым сиянием, тишину разрезают гудки машин и звуки очередного джингла. Только тут, на станции Днепр, можно полюбоваться на небо и Луну. Она сияет, далёкая, недоступная. Пока, слава Богу, недоступная.

Подходит поезд, я вскакиваю в вагон. Аккумулятор в плеейере разрядился, слушаю разговор двух девиц. Пока доехал до «Черниговской», услышал двадцать семь слоганов.

Мрак.

Сижу на работе, парю над городом. На него надет фильтр, серебристо-изумрудным цветом помечены места скопления целевой. Центр почти весь засвечен, университеты сверкают серебром, сияют «Европа», «Глобус» и «Метроград».

Отправляю карту на печать. Кто-то трогает меня за плечо. Я дергаюсь, щиток монитора спадает с головы и падает мне на колени. Рядом стоит смущённая девочка-референт.

— Лёша, извините... вас ждут на совещании.

— Да, конечно, иду. Спасибо.

Осторожно кладу щиток на стол. Вроде всё нормально. «Ад-Дата» переключилась на закладку целевых, и теперь с монитора улыбается Катя.

— Знакомьтесь, это Алексей, наш адмастер-ресёчер. А это Альбина Денисова, она будет лицом «Сильвера», — представляет нас Юра. Он рад. Я его понимаю. Заполучить в лицо брэнда популярную телезвезду дорогого стоит.

— Очень приятно, — говорю я и слегка пожимаю руку Альбины.

Меня пробивает током. Я смотрю на нимфу ночного эфира. Да, эта девушка сделала себя сама, постоянно мелькает на обложках журналов и в отчётах о модных вечеринках. Сейчас она в открытом серебристом платье, темный макияж гармонирует с чёрными волосами. Она излучает уверенность в себе, профессионализм и предлагает немедленно пасть к её ногам.

Она вызывает во мне отвращение.

Не люблю фарфоровые статуэтки ни в каком виде.

— Взаимно, Алексей, — врёт она в ответ и усаживается в глубокое кресло, демонстрируя Юре свои ноги. Он пытается смотреть «лицу» в лицо, я изучаю предварительные записи ролика для телевидения.

Альбина шагает по серебристой дорожке, идёт по лестнице, доходит до вершины — бутылки «Сильвера».

Студентки пьют «Сильвер», преобразуются и попадают на вечеринку к Альбине.

— Нравятся ролики, Лёшка?

— Интересные. В ролике с лестницей я бы вместо ступеней нарисовал мужские спины, а Альбине бы дал туфли с острыми каблуками, — иронизирую я. —

А в ролике со студентками заставил бы их пить коктейль перед экзаменом. И следующим кадром — застывший профессор, которому экзамен сдает Альбина.

Будущее лицо тихо смеётся, но креативный директор подсказывает с воплем «Гениально!» и убегает в коридор.

По дороге в свою комнату заглядываю к Жорик — посоветоваться. Главный исследователь сидит и посылает кого-то страшными словами:

— Косты по шоп-листам ещё не заапрувлены, так что можно надеяться снегошпировать их на лоу левел. Букирование ещё не началось, ждём от продакшна комментариев, у них как всегда всё асап, но...

Жорик вопросительно смотрит на меня, я машу рукой, мол, разговаривай, моё дело не срочное.

Сажусь за стол. С мониторов на меня смотрит Катя. Я мысленно пытаюсь совместить этот образ с Альбиной. Не получается.

Смотрю на Галатею, силюсь понять, где же хитрый джинн «Ад-Даты» меня разыгрывает. Наконец понимаю: Альбина — лицо «Сильвера», но продавать его мы будем не ей, а таким девушкам, как Катя.

«Станция Днепр. Выход на правую платформу». Выхожу из вагона, облакачиваюсь на ограждение. Луны сегодня не видно за облаками. Смотрю на высокий левый берег. Теперь у Днепра оба берега высокие: правый от природы, левый — от архитектора Бабушкина. Горящая тысячами глаз стена высоток на набережной поднялась за какие-то десять лет. Не сломил архитекторов даже утонувший в Днепре дом. Жители окрестностей в панике продавали квартиры — и их тут же раскупали. Кампания протеста в прессе и на телевидении захлебнулась на третью неделю.

Боевое крещение «Ад-Даты».

Всё-таки не зря адмастеров и адфайтеров за глаза называют чертями. Мы играем на потребностях человека и выдуваем у людей душу взамен на удовлетворение их тел.

Опять работа.

— Лёш, ты занят?

Это Серёга, адфайтер.

— Что случилось? Посчитать надо чего? Или аудитория себя не так повела?

— Да нет, дело не в этом. Слушай, можешь помочь нам забить «Сильвер»? Ты ведь файтил когда-то, знаешь, что к чему...

— А. Так не вопрос, помогу.

— Спасибо! Я тебе сейчас сброшу каналы и цифры...

— Давай.

Я вновь опускаю «забрало» и погружаюсь в программу. Теперь перед глазами не «Ад-Дата», а «Сторм» — программа по управлению телерекламой. Вхожу под старым логином. Распахиваются внутренности ангара, в котором стоит самолёт. В уголке экрана моргает конвертик — сообщение

от Серёги. Открываю, читаю «вводную». Хмыкаю, киваю головой. «Сильвер» раскошелится, славная будет битва!

Загружаю в самолет ракеты трех калибров. Оживают наушники.

— Лёша, ты бомби тридцатками, я возьму шестидесятки, Оля и Вова — пятнашки. Интервал 22 и в ночь до конца, потом — где место будет.

— Понял.

Сажусь в самолет, разворачиваю его к дверям с надписью «ICTV». Сижу, жду старта.

Интересно, кто додумался оформить «Сторм» в виде игры? Кто бы это ни был — снимаю перед ним шляпу. Он понимал, насколько адфайтерам надоела унылая серьёзность прежних программ.

Первый этап — битва на самолетах, когда захватываются плацдармы. Поле боя — месячный эфир телеканала, цель — рекламные блоки, разнокалиберные ракеты — ролики различной длительности. Компьютеры перекачивают гигабайты информации, сервер с трудом справляется с нагрузкой...

Пора!

Вылет. Передо мной пока ещё зеленое поле. Делаю вираж, захожу на отметку 22 часа. Выдвигается ракетница с тридцатисекундниками. Первый заход — ковровая бомбардировка. Ракеты тянутся к земле, впиваются в неё, разбрасывая клубы желтого дыма. Жёлтый — попал, синий — вхолостую. Пока больше жёлтых сполохов. Вижу наших адфайтеров на серебристых самолётах. Но в небе становится всё больше красных — файтеры конкурентов не медлят! Жёлтые сполохи мелькают повсеместно, все чаще мои выстрелы оборачиваются синим пшиком. Поднимаю самолет вверх, делаю мёртвую петлю, обновляя информацию о поле боя. Кажется, что комп не справится с нагрузкой, самолёт не выйдет из петли и рухнет на изуродованную рекламой землю. В ушах пятнадцать минут будет играть похоронный марш, а на дверях ангара появится надпись «Соединение невозможно. Такой человек уже есть на поле боя».

Комп справляется, я оглядываю поле. Бросаю самолёт из стороны в сторону, выискивая площадки для точечного удара, уворачиваюсь от противников, на ходу меняю калибр. Ракеты летят мучительно медленно, сервер телеканала загружен по максимуму. Движения соперников всё более хаотические, я прохожу над ночным эфиром, добывая остатки. Наконец появляется сообщение «Ваш боезапас исчерпан — превышение бюджета». Можно перевести дух и возвращаться на базу.

Бой длился двадцать пять минут. Адфайтеры собираются на кухне и пьют кофе. У них красные глаза.

Ракеты вбили в эфир «яйца», из которых в начале месяца вылупятся десантники. Тогда адфайтеры начнут позиционную войну на удержание гарнизона в нужных рекламных блоках, будут перегруппировывать силы, отводить в запас часть войск или наоборот, вновь совершать вылеты на транспортниках.

Увлекательная стратегия. Если бы не одно «но». Убитый «десантник» стоит несколько тысяч реальных долларов. Сколько стоят убитые нервы — никто и не думает посчитать.

Брожу вокруг памятника Шевченко. Плитка вокруг постамента сверкает от воды: недавно прошёл короткий летний дождь. Радостно шумят избавившиеся от пыли деревья, сверкают фиолетовыми бутонами цветочные горшки на фонарных столбах. Я хожу с фотоаппаратом и сохраняю улыбки деревьев и цветов.

«Надо бы проведать жирафов на Владимирской» — мелькает в голове.

Иду на угол к переходу. На той стороне стоит девушка. И я понимаю, что это — Катя.

Вскидываю фотоаппарат, быстро приближаю. Камера щелкает, флэшка заполняется снимками. Она немного ниже, чем я себе представлял, но в остальном — лицо, волосы, губы — всё, как с монитора «Ад-Даты». Кажется, я ничего не могу делать, только смотреть на неё сквозь объектив и нажимать на спуск.

Я просматриваю фотографии. Ныряю в «Ад-Дату», захожу на закладку «Targets». Сравниваю образ целевой с фотами. Сомнений не остаётся — это действительно Катя. Один в один, вплоть до родинки на левой щеке.

Звоню Жорику.

— Привет. Скажи, «Ад-Дата» при создании целевой выдаёт собирательный образ или случайно выбирает кого-то?

— Интересный вопрос. Вообще, принято считать, что программа компилирует образ целевой, исходя из подборки заранее заданных параметров. Так, например, теоретически нельзя в один образ внести черты мужчин и женщин от 20 до 60 лет, а ведь и такие целевые тоже имеют право...

Я перестаю слушать Жорика. Иногда его заносит и он начинает рассказывать очень долго и многословно, забывая при этом ответить на вопрос. Голос сделал паузу, я быстро сказал: «Спасибо, извини, тут на меня свалились», — и повесил трубку.

Буду разбираться сам.

Вновь передо мной сияет город. Разбиваю аудиторию на кейсы — единичные элементы и отслеживаю перемещения в районе университета Шевченко. Их много, я ведь сам это задавал... Что же делать?

Смотрю на фотографию — и решение приходит в голову. У меня же есть время с точностью до секунды! Ввожу поправку — и «Ад-Дата» любезно рисует линию перемещения кейса №3284.

Сама собой открывается вкладка Monitoring. Я выбираю рекламный щит на углу Владимирской и Льва Толстого, устанавливаю дату и время.

Появляется картинка: перекресток, машины, автобусы. Напротив щита на переходе стою.. я с фотоаппаратом. Загорается зелёный свет и по переходу идет девушка в серебристой подсветке. Катя.

Сердце напомнило о себе глухим пульсом в висках. Я смотрел на неё и не мог оторвать взгляд.

«Что это с тобой?» — спросил я сам себя. Лучший-друг-я не ответил.

Я медленно пошевелил пальцами. «Ад-Дата» послушно захлопнула закладку и ждала моего шага. Верный джинн из электронной бутылки, готовый выполнять мои желания.

Advanced Options — Enable Full Options.

«Введите пароль».

Быстро ввожу 13 символов. В глаза полыхает фиолетовым светом — сканируется сетчатка глаза. Проверка закончилась и теперь передо мной все мощности программы.

«Режим бога» — так иной раз называют этот раздел адмастера, вспоминая старый добрый «Дум — 2». Я нахожу целевую аудиторию «Сильвер», дело её на кейсы.

Наблюдение в реальном времени. Кейс №3284.

Перед моими глазами Катя. Я смотрю на неё с монитора метро.

Она меня не видит. На мониторе привычная мешанина из рекламы, новостей и красивых картинок. Но я вижу её — активировались коммуникаторы сбора информации. Я могу посмотреть на неё с разных ракурсов — глазами собачки из «Экотела» или веселого банкира из ВТВ, могу выглянуть из пылесоса или сфотографировать нарисованным фотоаппаратом. Рекламная мишура — мои глаза.

Катя выходит на «Оболони». Я смотрю на неё с рекламного щита центра развлечений. Её встречает какой-то парень. Обнимает. Целует. Проклятье!

В мониторе становится темнее. Перегорели лампочки на щите.

Я срываю с себя шлем и рвусь на кухню. В холодильнике почти пусто — на дверце мёрзнут початая бутылка водки и майонез. Делаю себе кофе. На запахах приходит охранник.

— Алексей Кириллович, вечер добрый. Вы сегодня допоздна?

— Да, надо поработать.

Охранник уходит. С чашкой в руке иду к себе. Вокруг темно, и в коридоре закрыты двери. Мои коллеги уже разошлись. Надо бы и мне идти домой, пора уж.

«Еще десять минут», — думаю я. Просыпается внутренний голос и ехидно спрашивает, с чего это я решил возревновать к виртуальной девушке:

— Откуда ты знаешь, что она виртуальна?

— А откуда ты знаешь, что она реальна?

— Я видел её сегодня. И она есть в мониторинге.

Внутренний голос захлебывается. Я пью кофе и поглядываю на шлем. Не выдерживаю и вновь надеваю его.

Девушка дома. Она одна. Я смотрю на неё глазами Альбины Денисовой со страниц «Натали». Слава уж не знаю кому, но она одна! Я смотрю на неё с экрана телевизора. В квартире больше никого нет.

Я нахожу ситилайт возле её дома и отматываю время мониторинга назад. Я вижу сцену прощания и злое лицо молодого человека, возвращающегося домой в одиночестве.

Перехожу в реал-тайм. Кейс исчез — журнал закрыт, телевизор выключен. Пора домой.

Больше я не решился использовать «Режим бога». Есть в нем нечто притягательное — возможность заглянуть в чужую жизнь. До вчерашнего вечера я только догадывался, насколько точно может сработать «Ад-Дата». Ад. Дата. Адская программа. С её помощью можно ведь и подправить кейс в нужную сторону. Не всей целевой аудитории, как это обычно делается, а конкретному человеку привить лояльность к торговой марке, заставить сменить работу или уехать в другой город. Или полюбить другой кейс. И с каждым просмотром рекламы вложенные мысли будут всплывать всё сильнее и сильнее, пока...

— Простите, не помешаю?

Я вздрогнул и вспомнил, что сижу на станции «Днепр», а передо мной стоит милиционер.

— Лейтенант Кравец. Можно присесть?

— Пожалуйста, — ответил я.

Лейтенант присел.

— Понимаете, я часто вижу вас на этой станции. Можно сказать — постоянный клиент. Ну а я предпочитаю с постоянными клиентами знакомиться.

Очень малолюдная станция, если милиционеры в лицо узнают тех, кто на ней бывает.

— Алексей Данилов.

— Очень приятно, — совершенно искренне ответил Кравец. — Алексей, вы здесь неподалеку живёте?

— Нет, что вы, мне тут не по карману жить, — улыбаюсь я в ответ, — на свой теплоход я ещё не заработал.

Мы смеёмся.

— На самом деле я живу на «Черниговской», а тут выхожу на вид посмотреть. Нравится он мне.

— Мне тоже, — серьёзно отвечает лейтенант. — Не буду вам мешать.

Он встаёт, отдаёт честь и уходит. Понятно, почему ему нравится вид — в МВД стоит своя «Ад-Дата». Пусть и облегченная версия с меньшими возможностями, но иммунитет и отвращение к рекламе вырабатывает не хуже. Ну а уж адмастер коллегу издалека видит.

Я перестаю смотреть на дальнюю часть платформы, куда ушёл лейтенант, и вспоминаю о папке с распечатками, лежащей рядом со мной. В ней все перемещения Кати за две недели. Вчера я выделил узловые точки, в которых она появляется чаще всего. Завтра я попробую её перехватить.

Толпа валит из метро «Золотые ворота». Я стою в промежуточном зале между двумя эскалаторами. Когда я её увижу, у меня будет с полминуты. Мало, конечно, но ещё есть вероятность, что она тут и не появится. Гоню эту мысль прочь и чуть не пропускаю Катю.

Она выходит с эскалатора. Я иду наперехват, в руках у меня белая роза.

— Девушка!

Мне везет, у неё в ушах нет наушников.

— Да?

- Девушка, позвольте один вопрос?
- Только один?
- Только один.
- Давайте.
- Вас зовут Катя?

На лице у неё смятение.

- Да... Как вы узнали?
- Это неважно! — широко улыбаюсь я. — Катя, пожалуйста, примите от меня эту розу.
- Спасибо...

Она уходит вверх, а я иду к поездам.

И только на эскалаторе понимаю, что в «Ад-Дате» нет имен. Я сыграл в рулетку — и выиграл.

Раз в два-три дня я нахожу её на новом месте и дарю белую розу. Глупо, но мне кажется — ей это по душе. Треки «Ад-Даты» показывают то же самое.

Каждый день я смотрю на закладку Advanced Options и борюсь, борюсь с искушением посмотреть на неё в перерывах между «Отчаянными домохозяйками» и «Кадетками». Целевая смотрит эти сериалы — и она тоже.

Можно сделать проще. Можно создать в «Ад-Дате» себя, заложить все параметры с точностью до четвертого знака после запятой, а затем найти её кейс и нажать волшебную кнопку Union — и программа соединит нас крепче, чем господь при венчании.

Только я всю жизнь буду знать, что это — не по-настоящему.

Заходит Жорик.

- Привет, слушай, помнишь ты меня спрашивал о компиляции аудитории на основании параметрического взаимо...
- Жорик, говори по-русски.
- А да. Так вот, я немного поэкспериментировал и понял, что мы не совсем правильно задаем «Ад-Дате» параметры. Над чем ты сейчас работаешь?
- Над «Сильвером», — отвечаю я.
- Вот смотри.

Жорик разворачивает к себе клавиатуру, заходит в «Ад-Дату» и споро бегаёт по разным меню. У меня холодеет в груди.

- Ты... ты чего делаешь?
- Перезадаю параметры компиляции. Готово!

Я смотрю на экран. На нем нёт Кати. На мониторе крутится условно очерченная женская фигура с условным лицом. В ушах раздаются удары сердца, сквозь которые с трудом пробивается голос Жорика:

- Чёткость образа... БАМ!.. условность даёт... БАМ!.. более широкий охват и как следствие... БАМ!... упрощение...
- Жорик, — с трудом говорю я, — мне бы поработать чуток, если ты не против.

Я вспоминаю, как создавал первую аудиторию «Сильвера». Делаю всё один в один. Давно я не помню, чтобы мышка бегала в моей руке с такой скоростью. Все параметры заданы — но Катя не появляется. Вновь четкий образ — но это совершенно другой человек.

Внутренний голос ехидно говорит: «Пропала она и в реальном мире».

Разбиваю аудиторию на кейсы. Катин кейс занят какой-то другой девушкой. Натягиваю шлем.

Full Mode.

Мой взгляд мечется от Харькова до Одессы, от Алчевска до Мукачево. Метро, трамвай, бигборды, журналы, наклейки, сериалы... Я отсматриваю каждый кейс, сотни лиц проносятся перед глазами.

Кати нет.

Двадцать лет назад никто бы не удивился — панель наблюдения постоянно тасовалась. Но с приходом «Ад-Даты» выпадение означало только одно — смерть.

Шлем летит на стол. С трудом удерживаюсь от пинка по системному блоку. Иду в туалет и медленно, очень медленно мою руки.

Возвращаюсь в комнату. Возле стола в ведре с водой ждёт вечера букет роз. Я собирался сегодня пригласить Катю на свидание. Смотрю в угол монитора — через пять часов надо уходить, если я хочу попасть на «Золотые ворота». Работа в голову не лезет. Выключаю комп, задумчиво смотрю на цветы.

Может панель всё ещё тасуют?

Стою возле эскалатора. Поток людей выплёскивается из подземелья. Я смотрю вверх букета. Время тянется очень медленно, каждая минута течёт как час. Осматриваю вестибюль. Плакаты, реклама, подвесные конструкции. Воздух пронизан нитями «Ад-Даты». Сегодня я ощущаю их особенно остро.

— Не меня ждете?

Я резко поворачиваюсь. Передо мной Катя.

— Вас. Тебя. — Я улыбаюсь. — Тебя, Катя.

Дарю ей букет. Она принимает его, на её щеках появляются милые ямочки. Катя смотрит на меня, я понимаю — у меня есть ровно этот миг.

— Катя, какие у тебя планы на вечер?

Она зарывается носом в букет, нюхает розы.

— Я собиралась в «Сальвадор Дали», потом туда должны были подойти подружки, — в голосе у неё сквозит неуверенность, она поправляет волосы, морщит лоб и проводит по нему рукой, как будто отряхивая что-то с головы. Улыбается мне.

— Но ты можешь составить мне компанию. Особенно, если скажешь, как тебя зовут, о ценитель белых роз.

— Лёша. Неужели я не представился?

— Не-а.

Чувствую себя очень глупо. Но Катя улыбается — и мы вместе идём к выходу из вестибюля.

Проходим мимо памятнику коту, я рассказываю ей легенды о нём и о доме рыцаря. Мы идём по тихой улице Ярославов Вал и она берёт меня под руку. Я слышу негромкие щелчки её каблучков об асфальт, странным образом они совпадают с моим пульсом.

Ветер пробежался по улице, русые волосы мягко скользнули по моей щеке. Я поворачиваю голову и смотрю на неё. Живую.

В «Сальвадоре Дали» уже ждут её подруги.

— Знакомьтесь, это Оля, это Вика, а это Алексей.

— Очень приятно, — говорю я, одновременно помогая присесть Кате.

Брюнетка и блондинка улыбаются, на столе перед ними бутылочки «Сильвера».

— А где же Славик? — спрашивает брюнетка, кажется, Оля.

— Не знаю, — весело отвечает Катя, — это не моё дело.

Подруги переглядываются.

— Что ты будешь? — спрашиваю я.

— «Сильвер», — отвечают девчонки и радостно смеются. — Мы собираемся здесь и пьём «Сильвер». Это стильно!

Соло на рекламных струнах. Катя смотрит на бутылку темного стекла и крутит её в руках.

— Не хочу я «Сильвер», — говорит она.

— Может быть, я закажу тебе бокал испанского красного вина?

— Да, — она с благодарностью смотрит на меня.

Оля и Вика ничего не могут понять. Зато мне многое ясно. Катю потихоньку отпускает «Ад-Дата». Она становится настоящим человеком.

Приносят вино. Вслед за официантом появляется пресловутый Славик.

— Привет, всем привет! Здравствуй, моя хорошая!

Он наклоняется поцеловать Катю. Девушка поворачивает голову и Славик утыкается в густые волосы. Он распрямляется и смеётся, пытаясь скрыть свой промах. Я тихо ликую.

— Вячеслав, исполнительный директор компании «Вествуд Украина», — напыщенно представляется мне конкурент. У него ключи от «Ниссана» в руках, короткая стрижка и бесцветные глаза. Точнее — я их воспринимаю такими, мутное зеркало отсутствующей души, глаза простого кейса номер несколько тысяч столько-то из стандартной аудитории.

— Визитку не надо, спасибо, — слегка нагло отвечаю я, — Алексей Данилов. Адмастер.

— Ого! — восклицает Вика. В глазах её разжигается интерес. — Адмастер — это стильно!

Умилительно просто. Как же я люблю эти переключатели по определенному статусу.

— Официант! — провозглашает Славик. — Три «Сильвера», мне — безалкогольную текилу и закусточку.

— Спасибо, у меня есть, — холодно говорит Катя и отпивает вино из бокала.

— Катюш, ты же всегда пила «Сильвер» — удивленно говорит исполнительный директор.

— Надоело, — отвечает моя мечта. — Знаешь, Славичек, ты не поверишь, мне очень многое надоело.

Не надо быть адмастером, чтобы разглядеть волну холода от этих слов. Её ощутили и подружки.

— Ой, Катя, а что же ты мне сегодня не позвонила?

— Забыла.

— А я хотела тебе рассказать, вот представляешь, в последнем номере было такое интервью с Альбиной Денисовой, так представь, она...

— Оль, да кто такая тебе эта Альбина, что ты о ней всё время талдычишь? Брюнетка замирает. Я улыбаюсь в свой бокал.

— И не надейся, не станешь ты на неё похожа, даже если каждый день будешь изводить по тонне краски, — добивает подругу Катя. Ольга надувает губки. Вмешивается Вика.

— Ой, кстати о краске. Я сегодня такую тушь купила. Посмотри, как ровно она красит ресницы. Никаких комочков, удлиняет процентов на сто. В общем, «Амберлик» — я от неё в восторге.

Последнюю фразу я заканчиваю вместе с Викторией. Она удивляется:

— Ой, Алексей, откуда вы знали, что я скажу?

— Вика, вы повторили слово в слово рекламный слоган. Ваше здоровье, — салютую ей вином и отпиваю.

— Катя, а почему ты «Сильвер» не хочешь? Ты же всегда любила его. Ведь «Сильвер» — это...

— Изящество в каждой бутылке, — заканчиваю я. — Вновь слоган.

— Как интересно, — вклинивается в разговор пришедший в себя Славик. — И что же, вы можете так каждую фразу закончить?

— Не каждую, — отвечаю я. — Примерно вторую или третью. С такой частотой вы говорите рекламные штампы. Все, кроме... — я делаю паузу, — кроме Кати.

Смотрю на неё. В неярком освещении её лицо сияет. Она улыбается мне глазами.

— Скажите пожалуйста! — продолжает возмущаться Славик. — То есть вы хотите сказать, что я говорю штампами? Буду вам весьма благодарен, если вы скажете, где...

— Да вы сейчас ими говорите. Фразами из деловой переписки. И представились по полной форме — с должностью.

— Он всегда такой, — хихикает Катя, — разговаривает, как будто отчёт строчит.

Славик хватает ртом воздух. В моей голове звенят колокольчики. Я вижу флёр рекламы вокруг всех, кроме Кати. И я понимаю — сейчас я могу всё.

— У вас, дорогие мои, вместо души — реклама. Вот вы, Славик, ездите на «Ниссане», у вас вклад в ВТБ, машина застрахована в «Страхополисе», а дома техника «Бош». Весь пакет рекламы агентства «Коммунимедиа». Я прав? — спрашиваю его с нажимом.

Он кивает как во сне. Вика и Оля смотрят на меня с ужасом.

Я понимаю, как выгляжу в полумраке ресторана. Серый «загар» от монитора придает лицу мертвенную бледность, глаза с расширенными от долгого сидения за компьютером зрачками.

— Теперь вы, — обращаюсь я к девушкам. — Вы пьете «Сильвер», без ума от Альбины Денисовой, пользуетесь косметикой «Амберлик» и духами «Валентино Россо». Мечтаете побывать в Сан-Себастьяне, потому что там снимали «Отчаянных домохозяинов». Дома у вас чистящее средство «Мистер Пулитэ», а в сумочке мобилка «Самсунг Гёрл Слайд» и тампоны «Контекс».

У Вики падает из руки бутылка со слабоалкоголкой. Она старается её поймать, но только роняет сумочку с колен.

На полу в луже из лимонного напитка и розовых духов плавает красная мобилка-слайдер среди намокающих листочков с какими-то записями.

— Есть в мире что-либо настоящее? — спрашивает меня Катя.

— Есть. Пойдём?

— Пойдём.

Она встаёт, я помогаю ей одеться. Из ступора выходит Славик.

— Катя, ты куда? Стой, я тебя не отпускаю.

— Сиди уж, рекламный пакет, — издевательски говорит девушка. — Лёша, подожди меня в соседнем зале. Пожалуйста.

Я спокойно выхожу. Некоторые исполнительные директора не будут устраивать скандал на людях, да ещё при подругах. Не захотят «терять лицо». Так и вижу наигранно-самодовольного Славика, между текилой и солью сплевывающего: «Одумается — сама прибежит».

Вскоре Катя нервно выходит из дальнего зала и мы быстро покидаем «Сальвадор Дали».

«Станция Днепр. Выход на правую платформу».

Мы выходим на пустынную станцию. По дороге Катя впервые увидела, сколько рекламы нас окружает *на самом деле*. Я подвожу её к ограждению, зажигаю свет спиной, обнимаю её.

— Смотри.

Она запрокидывает голову. В небе мерцают звёзды и сияет Луна. Её лучи ложатся на наши лица.

— Я прихожу сюда, когда устаю от фальши.

— Красиво. Я никогда не выходила на этой станции.

Краем глаза вижу лейтенанта Кравца. У меня есть минут десять, прежде чем он, не увидев рекламного флёра вокруг Кати, подойдёт для проверки нового адмастера. И потом часов десять до увольнения из-за нарушения контракта.

Я люблюсь лицом Кати. Зелёные глаза, пушистые ресницы, чуть-чуть неправильный нос и родинка на левой щеке. К ней не тянутся хищные рекламные нити. Она настоящая.

Катя ощущает мой взгляд и поворачивается ко мне. И мы целуемся под светом Луны.

ЕВГЕНИЙ МАКУХИН

СТАРАЯ МОНЕТА СЧАСТЬЯ

Е

ЕРГЕЙ! Я КОМУ СКАЗАЛА, ИДИ СЮДА! НЕ ПРИСТАВАЙ К ЛЮДЯМ!

Люди это я. По крайней мере — внешне. Сергей — это малыш лет пяти, сосредоточенно пытающийся понять, куда подевалась монетка из моей ладони.

Простенький фокус: монета на ладони. Рука сжимается в кулак... разжимается — монеты нет.

Малыш, сопя, и так и этак разглядывал пустую ладонь. На всякий случай заглянув под скамейку, он озадаченно уставился на меня.

— Сережа! Я кого зову! — К нашей компании присоединилась десятилетняя сестренка малыша, маленький человечек, обличенный огромным доверием — приглядывать за младшим братцем.

— Сергей! Я к кому обращаюсь?! — взрослые интонации, детское лицо.

— А вы знаете, юная леди, мне Сергей абсолютно не мешает. Мы фокусы показываем, вот... — продельваю те же манипуляции с монетой, но уже в обратном направлении. Девочка уверенно, даже несколько агрессивно, заявляет: «Вы ее спрятали! И вообще, мама не разрешает разговаривать с незнакомыми людьми, вот!» Как все-таки дети любят, чтобы последнее слово оставалось именно за ними.

— Ну, тогда давайте познакомимся, и я буду уже знакомый людь. Меня зовут Веня, или дядя Веня, зовите, как удобнее. А вас как зовут? — Дети переглянулись. Девочка посмотрела на малыша, пританцовывающего от нетерпения, и что-то непонятное скользнуло в ее взгляде. Жалость? Затем она посмотрела мне в глаза, будто пытаюсь найти в них ответ на некий невысказанный вопрос. Не знаю, что она там увидела и какие сделала для себя выводы, но улыбка, внезапно вспыхнувшая у нее на лице, могла бы соперничать с солнцем.

— Оксана. А это Сережа, — девочка взяла малыша за руку, — ему пять лет. Мама сказала, что я уже взрослая и должна за ним присматривать, а Сережа должен меня слушаться.

Я улыбнулся:

— И как, слушается?

— Не очень, — вздохнула Оксана.

— Ну, он наверняка не нарочно. Так само выходит. Правда, Сергей? — Малыш озорно улыбнулся. — А ты всегда такой молчун? — Сергей неуверенно пожал плечами и посмотрел на сестру.

— Он не разговаривает, — ответила Ксюша и тут же увела разговор в сторону: — А как у вас монетка пропадает? Вы фокусник?

— Нет, я волшебник и монетка у меня тоже волшебная.
— Волшебников не бывает — насупилась Ксюша.
— Бывают, только нас осталось очень мало.
— А почему? — Дети двумя воробышками примостились на скамейке, по обе стороны от меня.

— Когда-то очень и очень давно, когда магия в мире была еще бесцветная, не добрая и не злая, появился на свет первый мечтатель-фантазер и окрасил магию в светлые краски доброго волшебства. Но как только появился фантазер — тотчас появилось десять скептиков, это такие люди, которые верят только в плохое, и всегда во всем сомневаются. Они не верили в волшебство, которое живет в каждом человеке. Этим недоверием они отравили Светлое Волшебство Мечты, и оно превратилось в Темную Магию Сомнения.

И с тех пор, скептиков становилось все больше, они начали везде усанавливать свои порядки, и люди стали забывать светлую магию. Как только человек принимался фантазировать — над ним начинали смеяться. И люди настолько к этому привыкли, что даже мечтать стали с опаской, заранее убеждая себя, что их мечты никогда не сбудутся. А мечтателями и фантазерами, начали называть людей несерьезных, тех, на кого нельзя положиться или доверить серьезное дело.

Я разжал ладонь, на которой снова тускло поблескивала, старая, затертая монета, и протянул ее Сереже:

— Возьми, это одна из немногих монет счастья. Раньше такие монетки были у каждого человека, но люди подменили истинное счастье на его видимость, и монетки стали постепенно уходить из этого мира. Поэтому что, как можно принести счастье тому, кто в тебя не верит?

Сожми эту монетку в кулаке, позови добро в этот мир, представь себе что-то по-настоящему хорошее, и оно обязательно сбудется.

Малыш зачарованно смотрел на монету, а потом так сжал крохотный кулачок, что и без слов стало понятно, что в этой руке монета спрятана надежнее, чем в сейфе, и никакая сила не заставит его расстаться с этим маленьким символом счастья.

Девочка все еще смотрела с недоверием.

— А почему вы такой молодой? Все волшебники старенькие. Так в сказках написано.

— А Гарри Поттер?

— Гарри Поттер — выдумка. Мама говорит, что это очень удачная сказка, и что уже давно нужно было выдумать что-то подобное.

— А тебе разве не хочется, чтобы волшебники жили среди людей, а такая школа действительно где-то существовала? — было интересно наблюдать, как в этом маленьком скептике постепенно возрождается утраченная вера в сказку.

— Не знаю, — замылась Ксюша, — он добрый, и симпатичный.

Я улыбнулся.

— Все волшебники молодые. Стариться они начинают, если слишком долго находятся среди людей, которые не умеют мечтать. Их ядовитое и заразное неверие очень быстро старит не только волшебников, но и обычных людей. Если бы не это — все люди были бы молодыми.

Мой рассказ прервал протяжный крик: «Окса-а-на, Се-ерге-ей. Домой!» Малыши встрепенулись. «Нам пора, мама зовет, — будто извиняясь, сказала Ксюша. — Вы приходите еще, с вами интересно. Сережа молча кивнул, соглашаясь с сестренкой.»

— До свидания, — вежливо попрощалась Ксюша, а Сережа, сверкнув глазами, с чувством пожал протянутую ему руку, и малыши наперегонки побежали к дому. Малыш радостно размахивал на бегу кулачком, в котором, я знал это наверняка, была зажата заветная монета...

Лиана задернула штору и достала чашки — «мелкие» прибегут, чайку с ватрушками попьют на полдник. Хлопнула входная дверь.

— Мам, мы дома.

— Тогда мыть руки и кушать. Чай с ватрушками я отнесла в вашу комнату. Захотите еще, я на кухне с тетей Настей.

Из ванной послышался детский смех, перекрывающий шум льющейся воды.

— Ну что, наседка, успокоилась? Малявки дома, все в порядке. — Настя вольготно расположилась возле «мойки» и закурила очередную сигарету, стряхивая пепел в раковину. — Ему, хоть, денег добавили, или так и живете — от зарплаты до зарплаты? — завела она свою старую пластинку.

— Деньги пришли, и ушли, — повела плечом Лиана, а семья всегда остается семьей.

— Семья семье рознь, подруга. Я тебе еще десять лет назад говорила, что у него на лбу написано: «Бес-пер-спек-ти-вен!» Ну ладно бы, по «залету» замуж выскочила, Так нет — любовь-морковь. И что? В неполных тридцать ты имеешь полный комплект из двух детей, долгов, и мужа-неудачника. А ведь мужики у ног штабелями складывались. Выбирай — не хочу. Вот я: ростом не удалась, красотой, умом — тоже не особо блещу, но сменить свободу на такое убожество, — Настя передернула плечами, — нет уж, спасибо, ни за какие коврижки. Зачем мне идти замуж за Ивана-дурака, если я могу найти себе более денежного идиота? Я птица вольная — с кем хочу, туда лечу. Хочешь, и тебя познакомлю?

Настя настолько увлеклась разглагольствованиями, что не заметила, как на кухню вошел Сергей. Только случайно повернув голову, она наткнулась на абсолютно недетский, сосредоточенный взгляд. Насте показалось, что этот взгляд буквально ее препарировал, и, заглянув внутрь ее души, вытащил на свет всю ее вонючую требуху — все, что она скрывала от других, все, в чем не хватало духу признаться даже себе самой.

Сергей стоял и сосредоточенно разглядывал Настю, словно видел ее впервые.

— А кто это у нас тут такой? — пытаюсь справиться с замешательством, просюсюкала Настя, даже не стараясь прикрыть фальшь, сквозившую в каждой интонации. — Мы узе покусили? — голос был таким слащавым, что у мух запросто могло приключиться несварение желудка...

Приняв какое-то важное для себя решение, Сергей так плотно сжал губы, что они побелели от напряжения, и молниеносным движением выплеснул из чашки остатки уже остывшего чая прямо в лицо Насте. После чего развернулся на месте, словно выполняя команду «кругом», и чуть ли не печатаая шаг, покинул кухню.

Ошеломленная Настя сидела не в силах пошевелиться, несколько чаинок прилипли ко лбу и щеке, сладкие капли собирались на длинном и слегка крючковатом носу, и, падая, оставляли влажные пятна на новой и дорогой маечке «от кутюр».

Когда вернулась способность говорить, Настя пискнула: — Ну, бя... — окончание она поспешно проглотила, хотя на кончике языка вертелось не одно выражение, готовое в точности охарактеризовать ее отношение к данной ситуации, к детям вообще, и к воспитанию отдельно взятых особей в частности. Но над невысокой Настей возвышалась Лина. Маленькая складочка между бровей, на лице ни одного проблеска каких-либо эмоций, обманчиво добрый, и даже участливый взгляд — все эти признаки надвигающейся грозы Настя успела выучить еще в школьные годы, когда они сидели за одной партой, как лучшие подруги.

Именно такой вид Линка имела, когда выступала на соревнованиях по карате, или когда просто собиралась устроить кому-то хорошую трепку. Пускай она не стала чемпионом и не получила даже самого завалящего пояса. Но рука была тяжелой, а удар сильным и точным. Не зря в школе даже самые отпетые хулиганы старались с ней не связываться, и всячески стремились снискать ее благосклонность.

— Ну вот, — плаксивым тоном запричитала Настя, — теперь мне еще и домой надо, переодеться, мне еще на свидание, а я в таком виде... — слова сыпались как горох из дырявого мешка. — Ладно, подруга, потом созвонимся, кофе поьем, — донеслось из прихожей, хлопнула входная дверь, и стало тихо. И только теперь Лина заметила свои сжатые кулаки, потеки на плитке и пятно на полу. Она осознала, что же сделал Сережа...

...Цокая каблучками по ступенькам, Настя неслась, не глядя под ноги. Ее душили слезы, и она ничего не могла с собой поделать. Обидно. Разве она сказала неправду? Чем она заслужила такое к себе отношение? После всего хорошего, что она сделала для этой семьи, после всех денег, которые она им одалживала — этот маленький, неблагодарный сопляк, который и слова толком сказать не может, позволяет себе такое хамство!

Да и сестричка хороша, всегда на Настю волком глядела. Это не семья, это притон какой-то. Нигде еще не унижали ее так сильно, как в этой семье голодранцев...

Лина решительно толкнула дверь «детской». Работал компьютер, дети смотрели мультики. На мониторе Шрек обнимал спасенную принцессу, а осел лихо наяривал разухабистый рок-н-ролл.

Нахохлившийся Сергей продолжал прижимать к груди чашку с надписью «напиток храбрости», правда, изображен был под этой надписью почему-то не Храбрый лев, а Железный Дровосек.

— Ну что, хулиган. Как прикажешь понимать твоё поведение? — Сергей равнодушно пожал плечами, посмотрел на семейную фотографию, висящую на стене, потом перевел взгляд на сестру.

— Оксана, а ты ничего не хочешь мне сказать?

Ксюша тяжело вздохнула.

— Тетка Настя начала обзывать, а ты молчала. А мы подумали — вдруг она колдунья, и тебя заколдовала? А если колдунью облить водой — она растает. Нам папа в книжке читал. Сережа ее облил, и она сразу убежала. — Потом, немного помолчав, добавила: — Наверное, воды было мало.

Ну, в чем-то они, конечно, правы, логика железная. Суровым тоном, но уже не в силах сдержать смех, Лина вынесла вердикт:

— На первый раз объявляю амнистию. Но запомните на будущее: детям в разговор взрослых вмешиваться нельзя, а уж тем более подслушивать. И не дай бог еще хоть раз кто-то вот так по-хамски себя поведет. С гостями так себя вести нельзя, даже если они вам не нравятся.

...Пронзительный, тревожно-длинный звонок в дверь, заставил всех подпрыгнуть от неожиданности. Открылась дверь, и в прихожую ворвался Саша — друг семьи, сотрудник мужа, и крестный обоих малышей. Обычно флегматичный, он был чрезвычайно взволнован.

— Давай, бегом собирайся, и поехали, машина ждет, — заявил он, судорожно протирая стекла очков. — Володя в больнице, в реанимации. Попал в аварию. Я, как только узнал, сразу рванул за тобой.

Из детской выглянула Ксюша и радостно завопила:

— Ура! Дядя Саша приехал! — Дети радостно бросились навстречу дорогому гостю, но, увидав маму, лихорадочно пытающуюся дрожащими руками завязать шнурки на кроссовках, остановились в нерешительности.

— Mam, а ты куда? — дрожащим голосом спросила Оксана.

— Мы сейчас с дядей Сашей в одно место съездим, и вернемся. — Лина судорожно пыталась сообразить, что делать, и какую придумать отговорку для детей. Саша пришел на помощь:

— Мы к стоматологу. Мне зуб нужно вырвать, болит просто ужас, а я боюсь. Вот я и попросил маму, чтобы она со мной поехала, чтобы мне не так страшно было. Да, Лин?

Сергей вдруг отодвинул сестру в сторону, и, подойдя к матери, взял ее за руку, заглянул в глаза, пытаясь поймать взгляд. Потом, тяжело вздохнув и по-стариковски покачав головой, начал одеваться. Ксюша, полностью доверяя брату в подобных ситуациях, видя, что дело серьезное, тоже начала собираться. — Мы. Едем. С Вами, — заявила она, и оба малыша так решительно встали плечом к плечу, что у взрослых просто не хватило духу им отказать.

— Давайте, только быстрее, — начал подгонять их Саша. На безмолвный вопрос Лины он только пожал плечами.

...В приемном покое было тихо, прохладно, и пахло какими-то лекарствами. Пока Лина с Сашей разговаривали с хирургом, дети сидели смирно, время от времени зябко поводя плечами.

— Ну, что я могу вам сказать, — доктор достал сигарету, и благодарно кивнул, прикурив от Сашиной зажигалки, — крепитесь, состояние нестабильное, и вероятность того, что он выкарабкается, крайне мала...

...Сергей сидел на скамейке, с интересом оглядываясь вокруг, от непонятных запахов у него шел мороз по коже. По коридору бегали какие-то люди в светло-зеленых одеждах, носили какие-то бутылочки, и страшного вида шприцы. Вот провезли смешную кровать на колесиках. Мама, почему-то, увидев эту кровать, вздрогнула. Вот смешная, это же просто кровать. Вот кровать опять выехала, на ней уже кого-то катили. Сергею стало интересно, а вдруг, если он подойдет ближе, вроде бы как случайно, ему тоже предложат прокатиться?

Хм, дядя лежит, вроде незнакомый, но на кого-то очень похож. Его катают, а он даже не улыбнется. Подойдя вплотную, Сергей встал на цыпочки и заглянул в лицо лежавшему мужчине... Папа?!

— Сергей, немедленно иди сюда, — закричала Лина, увидав, как сын, подходит и заглядывает в лицо лежащему после операции мужу. Ей почему-то стало невыносимо страшно. Она схватила мальчика за руку, силой усадила его подле себя, и, не выдержав, расплакалась.

И тут Сережа понял: это на самом деле папа там лежит, ему очень-очень плохо, и маме плохо, потому что плохо папе. Ему захотелось сказать ей что-то очень хорошее, что он очень их всех любит, и ее, и папу, и Ксюху, хотя она иногда очень сильно задается. Сергей изо всех сил напрягся и...

...Лина плакала, спрятав лицо в ладонях, плакала горько и безутешно, она не слыхала, как сын встал перед ней, слегка качнувшись, будто у него внезапно закружилась голова, протянул руку и коснулся ее плеча. Отняв руки от лица, Лина увидела, как Сергей протягивает ей какую-то старую, странную монету. Лина никогда таких монет не видела, многоугольная, блестящая каким-то непонятным матовым светом, монета заставляла сильнее биться сердце. Сережа вложил монету ей в ладонь, и

накрыл ее сверху своей ручкой. Потом крепко обнял Лину, и — невероятно! Прощептал ей на ухо:

— Она волшебная, сожми ее и загадай желание, чтобы папа выздоровел, только очень сильно этого захоти, и я буду хотеть, и Ксюха. Все-все!

Хирург вышел из кабинета. Молодая и симпатичная мама спала, откинувшись к стене, по обе стороны от нее, примостив голову к ней на колени, прикорнули двое малышей. Они спали, нежно обнимая ее руку, сжатую в кулак...

Во двор дома въехало такси, и из машины с радостным смехом выскочили двое малышей: мальчик и девочка. Они весело бросились помогать вылезти молодому мужчине, опирающемуся на трость. По тому, как они нежно и осторожно с ним обращались, нетрудно было догадаться, что он им очень дорог. — Мам, мы приехали, — прокричали они молодой женщине, весело машущей им с балкона рукой.

Мальчик заметил меня, и помахал рукой.

— Дядя Веня, здравствуйте, вежливо крикнула мне девочка, а мальчик, подбежав, протянул мне тускло блеснувшую монету. — Спасибо, она мне очень помогла.

— Оставь себе, вдруг еще пригодится?

— Нет, — сказал Сережа, теперь у меня есть своя, в его ладони блеснула маленькой звездочкой новенькая, блестящая монетка. Вы меня еще научите? — Я медленно, не сводя глаз с монетки, кивнул. — До свидания.

Я глядел ему вслед, в голове приятно шумело, как после глотка отличного старого вина, а губы шептали:

— До свидания, маленький волшебник, наконец-то я тебя нашел...

НИКА БАТХЕН

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА

ЕТРЕЗВЫЙ И НЕВЕСЕЛЫЙ ПИСАТЕЛЬ Н. ВОЗВРАЩАЛСЯ домой уже в сумерках. Субботний вечер не удался, пиво в гостях было теплым и скверным, две из трех девушек — уже заняты, а на третью не польстилось бы и лицо кавказской национальности. Говорили о вышивке, телескопах вообще и устройстве «Хаббл» в частности, перемыли все кости писателю Л. — в отличие от присутствующих, он был успешен и хорошо продавался. Писатель М. скаламбурил: «Для фантаста ему не хватает фантазии» — и оставшийся вечер пыжился, словно ежа родил. Три романа писателя М. красовались в серии «Прощай оружие», был получен и даже обмыт аванс еще за два, так что поводов задрать нос в узком кругу друзей вполне хватало. А у писателя Н. вышли всего две книжки из двадцати задуманных, из них одна под псевдонимом Наташа Плошкина в серии «Женский иронический детектив». Нет, он никому не рассказывал даже по пьяни, но слухами земля полнится... и известный писатель Г. на последнем конвенте посмотрел на коллегу как-то особенно хмуро, а молодая, но до чертиков талантливая писательница В. отказала в душевной близости посредством емкости для шампанского.

Пиво, как уже упоминалось, было теплым и скверным, поэтому писатель Н. оросил куст сирени, не доходя до родного подъезда. Принцип «не гадь, где живешь» намертво вбили в душу талантливого подростка при обстоятельствах, не стоящих упоминания. Став взрослым, писатель Н. соблюдал его безукоризненно. Если б не стойкость моральных устоев — этой истории бы не случилось. Мало ли пьяных фантастов бродит по московским подъездам — кирпичным, сырым подъездам с бронированными дверями, скрипучими лифтами и неизменной коляской под лестницей, мало ли их бросает пустые банки из окон к вящему горю прохожих, чертит на стенках «Гэндальфа в президенты» и в абстинентной тоске заселяет подвалы гоблинами — дикими, но симпатичными? Но добродетель вознаграждается — застегивая джинсы непослушной рукой, писатель Н. обратил внимание: на поребрике под фонарем одиноко лежала какая-то блестящая штучка. Брелок. На цепочке, слишком тяжелой для дешевого сплава — густо-синий стеклянный шар с летающей тарелкой внутри. Если встряхнуть игрушку, изнутри поднимаются волны блесок — как будто звезды окутывают корабль. У Муми-тролля был такой шарик — нектати вспомнилось писателю Н. От жалости к себе — тридцатислишнимлетнему неудачнику — на густые усы литератора скатилась одинокая мужская... Дождь начинается, драматург хренов, — цинично подумал Н. и поспешил укрыться в родном подъезде. Брелок писатель сунул в карман — если кто потерял, объявление вывесят. А если не вывесят — значит, никому и не надо.

Квартира писателя Н. две недели была пуста — благоверная укатила на дачу в Момино, караулить зреющую смородину, близнецы подорвались с ней — ловить рыбу и драться с деревенскими пацанами. Теща уехала в Грецию с новым мужем. Кот Каляя увлекся юной сямкой и обосновался в подвале. «Нагуляется — вернется», — вздохнул писатель Н., учуяв миску, полную несъеденной котом рыбы. Снял ботинки и пошел открывать форточку. Ближе к полуночи настроение стало лучше — в холодильнике пряталась баночка «Гиннеса», по телевизору обещали новехонький боевик с Джеки Чаном, а в ящике обнаружилось предложение напечатать рассказ в безгонорарном журнале «Звезда Пригорья» — мелочь, а приятно. Писатель Н. расположился на кухонном диванчике, коротая полчаса до премьеры в компании пива и упаковки кальмаров. Из окна пахло июльским парком, листьями и дождем. Под бормотание новостей писатель Н. начал задремывать, как всегда, в такие одинокие вечера грезя о будущей славе и великих романах, которые он однажды напишет, и все поймут... А писатель М. сходит соснуть бензину, как сказал бы писатель Д... Что-то больно давило в бок и мешало уснуть. Запустив руку в карман джинсов, писатель Н. обнаружил там давешний брелок и вытащил его на свет божий. При электрическом освещении показалось, что шарик полон чистейшего ультрамарина, а тарелка изнутри мерцает и словно бы даже покачивается. Писатель Н. послюнил палец и старательно потер шарик, чтобы лучше видеть. Это он сделал зря...

От звуковой волны задрезбуждали и с грохотом обвалились во двор стекла, машины внизу взвыли сиренами, телевизор булькнул и отрубился, а сам писатель Н. потерял сознание. А когда набрякшие свинцом веки поднялись снова, у писателя Н. появился повод навеки завязать с пьянством (кстати, позже он так и сделал). И немудрено — если в насиженном компьютерном кресле развалился зеленый черт, длинноногий, ушастый и тощий, это может сразить любого.

— Приветствую тебя, брат по разуму, — произнес черт, пытаясь одновременно встать и поклониться. Вышло у него это неловко.

— Это ограб... в смысле вторжение? — вместо «здрате» проблеял писатель Н. Ему вспомнились уэлсовские марсиане — словно бы из окна на миг потянуло гнилью и раздалось тоскливое «улла»...

— Нет, вы что! — черт замахал руками так бурно, что сбил со стола коврик с мышкой. — Я можно, сказать, турист. Коммерческий турист. Посещаю планеты при помощи...

Потока дальнейших терминов писатель Н. не понял. Ему было сильно не по себе.

— Вы летали на этой штуке, — палец Н. уперся в неповрежденный брелок, — по Галактике?

— Да, — горделиво кивнул черт, — принцип гравилушки во временном континууме...

— Пива хочешь? — предложил собеседнику Н. в надежде сменить тему. Черт замялся.

— Нет, спасибо.

Н. заметил смущение собеседника:

— Угощайтесь... ся, брат по разуму. Не хватит — в ларек за еще смотаться, — почти сумел улыбнуться писатель Н. Мысль сбежать под благовидным предлогом грела душу все жарче.

— Премного благодарю, брат по разуму, — второй поклон удался черту лучше, — но я не пью пива. У меня есть проблема немного серьезней.

— У тарелки горячее кончилось? — услужливая память подсказала начитанному писателю Н., что, скорей всего, так оно и есть — вытек бензин, сломалась редкая шестеренка, утонуло в сортире радио или случилась еще какая-то дурь. И сейчас, он, писатель Н, окажется вынужден чинить летающую посудину, потом отправится спасать мир от злобных врагов, будет стрелять из бластера и планетарной пушки, сражаться с восьминогими шестикрылами, спать с Мата Хари, ругаться межгалактическим матом и окажется рассеян на атомы где-нибудь у Прочиона. А если даже удастся уцелеть в Звездных войнах и вернуться домой, гнев супруги доведет до могилы вернее вражеских пуль.

— Нет, конечно. Мое судно в полном порядке. Проблема в другом, — черт впился в Н. жарким взглядом настойчивых и жадных зеленых глаз. — Я голоден. Понимаешь, брат? Очень голоден...

Писателю Н. стало страшно. Он втянулся в угол дивана, поджал ноги и огрызнулся:

— Но-но, не балуй!

Черт встал с кресла и приблизился к Н. Пальцы гостя алчно дрожали, слюна показалась на вывернутых губах:

— Прости мою неучтивость, брат по разуму. Я семь циклов не держал в руках свежей пищи. Прости!!!

В поисках хоть какой-то защиты руки Н. шарили по дивану. Он ухватил первый тяжелый предмет — это оказался сдвоенный том космооперы писателя Л. — и швырнул в прищельца, целя в голову. Черт подпрыгнул, словно баскетболист, и поймал книгу в воздухе.

— Спасибоуммм.... — тощая фигура по-турецки села на пол и в бешеном темпе начала перелистывать страницы. Зеленая кожа черта на глазах становилась ярче, впалые щеки округлялись, ребра больше не грозили прорвать кожу.

— Приятного аппетита, — буркнул писатель Н., слез с дивана, бочком обошел гостя и отправился в ванну. Не сменить джинсы, как сделали бы многие на его месте. Писатель М. точно бы обоссрался — мелькнула в голове злорадная мысль. За трубой в вентиляции была спрятана от любопытных глаз бутылка смириновской водки.

...Когда заметно повеселевший писатель Н. вернулся в кухню, черт уже отложил книгу и сидел, развалясь, с блаженным выражением на физиономии. «Ты меня уважаешь» повисло в воздухе, но так и не прозвучало. Вместо этого Н. спросил:

— Вы что, книги едите?

Черт смущенно повел носом:

— Ты почти угадал, брат по разуму. Мы питаемся мыслеформами и мыслеобразами, свежей лингвой печатного текста. Чем полней и талантливей книга, тем вкуснее она. Текст ритмический опьяняет, текст насыщенный насыщает... гурманы любят ма-а-а-ленькие лимерики, а обжоры — эпические полотна.

— А как тебе понравилось мое угощение, брат по разуму? — Н. вдруг стало любопытно.

Черт смутился еще больше:

— Я безмерно благодарен за гостеприимство и обильную трапезу...

— Не парься, чеши как есть — я не обидчив, — отмахнулся Н.

— Адаптируя к терминам вашего языка, брат, — ты когда-нибудь получал на обед жареную подметку?

Злопамятный Н. заржал. Новый гость ему наконец-то понравился.

— Пошли, братан, я тебя накормлю от пуза!

Книги семейства Н. жили в спальне на стеллажах и занимали всю стену. Н. провел гостя к полкам и самодовольно наблюдал, как пришелец таскает книги за корешки, перелистывает страницы, полнеет и косеет на глазах. Чертовой кожи брюки гостя уже опасно обтягивали бока, когда гость наконец насытился. Он упал спиной вперед на семейное ложе Н. и, зажав в руке томик Пушкина, принялся декламировать:

... Жил на свете рыцарь бедный,

Молчаливый и простой...

— Божественно! Деликатес! Какой тонкий букет, какая восхитительная игра звуками! Брат по разуму, я стану богачейшим из богачей, поставляя ваши блюда на мою прекрасную родину. Ты станешь моим компаньоном, брат, и тоже озолотишься, я вижу, ты редкий гурман и вкус у тебя бесподобен...

Призраки великолепных дворцов воздвиглись и рухнули перед внутренним взором писателя. Н. пришла в голову странная мысль:

— Брат по разуму, я сейчас угощу тебя замечательной книжкой.

— Брат по разуму, доверяю твоему выбору, — черт растянулся на ложе и начал вполголоса читать стансы.

Взволнованный Н. пробежался взглядом по полкам. Теперь у него задрожали руки. А, вот оно.

— Прошу к столу брат — «Жизнь и смерть боевого робота галактических ВКС».

С преувеличенным любопытством черт протянул зеленую руку, ухватил книжку за переплет, открыл, перелистнул страницу, другую, третью... Н. ждал, его сердце билось неровно — галактический книгоед это вам не критики с самиздата, он-то точно разбирается в литературе...

— Эак, — сказал черт, — Пххх... уэ.... — и согнулся, держась за живот, сотрясаемый жестокими спазмами. Крошево пестрых слов выплеснулось на покрывало, некоторые мыслеобразы шевелились и пробовали сбежать, остальные остались лежать неаппетитной кучкой. Черт позеленел окончательно:

— Феноменальная дрянь. Уникальная. Редкостная, — сказал он и утер рот ладонью, — извини, брат по разуму, у меня слабый желудок. Сам понимаешь, космос...

Писатель Н. не отрываясь смотрел на сутулые плечи гостя, на блестящие брюки и торс, покрытый редкой зеленоватой шерстью. ...Ах ты, сволочь неблагодарная! Чучело! Тоже мне ценитель нашелся, взвейтесь да развейтесь, мать твою!!! Интересно, сколько дают за убийство инопланетного визитера? Двадцать лет без права переписки в лучшей психушке Москвы! — ответил Н. сам себе и пошел в кухню за веником. Водка кончилась, а жаль — у писателя на душе было необыкновенно погано. Да, с вероятностью зеленый урод возьмет его в дело и сделает богачом. Но поставлять на свою планету он будет, не его, Н., гениальные произведения, а Пушкина с Достоевским. Или писателя Л. Или писателя М... При этой мысли писатель Н. заскрежетал зубами.

...В банке не осталось ни капли пива. Н. потряс ее и перевернул — пусто. Взгляд писателя прошел по столу, огибая хлебные крошки и шкурки от колбасы, задержался на большом столовом ноже, спустился по ножке и уперся в уголок плитуса — там лежал и синел брелок с тарелкой внутри. Эврика...

Зажав в потном кулаке шарик, он вернулся в спальню. Гость валялся на покрывале, как у себя дома, бесстыжие янтарные глаза его были полуприкрыты, в острой бородке застрял ярко-красный слог «ля».

— Мы подпишем союз, брат по разуму? — сыто икнул пришелец.

— Да, несомненно, дорогой брат по разуму, — писатель Н. постарался придать пропитому голосу медоточивость и доброжелательность, — но сперва не мог бы ты удовлетворить мое любопытство в одном вопросе?

— За подобное пиршество все, что угодно! — черт подмигнул. — Хочешь, я расскажу, какие сиськи у нашей императрицы, или сколько стихов ее сын читает перед обедом?

— Это было бы с моей стороны нескромно, — Н. протянул вперед ладонь, — лучше скажи-ка ты мне, брат по разуму, правда ли, что ты, такой большой и сильный, целиком мог поместиться внутри такого маленького шарика...

* * *

Зал гудел, как растревоженный улей. Конвент удался на славу, все писатели пообщались с читателями, все читатели выпили с кем хотели, и друг с другом заодно тоже, все редакторы прошерстили всех молодых, но талантливых авторов, все молодые авторы сошлись во мнении, что современные издательства ничего не понимают в современной литературе. Разбили пять окон и одно зеркало в лифте, полили фикус в холле гостиницы добрым старым бренди, научили трехлетнего сына зиц-председателя Оргкомитета говорить такое, что даже на заборе писать неловко... В общем, праздник вышел выше всяких похвал. И теперь приближался заключительный момент торжества — вручение премий по общему голосованию. Кто в этом году увезет домой золотую птичку, кто бронзовую, а кто останется с носом? Судачили всякое — говорили, что новый

роман Л. проплатили спонсоры, что молодая писательница В. ради хоть какой премии соблазнила семидесятилетнего почетного секретаря конвента, а юный писатель У. с той же целью кокетничал... быть не может!!!

Наконец все уселись, ведущие вышли на сцену и начали объявлять. Сперва второстепенные премии и дипломы для спонсоров, потом дипломы мелких издательств и награды за иллюстрации. Один за другим из тысячного зала поднимались люди, выходили на сцену, кланялись и бормотали в микрофон благодарности. Счастливых лиц в публике все прибавлялось, впрочем, озлобленных и залитых слезами тоже. Известного художника Р. даже пришлось удалить из зала за чересчур экспрессивное проявление чувств по отношению к экспертному совету (выкрик «судью на мыло» был явно лишним с его стороны). Напряжение нарастало. И опытный распорядитель конвента успешно его держал. Неожиданно звонким для человека его лет голосом он выкрикивал в микрофон имена — и зал закипал, как море.

— Третье место в категории «повести и романы» получил писатель... простите, писательница Б. за роман «Ольгина ладья». Счастливого плаванья! Аплодисменты.

— Второе место в категории «повести и романы» получил всеми любимый писатель Л. за роман «Королева луны». Сириус не пройдет! Аплодисменты!

— Первое место в категории «повести и романы» получил... пауза... писатель Н.! За роман «Книгоеды»! Аплодисменты!!!

Пополневший, румяный, трезвый как стеклышко писатель Н. неторопливо поднялся на сцену — он хотел насладиться каждым мгновением своего торжества.

— Даешь птичку! Спасибо, друзья!!!

Он пожал руки всем важным людям по очереди, продемонстрировал залу приз — аплодисменты снова наполнили помещение. На писателя Н. смотрели во все глаза — восхищенно, завистливо, радостно, безразлично...

— Ваши творческие планы?

— Роман о мальчиках-неудачниках... — съязвил Н. и тут же поправился: — Я готовлю к изданию новую космическую оперу, это будет пряный коктейль из любви и войны на фоне Большой Медведицы. Вам понравится?

— Да!!! — выдохнул зал.

Писатель Н. неторопливо спустился со сцены и направился к своему месту, на балкон. Любопытная молодая писательница В. заметила — лауреат крутил пальцами искристо-синий брелок, а потом щелкнул по шарiku и ухмыльнулся:

— Приятного аппетита...

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

НЕТ ВОЗВРАТА

ТРУС НЕ СТАНЕТ СМЕЛЫМ, ДУРАК — УМНЫМ, А ПРЕДАТЕЛЬ — ЧЕСТНЫМ. И только случайности изменяют континуум...
...Что заставило Панова пойти к Зимнему и захватить царскую семью? Он не мог ошибиться на льду Невы — выход на Сенатскую справа от Адмиралтейства. Именно там был сбор восставших. Там его ждали с гренадерами. Туда ранее ушел Сутгоф. Прямое нарушение плана восстания, который и без того совершенно не соблюдался почти никем из революционного комитета.

Нет. Панов вошел во дворец, не обращая внимания на караул, который, впрочем, и не мешал ему, поднялся в жилую часть и сказал слова, известные теперь всем: «Теперь вам остается только ждать».

Он не остановился на этом. Словно кто-то подсказал ему выйти с частью лейб-гренадер на Дворцовую и у Главного Штаба наткнуться на Николая Павловича со свитой и малым числом кавалергардов. Тут же Николая задержали, спешили и увели во дворец, под охрану. Кавалерия не успела вмешаться — слишком быстро пробился Панов, а количество пеших гренадер обрекло бы рукопашную схватку на печальный исход для сопровождающих царя.

Казалось бы, сверхзадача, которую перед ним никто и не ставил, выполнена! Но Панов, имея под началом около пятисот гренадер, — четверста остались во дворце, выставив часовых, — направился к Сенату по Адмиралтейскому бульвару, с явным намерением прийти всё же на помощь блокированным Московскому полку, Гвардейскому экипажу и роте гренадер Сутгофа.

В тот момент восставшие, не имея руководства и уже понявшие, что Трубецкой так и не явится на площадь, отбивали непрерывные, но вялые атаки правительственных войск, верных Николаю. Готовились подвезти пушки, чтобы с помощью них вынудить мятежные полки разойтись. Еще час, другой, и восстание потонуло бы в крови.

Однако Панов без малейших усилий захватил орудия гвардейской пешей артиллерии, зарядил их картечью и дал залп вдоль по бульвару, вкось к Адмиралтейству, не желая, видимо, стрелять в спины солдат. Убиты были всего трое и около двадцати ранены. Тем не менее, измайловцы и егеря дрогнули и рассыпались, покидая строй и убегая вдоль ограды строящегося собора и по Вознесенскому проспекту.

Тут же Бестужев повел гвардейцев вперед, смял левый фланг преображенцев и внес полную сумятицу в ряды кавалергардов. Это и был момент перелома. Блокирующие войска отошли, давая восставшим

выйти из кольца. В три часа пополудни знаменитое стояние на Сенатской закончилось.

Экстренный созыв Сената произошел уже после того, как все восставшие расположились в Зимнем дворце и на Дворцовой площади. Сенаторам, доставленным из своих квартир уже когда начало темнеть, предъявили Манифест к русскому народу и вынудили их объявить царское правительство низложенным.

Сенаторы не стали сопротивляться, уж больно грозным казался князь Оболенский, избранный в руководители Временного революционного правительства. Дальнейшее описание революционных событий — созыв Великого собора, ликвидация крепостного права, объявление России республикой — не является целью данного исследования.

Лишь осторожное и последовательное замалчивание роли поручика Николая Алексеевича Панова в событиях декабря 1825 года заставило нас обратиться к написанию данной статьи. А ведь он один из основных героев! Никто другой не сделал так много для того, чтобы привести восставших к осуществлению их стремлений. Но буквально через месяц после декабрьских событий поручик был отправлен в родовое имение и благополучно забыт.

Возможно и к лучшему, если вспомнить о терроре против бывших соучастников, развязанном Трубецким и Пестелем. Начав с явных предателей дела — Майбороды, Ростовцева и Шервуда, закончили они братьями Бестужевыми. Вдохновителем террора принято считать Трубецкого, не простившего, видимо, героям того, что сам он постыдно расстался, отказавшись встать во главе восстания.

Вправе ли мы задать вопрос? Что было, если бы Панов действовал по плану, прибыл прямо на Сенатскую площадь вслед за первой ротой гренадер и присоединился к каре восставших? Достигло бы восстание своей цели? Скорей всего — нет. Количество верных царю войск вчетверо превышало количество восставших. Мятежное каре составляла одна пехота, тогда как против них наступали кавалерия и, главное, артиллерия. Отсутствие руководства и четкого плана с детальной проработкой всех функций участников, предательство членов общества, шаткость лозунгов, с которыми комитетчики подняли солдат, — всё говорит о вполне возможном поражении восстания.

Тем не менее, стечение обстоятельств привело к победе революционного комитета. Личные качества человека преодолели историческую закономерность развития событий: Россия перешла к построению буржуазного общества намного раньше, чем предрекали ей все специалисты».

Архип Семенович вернул мне мои листки каким-то брезгливым жестом. Дескать, возьми их и используй по назначению. Я взял. Мало ли где статью могут напечатать — не везде же придерживаются ортодоксальной позиции. Хуже было другое: нового задания шеф мне не дал.

То ли в творческий отпуск отправляет, то ли намекает, что журнал «Декабрь» не нуждается в моих услугах, как постоянного автора-публициста.

Этот вопрос следовало выяснить. Но тонко, намеком.

— Архип Семенович! — протянул я жалобно.

— Что тебе еще, Николай? — редактор говорил устало, только из вежливости.

— Чем вам моя статья не угодила?

Редактор хмуро посмотрел на меня.

— У нас свобода слова. И мыслей. И, разумеется, я знаю о твоих реакционных взглядах завзятого монархиста. Но зачем их высказывать на наших страницах? Ты уверен, что к двухсотлетию становления Республики люди хотят читать это?! — Архип Семенович ухватил мою статью со стола и потряс перед моим носом. Потом он раздраженно швырнул ее обратно. Листки смялись и рассыпались, пикируя к полу.

Я поспешил подобрать мою писанину — далеко не везде принимают файлы, а с бумагой нынче дефицит.

— А что такого? Ничего крамольного я не сказал — только общеизвестные факты. Любой может с ними ознакомиться, достаточно залезть в архивы.

— Да кто туда полезет?! А вот наш журнал прочитают от корки до корки. И будет очень неприятно, если наша позиция в чем-то разойдется с официальной.

— И чего мне делать? — напрямую спросил я.

— Отдыхай. Набирайся вдохновения, ищи материал. Отпуск у тебя, — и Архип Семенович мрачно посмотрел на меня исподлобья.

— Ага. Ну, ладно. Я тогда пойду...

— Иди-иди... — и добавил в спину уничтожительным тоном, — пис-сатель...

Дождь, морозящий с утра, закончился. Ветер разогнал серую хмарь над головой и дал возможность солнцу показать яркое умытое личико в синем окошке. Наверно, синоптики тренируются — облака разгоняют.

Я задрал голову, пытаюсь рассмотреть на верхушке башни «Ниеншанц» прогноз погоды на оставшуюся половину дня. И ничего не увидел: далеко, да и солнце отсвечивает. А на ближайших «Троицкой» и «Коломенской» нечего смотреть — там, кроме времени и теперешней температуры, ничего не показывают. Старье. Хотя и поновее некоторых оставшихся от девятнадцатого века домов центра, редкими желтыми островками вклинивающихся в современные деловые кварталы.

Поезд обуховской ветки монорельса отходил от Сенной через полчаса. Можно было спокойно прогуляться от Малой Морской, на которой находилась редакция, поглазеть на дома и вдоволь посокрушаться, что

так мало прекрасных зданий осталось со времен реконструкции. На всей улице только наш, что на углу с Вознесенским, да дом княгини Голицыной — на углу Гороховой.

Настроение, несмотря на погоду, было паршивым. Но ни с кем из пишущей братии я не мог обсудить свое фиаско. Либо обсмеют, либо, что еще хуже, будут притворно сочувствовать, а сами в душе радоваться, что конкурент в лужу сел. Тут нужен человек, которого не волнует — сколько твоих статей напечатали, а сколько редактор отправил в корзину. Кстати! Пашка Куликов! Он вообще в каком-то физическом институте работает. До него ехать всего ничего. Две остановки по шушарской ветке. Подумаешь, два года не виделись...

— Плюнь на это! — Пашка вещал, сидя на столе, тогда как я расположился в его кресле. — Самый умный, что ли? Да никто вообще не знает, как всё происходило, даже сами участники. Дальше своего носа никто не видит. Потом начинают вспоминать — что и как они делали — да все в голове перемешивается. Выходит какая-нибудь несуразица. А потомки, то есть мы, всему верим. Каждому их слову. Полная ерунда эти исторические исследования!

— А как еще истину узнать?

— Оно тебе надо? — Пашка прищурился. — Скажем, узнаешь ты, что красавица Шехерезада была вовсе не самым совершенством, а толстой крикливой бабой. Сразу — разочарование.

— Это давно было, — примирительно уточнил я. — А вот события совсем недавние. Скажем, лет двести назад...

Пашка хмыкнул и посмотрел в окно, которое было снаружи затянуто красным плакатом с золотыми буквами «200 лет основания Республики».

— Ты на что намекаешь? — подозрительно спросил он.

— Ни на что, — не понял я. — Статью у меня завернули, вот и всё.

— То есть, ничего о квантовых мирах ты не знаешь? И не для того приперся ко мне в рабочее время, чтобы взять интервью на эту тему? Мы ж с тобой уже года два лично не встречались.

— Ну-ка, ну-ка... — заинтересовался я. — Что за квантовые миры? Так вот чем ты тут занимаешься. А я-то думал — с чего бы ты засекрылся. Колись.

Пашка закусил губу, поняв, что проговорился. Чуть помявшись, он примирительно сказал:

— Не бери в голову. Я тебе кое-что покажу, так и быть. Только очень прошу — не говори никому. Ты сейчас ничего не обещаешь — всё равно не поверю, — прервал он мою попытку вставить убедительное слово, — вот как посмотришь — сам не захочешь трепаться. Пошли!

Вот и поплакался в жилетку. Вместо этого куда-то тащат на что-то смотреть. Хорошо бы — на интересное.

Установка не впечатляла. Небольшой белый шкаф с красной наклейкой в верхнем углу. От него тянулись толстые кабели и уходили в стены.

Павел присел, развернул вирт-панель и быстро набрал код доступа. Верхняя часть шкафа засветилась проецируемым вирт-экраном, и по нему побежали какие-то символы, в смысл которых я вникать не стал.

— Тут ничего сложного, — пояснил Пашка, — сейчас загрузится, и я тебе всё объясню.

— Только попроще. Я, всё ж, гуманитарий.

— Ты?! С какого перепугу? Мы же вместе ИИПС заканчивали. Чего ты в журналистику подался? Не понимаю. Неужели, инженером не интересно? Забыл уже всё, что ли?

— Да и ты не по профилю работаешь, — подколот я Пашку, — холодильник твой совсем не напоминает подвижной состав.

— Какой холодильник? — удивился он. И когда я ткнул пальцем в его установку, даже улыбнулся. — Ах, этот. Тут ты, Коля, не совсем прав. Это — квантователь. И, между прочим, с его помощью можно перемещаться.

— Куда?

— В принципе — куда захочешь.

— Да никуда я не хочу! — возмутился я.

Павел вздохнул.

— Сейчас тебе придется чуть поднапрячься и вспомнить, чему в институте учили. Есть гипотеза, что вокруг нас существует множество миров, отличающихся от нашего всего лишь на длину волны кванта. И при этом связи друг с другом они не имеют.

— И что?

— На самом деле, это не совсем так. Связь есть. Но не с теперешними мирами, а с их прошлыми отражениями. Проще говоря, мы можем посмотреть — как оно всё было, но не у нас, а в каком-нибудь отдаленном мире. Уяснил?

— А смысл? — скептически спросил я. — К тому же, небось, кучу энергии жрете. Как у вас с лимитами на электричество?

— С лимитами у нас в порядке, не беспокойся. Ну, что? Будешь путешествовать?

Я подумал. И еще подумал. Да и что я теряю, посмотрев некое действие?

— Буду.

— Учти, там эффект полного присутствия. Почти, как в кино. Но отличия есть. Там поймешь. И учти. Смотреть можешь. Действовать — нет. Невозможно. Не разрешается. Нет необходимости. Ну, давай. Выбери время, — Павел вводил нужные данные, активизируя установку и поторапливая меня.

Я выбрал. Это оказалось самым простым.

Скользко. Лед чуть припорошен снегом. Сильный ветер поднимает поземку и задувает под шинель. Сумрачно, лишь золотой шпиль Адмиралтейства тускло отблескивает. Нева. Вокруг меня много людей в старинной, чем-то знакомой, форме. Мы пересекаем реку.

Время, в котором я нахожусь, вопросов не вызывает — я сам его назначил. И я, наконец, полностью уверяюсь и понимаю — где нахожусь. Иду вместе с лейб-гренадерами на Сенатскую. Да вот дойду ли? Мы в пути всего полчаса, не больше. И хотя разогрелся на ходу, пальцы на ногах уже ничего не чувствуют.

Холодно. Декабрь. Самый короткий день в году. Сейчас выйдем на берег, дойдем до Зимнего и всё. Я поскользываюсь и чуть не растягиваюсь на льду. Кто-то из-за спины поддерживает меня под руку со словами: «Осторожно, господин поручик, вам на ногах крепко стоять надоть».

Поручик. Кто же у гренадер был поручиком?.. Да никак я сам Панов! Вот так свезло! В самой гуще событий окажусь! Интересно, можно узнать, о чем думает герой моей статьи? Нет. Не слышны его мысли.

Я чувствую, что могу поступать так, как захочется мне. Свернуть, пойти в противоположном направлении, да хоть повернуть обратно в казармы. Будто я не гость в чужом разуме, а хозяин тела, которое занимаю. Неужели эти физики сами не поняли, что они создали? Уж не пресловутую ли машину времени?

Ерунду Пашка говорил, что нельзя вмешиваться. Или он так запрещал? Боясь, что изменится уже *наш* мир? Вряд ли пара лишних отпечатков на снегу приведут к чему-либо глобальному. Хаотические случайности наверняка нивелируются. Но заданные случайности превращаются в целенаправленное воздействие.

Мы выбираемся на набережную у Мраморного дворца, огибаем его и сворачиваем направо, на Миллионную, или как она там сейчас называется. Мы! Я всё время забываю, что именно под моим началом идут все эти солдаты. Моих приказов они слушаются. Уже виден Эрмитаж. За ним — Зимний. Я войду во двор, поднимусь по лестнице и арестую всю царскую семью, включая будущего наследника Александра, именем которого поднялась потом контрреволюция.

Но действительно ли я хочу сделать это? Вдруг все действия Панова — лишь ошибка?! Вдруг он ожидал увидеть в Зимнем один из восставших полков, потому и повернул сюда? Например, измайловцев, которых Богданович не сумел возмутить против Николая, но поручик об этом не знал?

Неужели я должен принять решение за Панова?! Зачем мне это?! Почему я?! Удружил, Пашка, нечего сказать! В чем правильность? Никто не подскажет...

Сзади подпирают гренадеры. Они почти вносят меня во двор. Прямо передо мной стоят солдаты саперного батальона. Ждут. Одно мое слово, и они присоединятся к нам — с таким подъемом мы вошли. И остановились. Кажется, всего лишь на мгновение.

Мгновение проходит.

Я поворачиваюсь к своим лейб-гренадерам и кричу что есть мочи:

— Ребята, это не наши! Налево кругом, на Петровскую площадь!

Вот так.

Не будет бессмысленной победы. Россия и дальше будет развиваться по предначертанному пути самодержавия.

Вряд ли цена станет высока. Пострадает не так много человек — главным образом, руководители восстания. Но останутся живы тысячи и тысячи тех, кто сгинул в революционном угаре. Тех, кого бывшие крепостные, почуявшие вожделенную свободу и понимающие ее как вседозволенность, бросали в огонь сжигаемых поместий. Тех, кто умер от голода из-за того, что погиб помещичий посевной материал, а своего запасено не было. Тех, кто по собственной глупости не подготовился к зиме, ожидая манны небесной.

Слишком большую цену чужими жизнями заплатили революционеры за свою власть. Да и не только жизнями. Ломка крестьянской культуры вылилась во всеобщую жестокость. И комитетчики ничего не смогли противопоставить этому.

Что ж. Главное событие изменено. Осталось вывести grenадер на Сенатскую. Нарочито не замечая по дороге ни Николая со свитой, ни пушек на Александровском, подкатываемых к восставшим. Дойти и встать там, вместе со всеми. И будь что будет.

Один вопрос.

Чей мир я сломал?

И будет ли новый мир счастливее прежнего?

Одно я знаю точно: мне нет возврата обратно.

ТАТЬЯНА МИНАСЯН

ОЛЬГА I, ПАВЕЛ II...

Санкт-Петербург, 1826 г.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I В КРАЙНЕМ РАЗДРАЖЕНИИ смотрел на лежащий перед ним лист бумаги, исписанный красивым женским почерком. Что себе позволяет эта дама? Мало ему других срочных дел, всевозможных прошений и других документов, которые необходимо рассмотреть, так еще она со своей сумасшедшей просьбой! Да как она, жена государственного преступника, вообще смеет ему писать?!

Он поднялся из-за стола и несколько раз прошелся взад-вперед по кабинету, постепенно успокаиваясь. Напоминания о прошлогодней попытке восстания до сих пор выводили царя из себя, несмотря на то, что дело это давно закончилось и виновные либо держали ответ перед судом более высоким, чем императорский, либо уже несколько месяцев ехали к месту ссылки. Вот и теперь прошение супруги одного из сосланных в Сибирь бунтовщиков освежило эти неприятные воспоминания и заставило Николая мысленно вернуться во времена следствия и суда над восставшими, что не замедлило сказаться на его настроении.

«Зачем ей это нужно? — в крайнем изумлении спрашивал себя император. — Семьи бунтовщиков не несли никакой ответственности за их преступление, она может жить в столице, ни в чем не зная нужды! Что это за глупая фантазия, ехать за мужем в ссылку, как какая-нибудь крестьянка?! Нет уж, потакать подобным безумным идеям я не буду!»

Он вернулся к своему письменному столу, еще раз пробежал глазами прошение и на краткий миг заколебался: в конце концов, если этой Марии Волконской взбрело в голову ехать в Сибирь, стоит ли этому препятствовать? Пусть едет, жене бунтовщика там самое место! А Волконский, значит, вместо того, чтобы искупать свою вину, будет радоваться жизни, воссоединившись с супругой... Этого еще не хватало!

И хотя Николай прекрасно понимал, что даже если он разрешит Волконской уехать и она сможет добраться до места каторги, жить вместе с осужденным преступником ей все равно не позволят, решение было принято окончательно и бесповоротно. Резко обмакнув перо в чернильницу, он прижал прошение к столу и, едва не порвав бумагу, наискосок перечеркнул написанный на ней текст неровной отрывистой надписью: «Отказать».

Получив отказ, княгиня Мария Николаевна Волконская предприняла еще несколько попыток добиться разрешения на отъезд к бывшему князю Сергею Григорьевичу, однако император, сказав «нет» один

раз, уже не мог изменить своему первому решению. Прошли годы, и Волконская смирилась с тем, что ей придется остаться в Петербурге и что она больше никогда не увидит своего мужа. Утешением для нее стал подрастающий сын, воспитанию которого она и посвятила свою дальнейшую жизнь.

Что же касается жен других ссыльных, то, если у кого-нибудь из них и возникали такие же мысли об отъезде в Сибирь, как у Волконской, они, наученные ее горьким опытом, не решились на них настаивать.

Несостоявшееся восстание постепенно забывалось, а к концу царствования Николая I о нем не часто вспоминал даже сам император. После смерти царя Николая в 1855 году ссыльным было разрешено вернуться в столицу, но те немногие, кто к тому времени был еще жив, этим разрешением не воспользовались: они прочно обосновались на поселении, завели семьи с местными женщинами и менять устоявшуюся жизнь не захотели.

Ясная Поляна, 1862 г.

В кабинете графа царил обычный для этого помещения беспорядок — много неделями не вытираемой пыли и разбросанных где попало вещей. Впрочем, справедливости ради следовало бы сказать, что в последние месяцы, с появлением в доме молодой хозяйки, эта комната, как и все имение в целом, сделалась гораздо более чистой и прибранной. По крайней мере, сапоги на туалетном столике у Толстого больше не стояли, да и табачным дымом в кабинете теперь пахло не так сильно. Вот только хозяина кабинета эти перемены совершенно не радовали.

Он смотрел в будущее и не видел ровным счетом ничего. Новая жизнь, которая, как ему представлялось, должна была начаться после женитьбы на барышне Софье Берс, так и не началась. Все шло, как прежде, разве что прибавилось поводов для раздражения: молодая супруга то и дело порывалась чем-нибудь ему помочь и сделать что-нибудь «для его спокойствия» и при этом, словно бы нарочно, добивалась противоположного результата. И больше всего пугали Льва не ее неуклюжие попытки порадовать его, а мысли о том, что теперь так будет всегда, до самой его старости, что такая жизнь уже никогда ни в малейшей степени не изменится...

Вести дневник ему теперь приходилось тайком, преподавание в крестьянской школе и другие дела, в которые он еще недавно уходил «с головой», больше не приносили ему удовольствия... Даже писать не хотелось. А точнее — хотелось, но граф абсолютно не знал, о чем. Продолжать рассказы о войне? Он бы предпочел взяться за что-то новое, возможно, за большой роман, который занял бы его на много лет, в который можно было бы погрузиться полностью... Однако стоило Толстому задуматься о том, что могло бы лечь в основу такой работы, как все его мысли заходили в тупик. Да и размышлять часто было некогда — Софья Андреевна все время оказыва-

лась рядом в самый неподходящий момент. Вот и сейчас она наверняка постучится в дверь с каким-нибудь очередным вопросом по хозяйству или по подготовке к празднованию Рождества!

В дверь постучали. Граф тяжело вздохнул и раздосадованно вскочил из-за стола.

— Войдите!

В кабинет осторожно прошмыгнула миниатюрная Софья Андреевна. Ее большие, полные любви глаза смотрели на мужа неуверенно и робко. Эта совсем еще юная женщина чувствовала, что с ним что-то не так, и больше всего на свете ей хотелось облегчить ему жизнь и сделать его счастливым. Вот только она плохо представляла себе, как это сделать, а кроме того, не была уверена, что у нее есть право помогать тому, кто не просил ее помощи. Но и не делать вообще ничего Софья тоже не могла — а потому старалась хотя бы время от времени отвлекать супруга от одолевавших его неприятных мыслей.

— Я вам помешала, Лев Николаевич? — спросила она извиняющимся голосом, увидев в беспорядке лежащие на столе бумаги. — Вы начали писать что-то новое?

— Нет, я пока ничего не начинал... И вряд ли начну в ближайшее время, — покачал головой Толстой. — Мне сейчас не до этого. А что?

— Там ряженные приехали, — она чуть заметно улыбнулась. — Не хотите немного повеселиться?

— Ну что ж, пойдемте, — старательно скрывая скуку и недовольство, согласился граф и вслед за женой вышел из комнаты.

Санкт-Петербург, 2008 г.

В большой пустынной аудитории Императорского государственного университета было сумрачно и прохладно. Голоса сидящих на подоконнике юноши и девушки гулким эхом разносились по залу, где еще полчаса назад шла консультация для абитуриентов. Девушка, одетая по самой последней моде в брюки вместо юбки, держала в руках толстую растрепанную тетрадь, почти до конца исписанную крупным витиеватым почерком. Изредка она опускала глаза на эти записи, сравнивая с ними ответы своего друга, но чаще выслушивала их, не глядя в тетрадь, одобрительно кивая, если он отвечал верно, и поправляя его, когда он ошибался, — даты царствования российских императоров, в которых этот приехавший из провинции молодой человек постоянно путался, юная барышня знала назубок.

— Давай еще раз, сначала, скажем, с Николая Первого, — сказала она, когда юноша, наконец, с грехом пополам, добрался до последнего царя. — Закрепим результат.

— Ага, сейчас, — сосредоточенно вздохнул молодой человек и принялся со скупающим видом заново перечислять так сложно запоминающиеся

цифры. — Значит, Николай Первый — с восемьсот двадцать пятого по восемьсот пятьдесят пятый годы, Александр Второй — с пятьдесят пятого по девяносто шестой, Николай Второй — с восемьсот девяносто шестого по девятьсот... э-э-э... девятьсот двадцать шестой, правильно?

— Да-да, все верно, давай дальше.

— Дальше — Алексей Второй. С тысяча девятьсот двадцать шестого по тысяча девятьсот сорок третий...

— Да не сорок третий, а тридцать четвертый!

— Ох, точно, тридцать четвертый! Опять цифры местами поменял! Ладно, потом идет Ольга Первая — с тридцать четвертого года по шестьдесят второй, после нее Павел Второй — с шестьдесят второго по восемьдесят третий, а потом — Николай третий с восемьдесят третьего года и до сих пор!

— Молодец, все можешь, когда захочешь, — похвалили его девушка. — Только с Алексеем Вторым будь внимательнее, — она перевернула несколько страниц тетради и хитро улыбнулась. — Ну что, давай теперь даты подавленных мятежей?

— А может, в следующий раз? — вкрадчиво спросил молодой абитуриент. — Я так с этими царствованиями намучился — больше никаких дат не помню!

— Да их же всего три было, и все сразу же разогнали! Ну неужели так трудно выучить! — возмутилась девушка. — Ты так никуда не поступишь и вернешься в свой Всеволожск! А мне бы... — она чуть понизила голос и посмотрела на него более ласковым взглядом, — мне бы этого совсем не хотелось, понимаешь?

— Я все выучу! — воскликнул молодой человек. — Честное слово, я сам хочу остаться в Питере, я не хочу с тобой расставаться! Просто мне очень сложно запоминать цифры.

— Ладно, завтра я с тебя спрошу и Романовых, и мятежи, — пообещала девушка. — А сегодня — так уж и быть, отдыхай. Мне, кстати, все равно домой пора, надо еще реферат по Толстому писать.

— И зачем вам изучать Толстого, некрупный ведь писатель, один сборник рассказов всего, — буркнул юноша, подавая подруге руку и помогая ей слезть с высокого подоконника.

— И хорошо, что только один сборник, если бы еще и он, как другие, романы писал, я бы точно никуда не поступила! — усмехнулась девушка и принялась засовывать тетрадь в туго набитую учебниками сумку.

— Кстати, держи, — молодой человек достал из кармана кошелек и протянул подруге две слегка помятые купюры. Она рассеянно взяла их, но потом, чуть подумав, вернула одну обратно:

— Это слишком много, я же у тебя только даты царствований проверила.

— А, хорошо, — кивнул юноша и убрал лишние деньги в кошелек. Потом он взял свою спутницу под руку, и они вместе направились к выходу из аудитории.

СЕРГЕЙ ЛУКИЯНОВ

ХРАНИТЕЛИ

(ИЗ ЦИКЛА «ЯПОНСКИЕ ПРИЗРАКИ»)

В

ОРОТА ХРАМА ТОМОНОДЗИ ЗАПЕРЛИ С ЗАХОДОМ СОЛНЦА. Проверив лишний раз, крепко ли сидят в своих пазах запоры, монах удалился внутрь храма, откуда доносился тихий шёпот читающих сутры людей.

Небольшой двор между стенами храма и самим зданием был вымощен камнем, от которого звонко отлетали шлёпающие звуки сандалий. Монах медленно прошёл мимо статуй священных животных и остановился возле изваяния Мё-о¹. Поклонившись ему, монах вошёл внутрь.

Когда свет в здании погас, и все служители храма разошлись по своим комнатам, подступающий к стенам храма лес, проснулся. Множество неслышных человеческим ухом звуков обрушилось на стены священного здания.

Деревянные ворота задрожали от натиска неведомых сил, и лишь присутствие защитника людей Мё-о заставило их отступить. Даже сквозь деревянные панели дверей, они чувствовали ослепляющий свет его меча.

— Опять испугались, — довольно поигрывая бутылочкой сакэ, хихикнула статуя тануки.

— Я всё молюсь, когда наступит день, и посетители уронят тебя с постамента, — немедленно отозвалась статуя кошки, с поднятой к небу лапой. — И зачем я только позвала людей в храм²?

— Ты только этим и гордишься, — парировал пьяный зверёк, спрыгивая с постамента. — Завидуешь, что меня создатели одарили куда больше, чем тебя³?

— Да замолчите вы оба! — набросилась на них статуя старой обезьяны. — Каждую ночь одно и то же. Хоть бы раз провели её мирно.

— Попробуй тут удержишься, когда от него несёт, как от... — кошка многозначительно махнула хвостом и ловко спрыгнула со своего места.

Перекатившись на спину, она стала быстро расти, и вскоре во дворе стояла обнажённая девушка небесной красоты. Её ярко-зелёные глаза презри-

¹Мё-о — воины, защищающие людей от демонов. Выглядят как огромные могучие воители с двуручными мечами из чистого света. Происходят из числа просветленных военачальников, не достигших статуса будд и бодхисаттв.

²В древние времена в одном старом храме, в который никто не заходил, поселилась кошка. Она стала выходить на дорогу и садиться на задние лапы, поднимая переднюю лапу, как бы приглашая людей в храм. Узнав о таком диве, толпы повалили в этот храм. С тех пор статуи кошек с поднятой передней лапой считаются приносящими удачу и часто ставятся перед храмами и в домах.

³Гениталии тануки — традиционный символ удачи, они считаются площадью 8 татами — 12 кв. метров. Скульптуры тануки с огромными гениталиями и бутылкой сакэ в лапе, можно часто встретить в Японии.

тельно сверкнули в сторону полуметрового тануки, с трудом передвигающего ноги. Толчком изящной ножки, она опрокинула его на спину.

— Так-то лучше, — прошептала девушка и подошла к статуе хранителя монастыря.

Дотронувшись до лезвия меча, девушка прижала руку к груди, и растворилась в воздухе.

— Вот всегда она так! — бурно возмущался тануки, стараясь перевернуться на живот. — Мудрый Ци, почему она так поступает со мной? — вновь очутившись на задних лапах, спросил зверёк.

— Потому что твой пьяный язык не имеет костей, — опираясь на посох, статуя обезьяны осторожно спустилась на землю. — Не можешь молча встать и отправиться по своим делам, обязательно надо поиздеваться над «они».

— Да что с того?! — тануки размахивал своей бутылкой. — Всё равно они побоятся проникнуть сюда!

Старая обезьяна лишь махнула рукой и повторила действия кошки. На этот раз во дворе стоял благородный старец, в белых одеяниях. Он почтиительно приблизился к статуе Мё-о, и поклонился хранителю. Коснувшись посохом его меча, старик исчез в клубах дыма.

— Остались мы с тобой? — завилал хвостом тануки, обращаясь к статуе собаки.

Статуи сятихоко⁴ он игнорировал намеренно, потому как жутко боялся их ядовитых игл. Иногда он сомневался, что «они» не проникают в храм из-за хранителя. Многие духи говорили, что яд сятихоко парализует жертву, и она умирает много дней в ужасных муках.

Отпив для храбрости сакэ, тануки подобрался к статуе собаки как можно ближе.

— Старый друг, — заглядывая неподвижной статуе в глаза, проворковал зверёк. — Что же ты весь вечер молчишь?

Но собака продолжала молчать. Тануки занервничал, и ухватился за собственный хвост. Перебирая на нём волоски, зверёк покосился на статую хранителя. Пора было исполнять свои обязанности, но так не хотелось возвращаться в мир людей. В прошлый раз ему сильно намяли бока.

Отпив ещё сакэ, он бочком приблизился к статуе Мё-о и пальчиком коснулся его меча. Свой природный облик он предпочитал человеческому, потому тануки превращался в людей только в крайних случаях. Громко чихнув, он исчез со двора.

На какое-то время храм вновь наполнили голоса бродящих за пределами стен злых духов. Они стенали, и угрожали, но так и не рискнули атаковать храм.

⁴Сятихоко — морское чудище с головой тигра и телом рыбы, покрытым ядовитыми иглами. Для хождения по земле оно может превращаться в тигра. Обычно они плавают вокруг головы кита, следя за тем, чтобы кит не нарушал Закон Моря — «кит не может есть большую рыбу». Если кит нарушает этот закон, сятихоко забираются к нему в рот и зажимают до смерти. В средневековые статуи сятихоко часто ставили в японских замках, как в Европе — статуи горгулий.

Повилив хвостом, статуя собаки потянула носом воздух, и прыгнула со своего постамента. Она быстро загрусилась к статуе, встала на задние лапы, чтобы дотянуться носом до меча хранителя и, прыгнув через спину, исчезла в ночном воздухе.

Теперь храм оставался на попечении статуй сятихоко и Мё-о. Они были самыми старыми, а потому мудрыми, и не тратили время на разговоры. С возрастом их подопечные обретут мудрость и спокойствие, начнут больше размышлять, и не так часто отлучаться из храма.

Пока же они вели себя как дети, но это-то и нравилось Мё-о. Когда-то он был таким же, а потому с нетерпением ждал возвращения всех четверых, когда они соберутся в кружок, и будут рассказывать о своих приключениях...

Первой вернулась собака. Её шерсть потеряла серый оттенок камня, и теперь её можно было принять за обычное животное, если бы не грустные глаза, в которых отражались прожитые ею столетия.

Второй вернулась кошка. Несмотря на природную неприязнь двух созданий, духи оказались лучшими друзьями. Обнажённая девушка склонилась над собакой и почесала её за ухом.

— Как прошли роды⁵?

— Девочка, — отозвалась собака гортанным голосом, её челюсть мешала правильно произносить слова. — Мать почти не мучалась, вкусные ягоды.

Собака имела в виду сегодняшнее подношение женщины. Она проделала немалый путь до храма, чтобы попросить собаку об удачных родах, и добрый дух исполнил её просьбу.

Вопросительно завиляв хвостом, собака интересовалась, как прошли дела у кошки. Девушка оглядела своё гладкое тело, и грустно улыбнулась.

— Я не разобралась в просьбе мужчины, и чуть горько не поплатилась за это, — девушка улыбнулась, и украдкой посмотрела в сторону стража. — Он просил меня о богатстве, но я не поняла, о каком.

— Похотливый старичок? — собака хрипло рассмеялась.

— Молодой, — съязвила девушка. — Как дура металась по лесу, искала закопанные сокровища, а когда нашла, проникла к нему в дом...

— Голая?! — всё тем же насмешливым тоном, поинтересовалась собака.

— Да! Я уже поняла, в чём была моя ошибка, — потрепав животное за ухо, улыбнулась девушка. — Кое-как вырвалась из его объятий. Никогда бы не подумала, что он окажется настолько сильным. А как он за мной бежал!

Собака уже перевернулась на спину и, задрвав ноги к небу, хрипло хихикала. Девушка, едва сдерживаясь, чтобы не присоединиться к ней, продолжала рассказывать, как её проситель выскочил на улицу в одном ис-

⁵Считается, что собаки рожают без боли, поэтому беременные женщины в определенные дни приносят статуям собак жертвы и молят об удачных родах.

поднем и промчался за ней через весь лес, пока не споткнулся о выкопанные кошкой сокровища.

— Он даже не взглянул на них! — с ноткой самодовольства, посетовала девушка. — Так и бежал за мной, пока я не испарилась в воздухе... Мне даже стало его жаль, когда он, печально повесив нос, побрёл обратно...

Собака резко прекратила смеяться, и серьёзно посмотрела в лицо кошке.

— Ты помнишь Абецуке? — заметив, что девушка вздрогнула, собака довольно кивнула мордой. — С людьми нам не будет счастья.

— Я знаю, — печально вздыхая, отозвалась девушка.

Несколько лет назад она полюбила юношу, и несколько месяцев жила в человеческом облике. Они были счастливы, пока её красота не навлекла на них несчастье. Завистники убили Абецуке, желая овладеть его женой. Но она им жестоко отомстила.

Две слезы бесшумно упали на дорожные камни и тут же исчезли.

— Прости, — завилыла хвостом собака.

В этот момент, охая на все лады, появился тануки. Он был в человеческом облике, и прижимал ко лбу широкий лист подорожника. Похоже, ему опять досталось от людей...

— Проклятье, — опускаясь рядом с собеседницами, простонал тануки. — Вторую ночь подряд!

— Ты что же, опять неудачно пошутил? — тихо поинтересовалась кошка.

— Нет, — с жалостью глядя на зажатые в руке осколки бутылки из-под сакаэ, пробормотал тануки. — Меня попытались съесть.

— Что?! — разом вскрикнули кошка и собака.

— Я как раз проходил мимо дома Канзо, когда правой лапой угодил в его ловушку. Он, наверное, решил, что я зарюсь на его овощи, — потирая упомянутую лапку, рассказывал зверёк. — Ладно я вовремя превратился в человека, и он пинками прогнал меня из огорода. Будь я в образе зверя, он бы прибил меня своим тесаком.

— Так зачем же ты туда полез? — удивилась кошка.

— Его дочка попросила меня, — уклончиво произнёс тануки, и поплёлся к своему постаменту.

После неудачного вечера он всегда раньше других возвращался на своё место и засыпал. Но, едва он закинул передние лапки на постамент, во дворе появилась обезьяна. Она по-прежнему выглядела, как седовласый старик, но довольно поблёскивающие глаза выдавали молодого духа.

— Интересного человека я выловил из вод нашей реки, — многозначительно начала обезьяна, прошлёпав к собравшимся статуям. — Не хотел, чтобы я его спасал, но пришлось подчиниться...

— Опять самоубийца? — безразлично спросила кошка.

— Ага, но какой! Ученик великого кузнеца, мечи которого славятся по всей Японии, — посмеиваясь, ответил старик. — Он решил, что хозяин недооценивает его, а возвращаться домой с позором, не собирався.

— И какой же совет ты ему дал? — кошке иногда не нравилось занудство старика, но ему удалось пробудить в ней интерес.

— Чтобы работал в поте лица, — серьёзно ответила обезьяна. — Правда, едва он услышал это, вновь полез в воду, но мне удалось его уговорить.

— Стоило ли? — разочаровавшись, парировала кошка.

— Сегодняшний посетитель, господин Бонору, просил меня послать ему лучшего оружейника во всей провинции. Догадываетесь, куда я отослал моего молодца?

— И он тебе поверил?!

— Поверишь разговаривающей обезьяне, — покотившись со смеху, улыбнулся старик. — Ладно, уже светает.

Оперевшись на посох, обезьяна приняла своей первоначальный облик, и двинулась к постаменту.

Небо действительно начинало светлеть. Служители храма, скоро проснутся, и займутся повседневными делами, торговлей и сбором пожертвований, а слуги храма отправятся на заслуженный отдых.

Довольный проделанной духами работой Мё-о едва не похвалил их, но вовремя сдержался. Пока статуи выполняли желания людей ради собственного удовольствия, они приносили большую пользу. Но стоит им почувствовать, что каждую ночь они *обязаны* это делать, как волшебство прекратится.

Хранитель слишком хорошо знал это. Собственно, это была целая история, которую он, возможно, когда-нибудь расскажет своим друзьям...

В этот момент во двореке монастыря послышались шаги монаха. Он шёл открывать ворота, чтобы посетители могли вознести очередные молитвы статуям ками.

СЕРГЕЙ ЛУКИЯНОВ

ПРАЗДНИК ПРЕДКОВ

(ИЗ ЦИКЛА «ЯПОНСКИЕ ПРИЗРАКИ»)

В ГОРОДКЕ ТАКЕТА, ЧТО В ПРОВИНЦИИ ОИТА, СТОЯЛА душная августовская жара. Все жители высыпали на улицу (чтобы вдохнуть свежего воздуха на берегу протекающей через город реки).

Сегодня был особый день. Праздник Бон¹, время почтить память предков.

В семье маленькой Когими, несмотря на полуденную жару, царила суета. Год назад умер дедушка Когими, и обычаи требовали приготовиться к первому празднику с особенной тщательностью. Маленькую девочку отослали на улицу, и она весь день провела с подругами.

Ближе к вечеру, мать позвала её в дом и подарила ей маленькую красную ленточку, которая так подходила к уличному кимоно девочки. Когими страшно обрадовалась, и бросилась матери на шею. Но затем она вспомнила, что ничего не приготовила для неё.

— Не волнуйся, дорогая, — смеясь, ответила мать. — У тебя для этого будет ещё завтрашний день.

Настало время зажигать мукаэ-би, чтобы дедушка мог разглядеть его в темноте, и безошибочно явиться в родной дом.

Когими несколько пугало то, что уже умерший человек, вернётся в дом, чем вызвала смех у матери.

— Глупенькая, — глядя девочку по голове, разъясняла мать. — Мы приглашаем дух моего отца, в знак нашего уважения.

— Значит, мы его не увидим? — с облегчением вздохнула девочка.

— Конечно же нет, и кроме того, окури-би подскажут духу, что ему пора уходить. Не бойся, Когими, это не страшные демоны из тех историй, что вы рассказываете друг другу по вечерам...

Девочка вскинула на мать удивлённые глаза. Откуда она могла знать, чем занимались девочки, когда рядом не оказывалось взрослых. Но женщина ей подмигнула, и переключилась на притихшего отца.

Ей не понравилось, что он сэкономил на благовонных палочках, которые невозможно было зажечь. А если это и удавалось, то те быстро гасли. После ужина, мать поймала Когими за руку, и сунула ей серебряную монету.

¹В середине августа проводятся дни, посвященные празднику Бон — Дню предков. Считается, что в эти дни предки посещают дома, в которых раньше жили. Для них зажигаются специальные приветственные костры мукаэ-би, которые в конце праздника сменяются прощальными кострами окури-би. Иногда окури-би зажигают в лампах и спускают по воде. В буддийских храмах служитя церемония Урабон в честь покойных предков. По всей Японии в эти дни люди танцуют особый хороводный танец Одори, исполняемый в национальных костюмах.

— Когими, сбегай к господину Тодо, и купи у него хорошую свечу для окури-би. Мы с тобой спустим её на речку, когда отец ляжет спать.

Матери не надо было повторять дважды. Она только увидела, как засверкали пятки Когими, летящей со всех ног в лавку Тодо. Денег хватит с избытком, и возможно девочка догадается купить себе какую-нибудь сладость.

Грустно вздохнув, мать вернулась в дом, где её муж разорвался из-за отсутствия сакэ.

Лавка Тодо находилась у самой окраины города. Когими бежала так быстро, что у неё не хватило сил и ей пришлось остановиться, чтобы перевести дух.

Опёршись на колени, девочка зажмурила глаза. Правый бок начинало колоть.

Вздохнув свободней, девочка заковыляла к торговцу. Она всё ещё прижимала ручки к боку, и не делала резких движений. Краем глаза, Когими следила за дорогой, чтобы не столкнуться с людьми.

Удивительное дело, всегда пустынная улица сейчас была полна людьми. Они шли не быстрее Когими, но двигались в сторону города. Когда боль в боку начала проходить, девочка оторвала взгляд от дороги и обратила внимание на странное шествие.

Господин Сохо и его жена шли ей навстречу, поддерживая друг друга за руки. На бледных лицах у них застыли блаженные улыбки. Казалось, они и не заметили маленькую девочку, застывшую посреди дороги с широко раскрытыми глазами.

Супруги Сохо умерли два года назад. Когими тогда была ещё слишком маленькой, чтобы участвовать в церемонии, но она дружила с их внучкой и часто встречала супругов в доме.

С бешено бьющимся сердцем девочка почтительно поклонилась супругам. Мужчина с женщиной сделали то же самое и продолжили путь. Когими была рада, что они не задержались поговорить с ней.

Других бредущих по улице людей она не знала. Но нетрудно было догадаться, что это умершие родственники, заметившие приветственные огни своих детей и внуков.

Когими обнаружила, что без труда может разглядеть сквозь них стены домов.

Страха она не испытывала. Ей просто стало грустно. Как будто призраки высосали из неё всю радость, заменив её печалью.

Тряхнув головой, девочка поспешила в лавку Тодо. Торговец оказался на месте и не думал закрываться.

— Господин Тодо, — обратилась девочка к торговцу, когда он запаковывал ей свечу. — Скажите, вы случайно не узнаете людей, что сейчас стоят у входа? — она указала за дверь, где промелькнул один из умерших.

Торговец покосился на дверь, затем на девочку, и молча покачал головой. Он вообще был неразговорчивый. Поблагодарив за свечу, девочка бро-

силась бежать к переброшенному через речку мосту, где она должна была встретиться с матерью.

Там уже стояли семьи её подруг. Подбежав к ним, Когими хотела рассказать о случившемся, но тут же осеклась, когда увидела очередного мёртвого.

Его глаза блестели в свете окури-би, который держала одна из подруг Когими. Осторожно, чтобы не затушить пламя, девочка опустила свечу в воду, и лодочка медленно поплыла по течению.

Всё это Когими видела краем глаза. Основное её внимание было приковано к призраку, который оскалился в злобной улыбке и мгновенно усох. Он стал не больше кулачка девочки. Похожий на сгусток тумана, призрак скользнул над водой, и оказался в маленькой лодочке, возле огня и, скрылся за поворотом.

— Вот ты где, — положив на плечо Когими руку, произнесла мама. — Ты купила свечу?

Вздрогнув, девочка кивнула матери и протянула свёрток.

Она не хотела оборачиваться назад и видеть собственного дедушку. Когими боялась, что лицо всегда добродушного старика исказит гримаса злобы. Что если этим ритуалом люди не выражают почтение к умершим предкам, а наоборот, пытаются спастись от их ежегодной мести? Возможно, это единственный день в году, когда они получают возможность бродить по земле и влиять на жизни людей!

— Когими?.. — девочку трясли за плечо. — Что с тобой, дочка?

— Н-ничего, — бросая робкий взгляд на маму, отозвалась девочка. — Просто я хочу спать.

— Ну, хорошо... — обратившись к стоящим рядом людям, мама зажгла свечу, и передала её Когими. — Держи, можешь спустить её на воду.

У девочки задрожали руки. Она с трудом протянула их к свече и крепко обхватила обеими руками. Пламя окури-би обжигало ей пальцы, но она надеялась, что сможет проводить дедушку обратно.

Опустившись на колени, она коснулась прохладной воды, и лодочка со свечей, слегка качнувшись, поплыла вдоль берега.

Позади себя Когими услышала лёгкий вздох. Через секунду она наблюдала за колечком дыма, который нёсся к огоньку свечи, словно мотылёк.

Поднявшийся неизвестно откуда ветер взъерошил волосы на голове девочки и погнал быстрее свечи к повороту реки.

Проводив их взглядом, Когими поднялась с колен, и вложила разом похолодевшую ручку в ладонь матери.

— С тобой точно всё в порядке? — в голосе матери чувствовалась тревога.

— Теперь да, — глядя на поворот реки, отозвалась Когими.

«До следующего года — да», — мысленно добавила она про себя и потопала вслед за мамой домой.

ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ
РУССКАЯ ОКЕАНИЯ. ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

Туземные названия сих островов я заменил навеки нашими — в честь великой княгини Елизаветы Алексеевны, графа Орлова-Чесменского, адмирала Ушакова и посольской миссии камергера Резанова

И.Ф.Крузенштерн, мореплаватель

— Годдэм! Московиты обнаглели! — в раздражении воскликнул первый лорд адмиралтейства, когда лондонские газеты сообщили об открытии русскими трёх новых земель на севере Тихого океана. — Для чего мы послали туда Кука и Ванкувера? Чтобы они всё проворонили? чтобы подарили острова этому...

— Крузенштерну! — подсказал секретарь.

— Знакомая фамилия. Где я мог её встречать?

— В наградных списках, милорд. Прежде он служил в британском военном флоте. Его коллега Лисянский — тоже.

— Но теперь они на царской службе. Все их достижения — на пользу императору Александру, а не нам. Вот что такое «обрусеть»! Это значит стать варваром, монголом и татаринном, и под знаменем гордыни завоёвывать, захватывать, присваивать!..

«Захватывать — это по-нашему!» — Секретарь на миг представил себя Чингисханом, водружающим над миром флаг Великобритании. Но лицо его выражало по-английски сдержанное презрение, поскольку чужие успехи следует только презирать.

Что поделать, если из всего архипелага, лежащего между Командорскими и Сандвичевыми островами, злополучный Чарлз Кларк — преемник съеденного Кука, — открыл лишь пару островов, и то его на два с половиной века опередили испанцы.

Впрочем, они не смогли подчинить эти земли — ни во времена Кортеса, ни при просвещённом Карле III, когда русские (опять они!) дали туземцам оружие и покровительство империи. Теперь московиты контролируют простор шириной в тысячу морских миль, охватив его со всех сторон, словно зажав в кулак — это не считая так называемой Русской Америки!

А ведь совсем недавно, когда Беринг и Чириков по приказу мёртвого Петра I искали таинственную «землю Жуана-да-Гамы», многие в Европе полагали, что всякие Рико-де-Оро, Рико-де-Плата, Исла-дель-Арменьо и Лукария — не более чем выдумки испанцев и голландцев...

Пришедшие с севера

— Хмарь и хлябь, — ворчал сердитый Витус-Йонассен, кутаясь в промокший плащ. — Здесь нечего искать, ни клочка суши... Курс норд-ост!

Было отчего досадовать — лето выдалось промозглое, туманное и мерзкое, землю Жуана-да-Гамы не нашли, а сколько ещё предстояло сделать!

Пакетботы «Святой Пётр» и «Святой Павел» пошли на северо-восток. Так в 1741 году капитан-командор Беринг, изменив курс на рубеже 50° с.ш., упустил возможность открыть исконую землю, а она была совсем рядом.

Здесь преуспел лейтенант Семён Лотарев, высадившись 10 июня 1748 года на доселе неизвестном острове. Бородатые айны встретили его приветливо: им понравился красивый флаг (они ещё не догадывались, что он означает), а более того — русская водка.

Земля Жуана-да-Гамы, случайно найденная португальцами в начале XVI века, перестала существовать, и появились —

Лотаревские о-ва (айнск. *Репун мосири*, «Заморские земли») — самые северные из о-вов Русской Океании; расположены по 170° в.д., между 44°25' и 48°50' с.ш. Площ. ок. 5970 км². Цепь длиной 550 км. В сост. Камчатского края РФ. Население — 15641 чел. (2002 г.)

В 1580-1590-ых острова открыли испанцы, регулярно плававшие по 43° с.ш., однако утаили находку. Их приоритет выяснился после Семилетней войны, когда англичане разграбили архивы в Маниле, но было поздно — кто первый подал заявку, тот и владелец!

Лотарев имел свой ориентир — «скаску» колымских казаков, которых восемьдесят лет назад отнесло течением вдаль от юга Камчатки, к лесистым островам, где жили «люди мохнатые и бородатые». Вытребовав у «мохнатых» ясак в пользу московского царя, казаки убрались восвояси и походов на юго-восток не повторяли, ибо Курилы гораздо ближе.

Итак, лейтенант знал, куда плыть — но, как у нас водится, приплыл не туда, а к безлесному и мрачному Пойнамуширу, до которого чуть-чуть не дошёл Беринг.

*Уньние простиралось зимой над Пойнамуширом — выли собаки, буран-ушун трепал снасти и терзал суда у причала. В обступившей Мариинский Порт угрюмой тундре бродили горбатые призраки, а за штормовой мглой рокотал и мерцал адским маяком вулкан на острове Фора. Тряслась беспокойная земля. Мохнатые айны-ряпуницы, алеуты и камчадалы в своих землянках грызли юкору и простодушно дивились тому, какая окаянная судьба им выпала.**

Лотарев выдал айнскому *ниспе* (вождю) здоровенную медаль с орлом и профилем императрицы Елизаветы Петровны, медный котёл, пару ножей и десяток гвоздей. Ожидалось, что *ниспа* расчувствуется и в знак покорности охотно даст лейтенанту аманатов (заложников) для увоза на Камчатку, в Большеерецкий острог. Не тут-то было. Вождь радовался подаркам, с интересом пробовал на зуб медаль, говорил: «Ещё давай!» и делал намёки на офицерскую шпагу.

«Ну, борода, сейчас ты её получишь!» — начал вскипать Лотарев, но тут молодой туземец принёс, как образец желаемого, клинок незнакомого лейтенанту образца. Офицер тотчас насторожился и с помощью толмача — им

*Здесь и далее — Л. и А. Белаш «Дальше некуда» (сб. «Чайки над Кремлём», М. Яуза. ЭКСМО, 2007)

был камчатский казак, знавший язык курильских айнов, — повёл тонкий расспрос о происхождении этой сабли.

Где слов не хватало, казак до поту разводил руками и кривлялся, будто паяц балаганный, однако вызнал у князька, что сия вещь привезена с зюйда. Оттуда ж бывает на Пойнамушир много мануфактуры дорогой и красивой. Я показал, что желаю меняться, чтоб приобрести те вещи. Мне показали штуку шёлку, подмоченную и подпорченную, фарфоровые чашки и стеклянку-ароматницу. Всё это было китайское. Кроме той сабли, ряпуницы вынесли шагу гишпанскую и пистоль без кремня.

Лейтенант решил идти на юг, описать острова и разведать, что за мореходы в этих водах плавают. Щедрые бонусы — оловянные тарелки, иглы, листовой табак и морской кортик, — убедили ниспу выделить сведущих проводников.

При встречном ветре пакетбот шёл медленно, лавировкой, но к исходу лета Лотареву удалось картографировать земли до Макутана. Если вначале ему представляли хмурые горы, тундра и луга, то с Утармушира началась тайга из лиственниц и елей, затем появились берёзы. Птичьи базары, лежбища котиков и сивучей — будущее раздолье для промысловых артелей.

Лотарев отмечал всё, что может быть полезно русским поселенцам: лесные уголья, выходы медных и железных руд, залежи серы, тёплые источники. «Те воды, пустив их по трубам, резонно употребить для дармового согреву жилищ, а лесу отнюдь не жечь зря, но применить уголь на фабрикацию железа и пороха. На островах зюйда сенные покосы объявляются богаты. Земля годна для посева конопелей, ечменя и ржи».

Пока лейтенант размышлял о железоделательных заводах и убеждал айнов присягать государыне-императрице, его подчинённые, истомившись без ласки, живо интересовались ряпунками. Женщины айнов с их своеобразной нравственностью были чрезвычайно привлекательны, несмотря на страховидные татуировки вокруг рта. Опять-таки, шастая между айнскими «юртами», приезжие поддавали соблазну приобрести за так ценную «мягкую рухлядь». Понадобились строгие меры, чтоб туземцы не возмутились и не вырезали экспедицию.

То чуду подобно, что мы никого не убили до смерти и большого грабежу не учинили. Приструнять казаков и морских солдат стоило мне немалых сил. Будучи народ распутный и отчаянный, большею частью из преступников, сосланных в Сибирь, они собственную жизнь ни во что не ставят, то же думают и о жизнях других.

После того ещё более сил надобилось, дабы склонить ряпунцев платить в казну ясак и быть верными в усердии к российскому народу. Их тёмным головам невдомёк, какое счастье обретут они взамен ясачного сбора. Сюда следует прислать монахов для внушения православной веры и русской грамоты, а также учредить военные посты...

Последним в гряде явился остров Макуне-котан, где князёк ряпунский принял нас мирно.

Дальше лежал, по словам айнов, Большой Пролив или, как растолмачил казак, Перелив. «Плыть его долго-долго!» — самой собой, айны говорили о байдарах. «По Переливу ходят великие лодки, много богатые! Сабли, красота, гладкий шёлк, гладкие женщины!»

Легко было догадаться, что по Переливу идёт важный корабельный путь.

Лотарев, окончив гардемаринном Морскую академию, практиковался в Архангельске, Амстердаме и Кадисе. Он слышал о некоем «пути Урданеты», ведущем с Филиппин в Мексику — громадные галеоны испанцев едва не полгода шли с западными ветрами через водную пустыню. Оказалось, не пустыня это!

Земля, зовомая Жуан-да-Гама, была стояночным местом, где гишпанцы брали пресную воду и провизию, никому о том не сказывая и храня свои ложи в тайне. Однако же секреты рано или поздно объявляются на свет. На пути гишпанцев не замедлили явиться тати, как всегда бывает у проезжего шляху.

На Макуне-котане навстречь мне из юрты, крытой сеном, выбегла женщина не здешнего обличия со словами: Сеньор офицер, ради Пресвятой Девы, увезите меня отсюда! Это оказалась филиппинка Корасон Лирия из челяди вдовы Ровельяс, плившей на галеоне «Нуэстра Сеньора де Ковадонга». Судно везло в Акапулько шелка, специи, наряды и благоволия. Всё досталось голландским пиратам, поджидавшим галеон за Переливом у острова Оруторо. Ряпунцы им пособничали.

Лейтенант встал перед выбором: возвращаться ли в Петропавловск — благо, ветер попутный, — или зимовать на Макутане, посвятив время ремонту корабля, а затем продолжить путешествие на юг?

После смерти Петра I мизерный русский флот (в основном — гребной!) стухся на ноль и крейсировал не дальше Ревеля, редко высываясь из Балтики. Куда им было, на галерах-то... Проще сказать — полный дестрой. Судно клепали абы как, чтоб только на воде держались.

Пакетбот «Святой Андрей», построенный в Охотске, был того же типа «Господи, помилуй!» — сколочен из сырого леса на гвоздях и деревянных нагелях, доски расходятся, обшивка протекает. При спуске это горе так углубилось, что пришлось снимать часть пушек, иначе в штиль утонет. При шторме пакетбот рисковал лечь на бок, а тогда — руби мачты.

Лотарев решил остаться, кренговать и чинить судно, а заодно построить избы и блокауз. На месте зимовки экспедиции теперь стоит посёлок Нитумский.

Осмелимся предположить, что одной из причин, побудившей лейтенанта провести полгода на юге Лотаревских островов, были прекрасные очи Корасон Лирии. Он не сообщает, каким образом филиппинка переместилась из юрты «князька» в его избу, а говорит об этом, как о свершившемся факте.

Сердечко привела с собою жить сына Косямаина пяти лет и дочь Ма-ци трёх лет, которых я прозвал Козьмой и Марьею. Она знатно сведала о языке ряпунском и переводила на гишпанский, толкуя мне всё неясное.

Здесь в обычае многомужество и многожонство, и куру, сиречь мужи, имеют на других островах пон моци, верных полюбовниц. Меня прозвали нуца утару паке, главою русских.

Дальнейшие земли за Переливом простираются на зюйд, где море тёп-лое, и там на крайних островах живут фуре сисам, красные чужаки, из-рядные пловцы, которые к себе ряпунцев не пускают и сражаются, мет-кою кидая камни из пращей и копя из металок.

Познавая сии земли и народы, я полагаю себя как бы Кортцецем, а Сер-дечко своею Мариной, помогающей мне из приязни. Касаемо судна «Ну-эстра Сеньора де Ковадонга» она...

Последнее незавершённое предложение в записях Лотарева замазано, даже низ страницы оторван, поскольку (это известно из других источников) речь шла о полтораста тысячах золотых песо из груза галеона, которые были зарыты на островах за Переливом. Очевидно, лейтенант смекнул, что написал лишнее.

Со снегами и туманами пришла морская зима. Будущий посёлок Нитумс-кий погрузился в полусон, нарушаемый лишь стуком топоров у пакетбота, по-рой — выстрелами охотников и криками «шумства», как тогда именовалось пьянство. Русские трудились, знакомились с национальным напитком ай-нов — саке, — и миловались с ряпунками, закладывая начало этнической общ-ности метисов-«лотарей». Камчадалы и алеуты влились в этот замес позже.

Рейд за Перелив

Слово из уст камчатского казака зачеркнуло все предыдущие названия и дало имя очередной земле, лежащей на пути Лотарева —

Переливные о-ва — расположены по 170° в.д., между 37°40' и 43°18' с.ш. Площ. ок. 7860 км². Цепь длиной 719 км. В сост. Кам-чатского края РФ. Население — 27117 чел. (2002 г.)

Эти острова, лежащие поперёк течения Куроисио, открывали многие. Око-ло VIII-VII тысячелетия до н.э. на южные Переливы пришли австронезий-цы, которых монголоиды выперли с юго-востока Китая. Затем в VII-VI вв. до н.э. явились айны с Лотарей и освоили северные Переливы, назвав их *Ци-отаннэ мосири*, «Протяжённые земли». Китайцы именовали их *Хайтан*, «Страна диких яблонь», испанцы — *Исла-дель-Арменьо*, «Острова армяни-на», голландцы — *Кастрикум*...

Казалось, тут оттоптались все, кто мог — но закрепились немногие. Оно и понятно: острова далёкие, туземцы злобные, ни золота, ни пряностей.

Даос Сюй Фу (219 г. до н.э.) осел здесь потому, что вернуться к импера-тору Цинь Шихуанди без плодов бессмертия — это подставить шею под меч. К приезду буддиста Хуэйшаня (486 г.) Сюй Фу и его бригада из сотен

невинных девиц — видимо, только им можно доверить сбор волшебных персиков! — растворились среди австронезийцев.

Возможно, удержались бы опорный пункт и фактория, созданные адмиралом Чжэн Хэ (1407 г.), но его проект заморской экспансии свернулся под давлением конфуцианцев (хотя китайцы ещё век тайком шныряли в «Страну диких яблонь» за ценными шкурками).

Но Семён Лотарев двинул за Перелив так, будто он первый. Так и надо всюду лезть! Хоть бы там народ кишел и торчали флаги всех прежних посетителей — ни на что не взирать! Всё попать, повергнуть, наплевать на всех и топорщиться, как петух на заборе! Это гарантия победы.

Примеры успешного самолюбования и планомерного отрицания всего чужого нам являют торжествующие нации.

Скажем, англичане до сих пор не ведают, кто открыл Антарктиду. На фамилиях «Беллингаузен», «Лазарев» им сводит челюсти — и всё! ни звука, кроме Кука.

Или японцы. В 1798-ом, уничтожив следы полувекового пребывания на Итурупе русских, они установили столб с табличкой: «Эторофу, владение великой Японии», а позже табличку подправили: «Остров издревле принадлежит великой Японии». Теперь требуют Итуруп назад и предъявляют филькину грамоту — то есть ту «древнюю» табличку.

...При отъезде Корасон Лирия со слезами сообщила лейтенанту, что зиму они провели не впустую. Командуя подъёмом парусов, Лотарев подумывал о честной женитьбе, но ближайший поп находился в Петропавловске. Наличие Козьмы и Марьи, прижитых Сердечком от «князька», Семёна не смущало — истинный герой детей не считает!

Энтузиазм первопроходца, долг перед государыней и золотые песо звали его на юг. В конце концов, семье необходимо прочное обзаведение — а шкурок каланов, добытых на Макутане, Лотареву казалось мало. Всякий ум бы смутился, вычисляя головокружительную разницу между камчатской ценой морского бобра (30 рублёв) и кяхтинской (до 80 рублёв), даже за вычетом госпошлины.

Предо мною оказался остров Оруторо, что по ряпунски значит — Противуположный Брег. Он густо порос елями и пихтами. От макутанского князька ведомо, что здесь водятся лисицы, соболя и протчие пушные звери. Помимо того, водятся и разбойники, каковых я обрёл в лице мингера Ван-Флиссингена, явившегося из Батавии на бриге «Маврициус» с командой из разной сволочи.

Отродясь не наблюдал я столько проходимцев в одном месте, кроме как в лондонских портерных. При том, что собственные мои людишки отнюдь не святые, и даже превосходны своею грубостью перед англицкими матросами (кои все до единого востребованы из-под виселицы и коих всюду гнушают из-за их хамства), но команда Ван-Флиссингена хлеще будет. Поистине антихристово семя. Абордажный отряд из арапов, до пояса голых, за кушаками вложены кривые сабли и ножи. Чего нам не доставало, так это иметь под боком новую Гортугу.

Капитан приветствовал меня в рупор: «Какого чорта ты тут делаешь, приятель? Я пришёл первым! Уважь меня, как полагается, тогда я возьму тебя в долю!»

В ответ Лотарев кратко и ясно потребовал от голландца убираться хоть к самому дьяволу, но здешние воды покинуть и впредь не появляться, разве что для честной торговли. Была помянута «Нуэстра Сеньора де Ковадонга», в ограблении и потоплении которой лейтенант громко подозревал Ван-Флиссингена.

— Моя добыча взята честным трудом, и она священна, как всякая собственность. Я накажу этого нахала, — подытожил голландец и приказал своим людям готовиться к бою.

— Правый борт — картечью — огонь! — скомандовал Лотарев, у которого всё было готово заранее.

Он чётко сознавал, что для манёвров времени не будет, а если промедлить, бриг отправит кривобокое охотское корыто прямиком на дно.

Картечь метлой прошла по палубе голландца, следом загрели ружья и пистолы, частой пальбой внося беспорядок в ряды пиратов. Казаки — умелые охотники, — зря пуль не тратили.

Когда пакетбот встал бортом к бригу, Лотарев с обнажённой шпагой взметнулся на вражеский корабль, крикнув своим: «На абордаж!» Дав залп, морские солдаты дружно ринулись за ним в штыки.

Завязалась рукопашная. Потеряв преимущество в артиллерии, Ван-Флиссинген сам бился с Лотаревым — тут ему явилось (последнее в жизни) откровение: насколько же схватка с озверевшими русскими опасней налёта на неповоротливый галеон!..

Через полчаса всё кончилось. Первое военно-морское сражение россиян на Тихом океане было выиграно; следующий манильский галеон мог без опаски пройти Перелив и плыть в Акапулько.

Следует заметить, что казаки, воодушевлённые успехом, намекали лейтенанту — мол, не худо бы самим пресечь путь галеону и разжиться китайскими товарами, а заодно обзавестись красотками. К счастью, Лотарев преодолел соблазн и жёстко объявил: «Маврициус» есть боевой трофеей, а разбою я не потерплю!»

Читать карты и ходить на паруснике «в голомень» (в открытом море) казаки не умели, штурман и матросы из поморов были на стороне лейтенанта — поэтому шальные мысли поднять чёрный флаг быстро выветрились из казачьих голов.

Принципиальность Лотарева привела к тому, что на островах вслед за голландскими появились могилы других наций, а самые удачливые из заезжих удальцов смогли примерить кандалы и ознакомиться с условиями восточносибирской каторги.

— По закону я обязан выслать вас на материк, в Охотск. Оттуда вы проследуете в Верхоянский острог. Суровые места, должен вам сказать. Зимой там от мороза трескаются лиственницы, снизу доверху. С вашей горячей кровью вы в Верхоянске года не протянете. Чахотка обеспечена.

— Судьба! — воскликнул испанец. — Я готов.
 — Но есть и другой выход. Квалья, переходите к нам на службу. У нас на Лотарях...
 — В нашей русской Лотарингии... — не удержался Дивов.*

Предав земле погибших, описав Оруторо — и пошарив по нему в поисках клада, — Лотарев направил бриг, принявший имя пакетбота, далее на юг по цепи гористых островов.

Лейтенант расположился в комфортабельной каюте покойного Ван-Флиссингена, с интересом изучая его морские карты и судовой журнал «Маврициуса». Судя по всему, голландец был контрабандистом, продавал ост-индские товары в испанских колониях Америки, не брезговал пиратством и работорговлей, а порой разведывал острова в этой части океана. Его корабль был построен из тика, твёрдого как железо и не поддающегося гниению — лучше трофея не придумаешь.

С точки зрения законности поступок Лотарева был небезупречен — голландские историки до сих пор нудят, что-де русский лейтенант силой отнял у их соотечественника и славу, и открытия, и жизнь, — однако записи Ван-Флиссингена о дележе добычи, включая рабов, так живо напоминали песню «Там дуванит дуван воровская артель», а его наложница-испанка выглядела так бледно и забито, что Лотарев решил про себя: «Я прав!» Мы добавим: «Наш парень всегда прав».

В поисках золотого клада (возможно, не избегая популярных тогда методов Тайной канцелярии) он открыл всю цепь Переливных островов.

Умеренный морской климат, на юге П.о. близкий к субтропическому. Тёплое 3 (Северо-Тихоокеанское) течение. Ветры января — ССВ, июля — Ю. Средние температуры: в январе -3°C на С., $+5^{\circ}\text{C}$ на Ю.; в июле — соотв. $+17^{\circ}\text{C}$ и $+24^{\circ}\text{C}$. На средних и южных П.о. — широколиственные леса (дуб, бук, клён), встречаются также хвойные леса из японской криптомерии, кипарисов и сосны. В горах выше границы леса — заросли рододендрона, кедровый стланик, верещатники, субальпийские и альпийские луга.

«Следовало взять с собой Сердечко» — думал Лотарев, разглядывая в подозрную трубу зелёный остров Коробок. Он убедился, что ряпунцы и ситанцы (они сознавали себя единым народом, *сингу-тара*) высоко ставят женщин и прислушиваются к их мнению. Лейтенант уже встречался с тем, когда ниспой рода или селения была женщина. Удивительные нравы!

Впрочем, он хорошо овладел языком айнов, умел ладить с ними и терпимо относился к их божкам-*каму*. Было бы глупо рассориться с туземцами, тем более — воевать. Ряпунцы далеко и метко били стрелами (в том числе отравленными), бегали проворно, словно скаковые кони, ловко плавали на байдарках и умели днями укрываться под водой, дыша через тростинку. Похвальбу о том, что они могут напускать туман, Лотарев всерьёз не принимал.

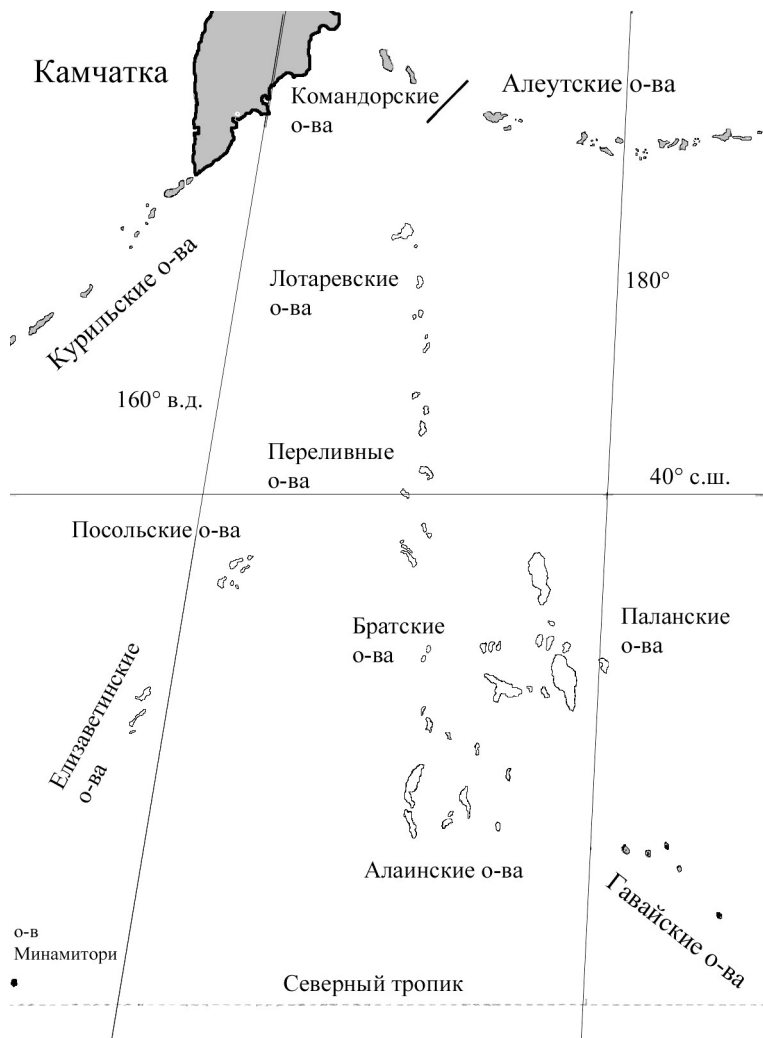

Но как относиться к их рассказам, будто пять южных Переливных занимают *фуре сисам*, хитрые инородцы, древние как само море?

«Мы к ним не ходим! Они охряные, красные, дышат водой. Их покойники живут в холмах, они лезят в холмы за советом. Плохие люди. Чёрные с запада возили красным серебром» — и всё в том же роде, и чем дальше, тем запутанней.

— Шлюпки на воду, — распорядился Лотарев. — К высадке!

От Коробка до брига было три морских мили, погода стояла тихая — ни пловца, ни байдары с берега. Но вдруг в воде забелело пятно, по плечи

всплыл светловолосый парень, оглядел «Святого Андрея» и людей, замерших у фальшборта, после чего без всплеска, без вдоха погрузился и пропал.

Лейтенант, лично бывший свидетелем, поспешно и взволнованно записал: «Ручаюсь, то был не тюлень, не морская корова, открытая Стеллером, а всамделишный человек, сколь я успел заметить — стройного и сильного сложения, сходный с архангелогородским или каргопольским мужиком, но имеющий черты лица, чем-то подобные аннамитским».

На дворе был 1749 год. Только что кончилась война за австрийское наследство и внедрилось кесарево сечение, прежде бывшее под церковным запретом. Мария Терезия отменила процессы против ведьм; берлинский аптекарь Маркграф впервые обратил внимание на высокое содержание сахара в свёкле; во Франции начали выпускать часы типа «брегет»; начались раскопки Помпей; 1500 английских солдат отравились рыбой на острове Родригес (из-за чего сорвался захват Маврикия), а в будущих США (по свидетельству Г.Ф.Лавкрафта) от браков с некими полинезийцами начали рождаться дети с чешуёй, очень любящие воду.

В Петров пост его превосходительство Константин Викентьевич получил запрос Володихина: что делать с 1247-ю вольными поселенцами, оказавшимися на Лотарях «Божьим промыслом»?

— Это саке, — была первая реакция Бенедиктова. — Плохое, вредное для рассудка саке.

Но тысяча двести с лишком душ — не шутка, даже если они с луны свалились.

— Сергей Петрович пишет, что они опытные в морских промыслах, знают ветра и течения, прекрасные пловцы и ныряльщики, — совещался наместник с заместителем. — Но вот это... «бывают под водой час и более» — явное преувеличение. Это же не индийские факиры! И какой прок от их умения?

*— Жемчужный лов, — кратко молвил заместитель. — Сбор кораллов и перламутровых раковин.**

(Продолжение следует)

ЛЕВ ГУРСКИЙ

ЛЮДИ И НЕЛЮДИ ИЗ ЗОЛОТА И ЖЕЛЕЗА

Даже крупный бюджет фантастического фильма – не гарантия успеха: многие миллионы зеленых денег ухнули в трубу из-за того, что продюсеры избрали не ту тему (не того режиссера, не тех актеров... ну или просто не повезло). Однако в нашем сегодняшнем обзоре – фильмы, которые, похоже, окупят (или уже окупили) вложенные в них немалые средства. Два из них – экранизация комиксов, один анимационный, а четвертый снят на грани между фантастикой и ураганным детективом, привлекая к себе поклонников обоих жанров. Впрочем, и трем предыдущим фильмам на отсутствие поклонников пока жаловаться грех.

Добрый, красный, безрогий

Рассказ о фильме *Гильермо Дель Торо* «Хеллбой 2: Золотая армия» (Hellboy II: The Golden Army, США, 125 минут, «Universal Pictures Rus», 2008) начнем, для порядка, с первого «Хеллбоя». В фильме 2004 года, снятом по мотивам комиксов Майка Миньолы, рассказывалась предыстория появления заглавного героя. В 1944 году немецкие агенты в Шотландии, руководимые воскресшим Григорием Распутиным, пытались открыть дверь в преисподнюю, чтобы уничтожить этот мир. Затея не удалась, но в открытую дверь протиснулся мелкий бесенок, который через шесть десятилетий становится – стараниями консультанта Рузвельта по паранормальным явлениям профессора Тревога «Брума» Бруттенхольма (Джон Херт) – опытным бойцом невидимого фронта ФБР, то бишь охотником за выходцами из иного мира. В связке с Хеллбоем (Рон Перлман) действуют телепат-амфибия Эйб Сапиен (Даг Джонс) и девушка-пирокинетичка Лиз Шерман (Сельма Блэр). Первый фильм собрал не слишком впечатляющую кассу, хотя очень порадовал киноманов, для которых ценны оказались все визуальные эффекты картины (фантазия дель Торо восходит не столько к комиксам Миньолы, сколько к картинам Босха). Студия «Юниверсал» купила сценарий, дала режиссеру примерно столько же денег, сколько и прежде (первый «Хеллбой» был снят за 66 миллионов), и в фантазии не ограничила. Итак, пока Хеллбой строит свои непростые семейные отношения с девушкой-факелом Лиз и мирно попивает пиво в компании амфибии Эйба, миру грозит новая напасть: эльфийский принц Ну-

и Лиз Шерман (Сельма Блэр). Первый фильм собрал не слишком впечатляющую кассу, хотя очень порадовал киноманов, для которых ценны оказались все визуальные эффекты картины (фантазия дель Торо восходит не столько к комиксам Миньолы, сколько к картинам Босха). Студия «Юниверсал» купила сценарий, дала режиссеру примерно столько же денег, сколько и прежде (первый «Хеллбой» был снят за 66 миллионов), и в фантазии не ограничила. Итак, пока Хеллбой строит свои непростые семейные отношения с девушкой-факелом Лиз и мирно попивает пиво в компании амфибии Эйба, миру грозит новая напасть: эльфийский принц Ну-

ада (Люк Госс), сын короля Бетмора, решает прервать древнее перемирие людей и эльфов и объявить человечеству войну. За что? За то, что люди возгордились, изгадили природу и понастроили парковок для свои поганых тачек. Помимо верного меча и подручного-тролля у принца есть секретное оружие. Оказывается, если собрать из нескольких частей древнюю корону Бетмора, то можно управлять практически непобедимой древней Золотой армией — проще говоря, армией несокрушимых роботов. Чтобы добыть недостающие фрагменты короны, Нуада убивает собственного отца, устраивает бойню на аукционе и преследует свою сестру-близнеца Нуалу (Анна Уолтон), которая успела унести последний фрагмент короны. Таким образом, Хеллбой, Лиз, Эйбу и примкнувшему к ним куратору, человеку-духу Йохану Крауссу (такой сверхъестественный дымок внутри водолазного скафандра), надо остановить принца, пока не произошло непоправимое... Если смотреть второго «Хеллбоя» сразу вслед за «Хрониками мутантов» Саймона Хантера (о нем рассказывалось в одном из предыдущих обзоров), то можно найти немало сходства между фильмами. Тут и Перлман в роли спасителя, и Уолтон в роли печальной вооруженной девы, и немецкое имя у одного из участников экспедиции, и сама экспедиция с целью отыскать в некоем подземелье страшную доисторическую механику. Правда, в «Хрониках мутантов» людскую цивилизацию спасают сами люди, а в «Хеллбое» — разнообразные нечеловеческие существа и мутанты. Недаром по ходу фильма принц Нуада интересуется у Хеллбоя: мол, какого черта красный великан с отпиленными рогами и каменной клешней вместо руки защищает человечество? Заглавный герой и сам не знает. Да и сценаристы, избегая пафоса, не дают конкретного ответа на этот вопрос. Должно быть, Хеллбой защищает человечество ровно по той же причине, по какой он спасает кошек от троллей: потому что они беззащитны. Если им не помочь, любой потусторонний гад схрумкает человечество и косточек не оставит. А у Хеллбоя, несмотря на всю его драчливость, — доброе сердце. Или что там бьется в красной каменной его груди...

Миллионер-робокон

У некоторых персонажей комиксов сила и мощь — врожденные, кое-кто приобретает их в результате мутации, а некоторым требуется привлекать технические приамбасы. Последнее, например, происходит в фильме *Джона Фавро «Железный человек»* (Iron Man, США, 120 минут, «Universal Pictures Rus», 2008). Название символично. Железо — металл, почти так же любимый кинематографистами всех стран, как и золото. Один из первых фильмов с Арнольдом Шварценеггером так и назывался «Качая железо» (Pumping Iron), а уж сколько раз экраны бороздили Железные Дровосеки, Железные Орлы, Человеки в Же-

лезной Маске и с Железными Крестами — и вообразить сложно. Великий мэтр польского кино Анджей Вайда даже в свое время поставил целый фильм «Человек из железа» (Czlowik z zelaza), где объяснил народу, из чего же, из чего же, из чего же сделаны лидеры профсоюза «Солидарность». Все это как будто напрямую не связано с «марвеловскими» комиксами «Iron Man», родившимся на свет в 1963 году, но косвенное отношение несомненно имеет: империя Стэна Ли решила самостоятельно, без помощи студий-мейджоров, снимать полнометражное кино за 176 миллионов баксов, производя предварительный мониторинг и убе-

дившись, что у массового мирового зрителя нет никакой идиосинкразии к железу. В тех комиксах, кстати, оружейный магнат, глава корпорации «Старк Индастриз» Тони Старк был хоть и техническим гением, но изрядной сволочью: он менял женщин, как перчатки, пил по-черному и продавал свой смертоносный товар всем, кто платил. Однако попав в плен к вьетконговцам и сбежав при посредстве собственного гения, Тони пересмотрел свое отношение к жизни. То есть пацифистом он, конечно, не стал, но стал задумываться, кому служат произведенные им штучки. И, наконец, решил: пусть-ка они служат самому Тони Старку — и больше никому... Создание фильма теперь на 100% контролировалось самими комиксopоизводителями, а потому никто из них уже не мог попенять на то, будто бы Большой Голливуд все нагло переделал и перепортил. Так что «марвеловцам» самим, без чьей-либо помощи — и с целью экономии средств — пришлось обойтись без ретро и пойти на осовременивание места действия (с Вьетнама на Афганистан) и смену команды первоначальных злодеев: ими стали явные талибы, возглавляемые Резой (Фаран Тахир) и Абу-Бакаром (Саид Бадрийя), — хоть и назывались они в фильме членами экстремистской организации «Десять колец». Эти-то властелины сомнительных колец, пленившие Старка, выкатывали ему наглое условие: сделать им прямо тут же, из подручного хлама боевую ракету «Иерихон» (не ту, которая стоит на вооружении у Армии обороны Израиля, а другую, фантастически мощную, от «Старк Индастриз»). Пленный магнат, естественно, задумывает побег, а поскольку верхом на ракете удирать из плена опасно, придумывает себе металлический скафандр с реактивными двигателями — на них он и улетает, разметав тюремщиков. Попутно, в тех же пещерах, гений сооружает небольшой ядерный реактор размером с теннисный мячик (без реактора уже никак не возможно превратить его израненное

осколками сердце в пламенный мотор). На главную роль в фильме было решено взять, после долгого перебора вариантов (в кандидатах ходили и Ник Кейдж, и Том Круз), Роберта Дауни-младшего — по сходству судьбы с героем. То есть актер, конечно, в плен не попадал и ничего такого технического своими руками не строил, кроме «косячков», зато по части алкоголя и женщин был совершеннейший Старк. Остальные роли распределились так: друг-соратник героя, полковник Джим Роудс — Терренс Ховард (актер согласился на эту маловыигрышную роль в надежде на сиквел, где и ему дадут развернуться); преданная секретарша-возлюбленная Пепшер Потс — очаровательная Гвинет Пэлтроу; недруг-предатель Обада Я Стэйн — Джефф Бриджесс, почему-то загримированный под Петра Столыпина. Понятно, что все оставшееся время главный герой будет, запихнув себя в железо, творить добро. Понятно, что под конец главный злодей, запихнув себя в еще более крутое железо, будет творить зло. В финале две железяки со страшным лязганьем сойдутся в клинче — прямо как бойцы-трансформеры или плохой и хороший Робокопы из второй серии, — и добро победит неизвестным для науки способом. Казалось бы, материала для фильма-сиквела тут уже не осталось, но... Зритель, досмотревший все титры, станет свидетелем появления уже в самом-самом конце Сэмюэля Джексона. Тот сделает нашему Железному предложение — стать его напарником. Потому что, как всем известно, прежнего напарника Джексона, Джона Траволту, еще в середине «Криминального чтива» замочил Брюс Уиллис. Шутка? А вы думаете, случайно слова «iron» (железо) и «irony» (ирония) в английском языке отличаются всего на одну букву?

Обаятельный металл

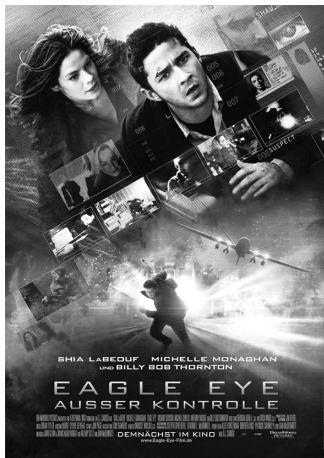

А теперь — еще об одном железном создании. Правда, нечеловеческом по форме, но очень человеческом по сути. Речь пойдет о главном персонаже анимационной ленты *Эндрю Стэнтона «Валл-И»* (Wall-E, США, 2008, 97 минут). Много лет назад, еще в первой трети минувшего века герой Чарли Чаплина маленький Чарли оживил две насаженные на вилки булочки. В 70-е годы все того же XX века наш мультипликатор Гарри Бардин оживил обитателей двух спичечных коробков, послав спички воевать друг с другом. Еще позже появилась студия «Пиксар», чей первый анимационный ролик строился на оживлении двух настольных ламп — большой («ма-

мы») и маленькой («ребенка»). С тех пор мастера «Пиксара», подкрепив свои таланты неслабыми вложениями (о которых мастерам с «Союзмультфильма» можно было только мечтать), занимались компьютерным оживлением разнообразных существ и предметов. Режиссер Эндрю Стэнтон, рассказавший вполне «человеческую» историю из жизни рыб и прочих обитателей глубин («В поисках Немо»), в новой своей полнометражной анимации вложил душу в железяки и сделал их весьма привлекательными... Сюжет прост. Загадив Землю, человечество поступило точь-в-точь как чеховская Раневская, которая наделала долгов и свалила из вырубаемого вишневого сада, оставив все хлопоты рассыпающемуся Фирсу. То есть представители вида homo sapiens решили отсидеться в космосе на корабле «Аксиома» лет эдак пять, пока роботы системы ВАЛЛ (Вселенский Аннигилятор Ландшафтный Легкий) не приведут планету в приличное состояние. Однако мусора слишком много, роботы постепенно ветшают, ломаются, и через 700 лет после отлета землян с Земли на всей планете (ну или, по крайней мере, на всем Манхэттене) остается лишь один робот-уборщик: в его маркировке присутствовала еще и буква «И» — то есть «интеллектуальный», — и механическое существо как-то научилось себя чинить. Если бы роботы могли быть пессимистами, ВАЛЛ-И, наверное, давно бы повесился от тоски и безнадёги, поскольку и тысячи лет не хватит на борьбу с заполонившим все мусором. Однако маленький дребезжащий обшарпанный робот — оптимист. Каждое утро он просыпается в своем контейнере, надевает на колеса гусеницы, кормит ручного таракана и отправляется «возделывать свой сад». И это происходит до тех пор, пока с неба не опускается космический корабль и оттуда не появляется белоснежное механическое существо, которое состоит из шара-головы и округлого цилиндра-туловища. Это ЕВА — посланница корабля с людьми. Автоматика, оказывается, решила, наконец, проверить Землю, работает ли на ней процесс фотосинтеза. Мол, если растения есть, то можно возвращаться и людям. Маленький робот-уборщик, само собой, влюбляется в ЕВУ (даром, что он — не АДАМ), однако у белоснежной пришельницы Миссия все же на первом плане, и противиться ей невозможно. Обнаружив на планете зеленый сорняк, ЕВА вынуждена отправиться в обратный путь, а ВАЛЛ-И, позабыв о чувстве долга, кидается вслед за ней... Девятый полнометражный мультфильм, совместно созданный студиями «Дисней» и «Пиксар», многие критики уже успели назвать шедевром. Быть может, эта картина и не шедевр, но она, бесспорно, хороша. Маленький, неуклюжий, глазастый, застенчивый ВАЛЛ-И вызывает в памяти не только робота Джонни-5 из «Короткого замыкания», но и первообраз обоих роботов — маленького ЕТ из «Инопланетянина» Стивена Спилберга. Понятно, что в финале ВАЛЛ-И обретет свою любовь. Ну, а если он по ходу дела спасет человечество от окончательной деградации, можете считать это бонусом.

Под прицелом Большого брата

Не все роботы, увы, одинаково полезны, а некоторые — очень даже вредны. К этому выводу придут зрители фильма режиссера *Д. Дж. Карузо* «**На крючке**» (Eagle Eye, США, 118 минут). В прологе зритель становится свидетелем операции американских военных: им кажется, что бородач, попавший в объективы их спутниковых камер слежения, — крупный международный террорист. Правда, главный супер-пупер-компьютер, созданный в рамках оборонного проекта «Орлиный глаз» (о проекте и о названии мы узнаем чуть позже), очень не советует людям бить по цели прямой наводкой, поскольку вероятность ошибки очень велика. Министр обороны Джефф Каллистер

(Майкл Чиклис — «Фантастическая четверка») колеблется, но президент США по телефону дает команду: «Вдарить!» Ба-бах — и целая толпа бородачей, пришедших на чьи-то похороны, скрывается в дыму... Дальше начинается история, как будто не связанная с прологом. Молодой парень Джерри Шоу (Шиа ЛаБеф — «Трансформеры»), в отличие от своего умменького брата-близнеца, работающего на правительство где-то глубоко в секретном центре Пентагона, — абсолютный лузер. Он работает за сущие гроши в копировальном центре и часто бывает настолько на мели, что не в силах заплатить квартирной хозяйке. Другой главный персонаж фильма, молодая женщина Рейчел Холлеман (Мишель Монохэн) — тоже не ир числа больших удачников: ее муж оказался полным придурком, и теперь женщина вынуждена в одиночку воспитывать малолетнего сына Сэма (Кэмерон Бойс — «Зеркала»). Всего через несколько минут после того, как мы познакомились с героями, Джерри окажется на похоронах брата, который очень подозрительно погиб в автокатастрофе, а Рейчел провозит сына в Вашингтон (где мальчик, играющий на трубе, должен будет принять участие в важном концерте). А еще через несколько минут в жизни обоих главных персонажей произойдут крайне неприятные события. Джерри обнаруживает внезапно не только крупную сумму на своем банковском счете, но и целую прорву оружия и прочего террористического снаряжения (включая поддельные паспорта) прямо в своей комнате, и, не пройдет и минуты, как его со всеми доказательствами преступной деятельности зацепает ФБР. В то же самое время мобильник Рейчел зазвонит, и незнакомый женский голос скажет: «Если тебе дорога жизнь сына, ты будешь строго выполнять все мои приказы». В свою очередь, Джерри, которо-

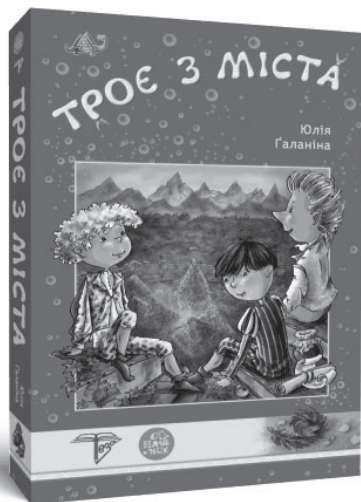
му такой же телефонный голос подсказал план побега из-под стражи, тоже получает загадочные инструкции. Ему надо их выполнить и при этом увернуться от агента ФБР Томаса Моргана (Билли Боб Торнтон — «Плохой Санта»), который преследует беглеца. Но голос в телефонной трубке могуществен и может организовать героям множество бонусов, а преследователям — множество препятствий. Начинается почти двухчасовое действие с погонями, перестрелками, перевернутыми машинами, падениями железных опор линий электропередач и инструкциями (куда бежать дальше), которые высвечиваются на попадающихся на глаза героев электронных табло... Самые простодушные рецензенты этого фильма, обращая внимание на имя Стивена Спилберга в титрах (голливудский мэтр стал продюсером картины), сообщают своим читателям, будто в основе ленты — идея самого Спилберга. Рецензенты поискушенной отмечают, что продюсер, придумывая свою историю, основательно попался в угоды Хичкока и Оруэлла («Big Brother is watching you!»), а заодно немало позаимствовал у киноколлег, создавших фильмы о возможности тотальной слежки за любым жителем современного мегаполиса («Враг государства», «Крепкий орешек 4.0» и др.). Однако никто из рецензентов не заметил, что сюжетная первооснова взята из старого рассказа Айзека Азимова «Все грехи мира». Там, если кто помнит, юный персонаж становится объектом манипуляций суперкомпьютера и вынужден совершать некие действия, последствий которых он не осознает. Другое дело, что электронный мозг «Мультивак» таким необычным способом хотел совершить самоубийство, ибо смертельно устал от несовершенств человеческого мира. А вот упомянутый в самом начале рецензии суперкомпьютер из фильма (уже к середине ленты ясно, что именно его голос раздается в телефоне) не склонен к суициду. Наоборот, он решает исправить ситуацию в человеческом мире — или хотя бы в отдельно взятых Соединенных Штатах — и из-за этого замышляет дерзкий теракт. Очевидно, за полвека после выхода азимовского рассказа мир сильно изменился. Да, авторы фильма «На крючке», как и Азимов, тоже отвечают положительно на сакраментальный вопрос «Могут ли машины мыслить?». Однако логика сюжета ведет современных американских авторов к тому, что компьютер, научившийся мыслить самостоятельно, первым делом организует покушение на президента США...

ФАНТАСТИЧНО ЦІКАВІ КНИЖКИ!

лауреати конкурсу “Дитячий портал”

знижка для членів «hi-Tech клубу» на сайті видавництва

Юлія Галаніна
Троє з міста

Ірен Роздобудько
Пригоди
на невідомому
острові

Збережи час — купи на www.teza.in.ua та отримай поштою.

Купуйте в київських книгарнях «Знання», «Сяйво», «Книгарня “Е”».

Купуйте на ринку «Петрівка»: 40-й ряд 1-ше місце, 54-й ряд 9-10-те місце.

Купуйте в мережах «КС — Книжковий Супермаркет», «Літера».

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Эллен Дэтлоу (г. Нью-Йорк, США)
Атанас Славов (г. София, Болгария)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)

Консультанты редакционного совета: Марина и Сергей Дяченко

**Журнал «Реальность фантастики»
№12 (64), 2008.**

Тираж: 5 400. Цена договорная
Рег. свидетельство: КВ №7600 от 22.07.2003.

Подписной индекс

в каталоге «Укрпочта»: 08219
<http://www.rf.com.ua>, e-mail: info@rf.com.ua

Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель.

Перепечатка материалов
только с разрешения редакции.

© «Реальность фантастики», 2008.

Издатели: Элина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Издатель: ООО СофтПресс
Киев, ул. Героев Севастополя, 10

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Редакция: Киев, ул. Героев Севастополя, 10
тел. (044) 585-8282

Для писем: 03126, Киев-126, а/я 570/8

Редактор отдела иностранной литературы:
Борис Сидюк

Редактор отдела новостей:
Мария Комиссаренко

Редактор отдела рукописей:

Сергей Пальцун

Логотип, дизайн: ©Николай Литвиненко,
2003, J.K.® Design Studio, <http://www.jk.ua>.

Художественный редактор:

Федор Сергеев

Корректор: Аллан Кармин

Верстка: Дмитрий Василенко

Руководитель отдела маркетинга:

Ирина Савиченко

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Сбыт: Елена Семенова

Представители Издательского дома:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 345-06-25, 345-06-26,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич, тел.: (0322) 95-41-82,
e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов (viacheslavb@ua.fm)

Печать: ООО «Имидж Принт» г. Киев

